335.5.(09)

[illegible]

Д. РЯЗАНОВ
X

МАРКС и ЭНГЕЛЬС

ЛЕКЦИИ, ЧИТАННЫЕ НА КУРСАХ ПО МАРКСИЗМУ ПРИ СОЦ. АКАДЕМИИ

1 ЭКЗ.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
1923

П
К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009
1988

Напечатано в типографии ГПУ
(Б. Лубянка, 18)
в количестве 15.000 экземпляров
в апреле 1923 года.
Главлит № 4063 Москва.

ЕГ33
Р994
1
137436

ПРЕДИСЛОВИЕ

По моему предложению Агитотдел М. К. Р. К. П. решил в мае 1922 г. организовать краткосрочные курсы по марксизму при Социалистической Академии. «Цель курсов была повысить марксистскую подготовку и дать систему в дальнейших занятиях товарищам, находящимся на партийной, профессиональной или хозяйственной работе». Несмотря на крайне скептическое отношение ряда товарищей, считавших, что эта попытка привлечь на курсы рабочих из районов, не отрывая их от их партийных и других обязанностей, осуждена на неудачу, практика показала, что опыт удался блестяще. И возрастной состав (свыше 50% в возрасте от 30 лет и старше), и партийный стаж (поступивших в партию до октября 1917—69, в 1918 и 1919 г.г.—64), и социальный состав (свыше 80%—пролетарии) и посещаемость (80 человек не пропустили ни одной лекции)—все это говорило о том, с какими серьезными намерениями пришли товарищи.

Предполагалось, что курсы будут продолжены. К сожалению, Агитотдел М. К. отказался от этого.

На этих курсах по выработанному мною плану были прочитаны следующие циклы лекций: 1) Жизнь и деятельность Маркса и Энгельса—Д. Рязанов, 2) Диалектический материализм—А. Деборин и 3) вместо курса об историческом материализме, четыре лекции т. Степанова по истории религии.

На мою долю выпал чисто исторический цикл. Я должен был считаться с тем, что мои товарищи взяли на себя определенные темы. Изложение экономических взглядов Маркса предполагалось дать на следующих курсах, но десятую лекцию я посвятил краткому очерку «Капитала» и

вопросу о том, «как читать Капитал». Эта лекция будет издана мною, в переработанном и дополненном виде, отдельно.

Теперь читатель поймет, чем об'ясняются некоторые пробелы в издаваемых мною лекциях. Они посвящены главным образом, как и биография Маркса, написанная Рингом, жизни и деятельности Маркса и Энгельса, как революционеров.

Мне остается еще сказать несколько слов о характере этих лекций. Я старался быть популярным, насколько это позволял предмет моих лекций. Надеюсь, что для тех читателей, которым доступен мой комментарий к «Коммунистическому Манифесту», написанный для слушателей партшкол (издание «Московского Рабочего»), будут вполне доступны и эти лекции. Конечно, для этого требуется известная подготовка, отличавшая почти всех моих слушателей. Кроме высокой партийной подготовки, все они предварительно, по моему совету, прочитали книжки т.т. Цеткин и Стеклова о Марксе. Были и такие, которые, как это видно было из задаваемых ими вопросов, читали даже книгу Меринга. Таким образом, все слушатели были знакомы с обычной трактовкой выбранной мною темы.

Для учителей наших партшкол я должен прибавить, что, как они и сами это заметят, я в значительной степени расхожусь не только с Рингом, но и с другими биографами Маркса и Энгельса, а также с историками Интернационала. Характер лекций заставил меня отказаться от всякого ученого аппарата в виде ссылок и примечаний, и только в очень редких случаях я позволил себе несколько цитат. Могу однако сказать, что мои выводы основаны на многолетнем и тщательном изучении не только всего печатного, но и весьма богатого архивного материала, в большинстве случаев впервые извлеченного мною из пыли и забвения. Доказательства в пользу некоторых моих положений можно найти в собрании моих работ по истории марксизма, которые особо выйдут в свет.

Д. Рязанов.

18-го апреля 1923 г.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Введение.—Промышленная революция в Англии.— Великая французская революция и ее влияние на Германию.

Тема моя чисто историческая, но я ставлю себе вместе с этим и следующую задачу. Товарищи, вас интересуют Маркс и Энгельс, как творцы того, что называется материалистическим пониманием истории, как творцы научного социализма. Я хочу вам поэтому рассказать историю Маркса и Энгельса, пользуясь их же методом, применяя материалистическое понимание истории. Позвольте мне, товарищи, поэтому сказать несколько вступительных слов.

Мы привыкли, несмотря на то, что у нас имеется программа, подчеркивающая значение коллектива, масс, мы привыкли чересчур большое значение придавать иногда роли личности в истории. Мы несколько преуменьшаем роль масс. Мы отводим на задний план, все те общие исторические и экономические условия, которые определяют собою роль этих личностей. Мы начали это делать особенно часто в последнее время. Я беру две личности— Маркса и Энгельса. Личность Энгельса несколько отходит в тень сравнительно с Марксом. После мы увидим, в каком они находились взаимоотношении. Но, если мы возьмем Маркса, то мы вряд ли найдем в истории XIX столетия человека, который бы так определил своею деятельностью, своим научным творчеством, мысль и деятельность целого ряда поколений в целом ряде стран. Этот человек давно уже умер. В будущем году исполнится 40 лет с его смерти, но он еще жив, его мысль продолжает влиять, продолжает определять собою умственное развитие самых отдаленных стран, таких стран, которые при жизни Маркса о нем никогда не слышали.

Возьмем нашу страну. Для России имя Маркса является очень знакомым. Вот уже более 50 лет прошло с тех пор, как вышел русский перевод «Капитала» Маркса, но с каждым годом влияние марксизма, влияние этой системы идей, все более и более увеличивается. Ни один историк через много веков не в состоянии будет изучать русскую историю с 80-х годов, не изучив предварительно сочинений Маркса и Энгельса. Настолько Маркс, настолько Энгельс вошли целиком в историю русской общественной и социалистической мысли, в историю русского рабочего революционного движения.

Мы имеем перед собою, таким образом, людей весьма выдающихся, определивших собою направление человеческой мысли. Попробуем посмотреть, при каких условиях, в какой среде развились эти люди. Всякий человек является продуктом определенной исторической среды. Всякий великий гений, вносящий новое, вносит это новое на основании того старого, что было сделано до него. Он не вырастает на пустом месте. Больше того, если вы хотите определить действительную степень гениальности, оригинальности данного человека, вы можете это сделать только в том случае, если вы имеете приблизительное представление о том, что было сделано до этого человека, какой степени развития достигли человеческая мысль, человеческое общество ко времени, когда он начал воспитываться, когда он начал впитывать в себя влияние окружающей среды. И вот, чтобы понять Маркса,—и это явится практическим приложением метода самого Маркса к нему самому,—чтобы понять его, нам придется поставить себе эту задачу, исследовав вопрос о влиянии на Маркса и Энгельса окружающей их исторической среды.

Маркс родился 5 мая 1818 г., в г. Трире. Энгельс родился 28 ноября 1820 г., в г. Бармене. Прибавлю, что и Трир и Бармен—оба города находятся в Германии. Больше того, оба расположены в одной и той же провинции. Она называется Рейнской провинцией. Через нее протекает Рейн, река пограничная между Францией и Германией. И вот, товарищи, присмотритесь к этим фактам: вы

видите—Энгельс и Маркс родились почти одновременно. Разница невелика—2 года.

Родились они в Германии. Родились они в одной губернии, выражаясь нашим термином. 1818—1820 г.г. вам показывают, что они родились в первой половине XIX столетия. Вам из вашего собственного опыта известно, что ребенок в первые годы своего существования находится больше всего под влиянием семьи, ближайшей его обстановки. Лет с 10 или 12 он начинает подвергаться влиянию более сложной обстановки, уже в самой школе. Он начинает натыкаться на ряд таких явлений и фактов, которых он в тесном кругу семейной жизни не видит. И вот, если мы с вами попробуем прикинуть к 1818 и 1820 годам десять-двенадцать лет, то мы получим приблизительно 1830 и 31-й годы. Мы уже с вами можем с самого начала сказать, что Маркс и Энгельс, родившиеся в 1818 и 20-м г.г., попали под влияние определенной общественной исторической среды приблизительно в начале 30-х годов XIX столетия. Вы запомните себе эту пару цифр. Вам легче будет следить за моим изложением.

Итак, товарищи, мы уже видим Маркса и Энгельса в определенной географической среде—это немцы. Мы еще потом внимательнее разберем, кто они были по своему классовому происхождению. Они вместе попали в эпоху истории Европы, относящейся к первой четверти столетия. Они начинают, как взрослые мальчики, подпадать под влияние этой среды в начале 30-х годов.

Попробуем теперь вкратце определить, какова была та общая историческая обстановка, в которой Маркс и Энгельс начали жить сознательной жизнью. 1830 и 1831 г. г. для Европы это есть революционные годы. В 1830 г. произошла так называемая июльская революция во Франции. Она прокатилась по всей Европе с запада на восток. Она докатилась и до России и в Царстве Польском привела к польскому восстанию 31 года. Следовательно, как только Маркс и Энгельс стали мало-мальски сознательными мальчиками 12, 11 лет, они попали в революционную бурю. Они переживали впечатления революционного периода. Но сама

июльская революция 30-го года была только завершением другой более значительной революционной бури, последствия которой, влияние которой мы должны знать, чтобы понять ту историческую обстановку, в которой воспитывались Маркс и Энгельс.

История XIX века, именно той трети XIX-го столетия, которая прошла прежде, чем Маркс и Энгельс превратились в сознательных мальчиков, определяется двумя основными фактами: промышленной революцией в Англии и великой революцией во Франции. Промышленная революция в Англии начинается приблизительно в 1760 году. Она растягивается на очень большой период. Разгар ее относится к концу XVIII столетия, но она заканчивается в Англии приблизительно в 1830 г. Что такое промышленная революция? Это название, которое принадлежит Энгельсу, означает следующее: Англия была приблизительно во вторую половину XVIII века уже страной капиталистической. В ней уже существовал класс рабочих — класс пролетариев, т.-е. класс людей, лишенных всякой собственности, орудий производства и потому вынужденных, чтобы иметь возможность существовать, продавать, как товар, самих себя или, как говорится, свою собственную рабочую силу. Там уже был класс капиталистов, эксплоатировавший класс рабочих, был класс землевладельцев.

Все же капитализм в Англии в середине XVIII века был еще капитализмом, опиравшимся технически на старое ручное производство—ремесло. Это было не то старое производство ремесленное, когда мы имели в каждом маленьком предприятии одного мастера, пару или 3 подмастерьев, несколько учеников. Нет, это старое ремесленное производство уже уступало место капиталистическому способу. Как раз ко второй половине XVIII столетия в Англии развились уже сложившиеся формы той ступени капиталистического производства, которая называется мануфактурой. Мануфактурная стадия капиталистического развития производства отличается тем, что при существовании отношений эксплоатации между капиталистами и рабочими, при существовании крупной уже мастерской,

она не переходит, как я уже сказал, за пределы ручного ремесла. Но в техническом отношении, в отношении организации труда, она отличается от старого ремесленного способа тем, что если в ремесленной мастерской работало в пределах одной мастерской 5, 6, 7 человек, то теперь капиталист соединяет в одном большом помещении—100, 200 ремесленников. Пусть это будет какое угодно ремесло, но в пределах этих 300 человек устанавливается в высокой степени развитое разделение труда со всеми его последствиями. Вы имеете перед собою капиталистическое предприятие без машин, без автоматических механизмов, но в котором разделение труда, разделение самого способа производства на различные частичные операции заходит уже очень далеко. И вот, как раз в середине XVIII века этот мануфактурный период достигает в Англии высшего расцвета.

Только со второй половины, приблизительно с 60-х годов XVIII в., начинают изменяться самые технические основы производства. Вместо старых ремесленных орудий вводятся машины. Это изобретение машин начинается в той отрасли промышленности, которая являлась главной в Англии, в области текстильной промышленности. Ряд изобретений, одно за другим, преобразовывают технику ткацкого и прядильного ремесла. Я не буду перечислять всех этих изобретений. Скажу только, что приблизительно до конца 80-х годов XVIII столетия были уже изобретены и прядильные станки, и ткацкие. Была изобретена также в 1785 году усовершенствованная паровая машина Уатта, которая давала возможность устраивать фабрики не только на берегах рек, доставлявших необходимую водяную силу, но и переносить их в города. А это в свою очередь создавало благоприятные условия для сосредоточения, концентрации производства. Товарищи, делаю оговорку—с 1785 года, со времени введения этой паровой машины, начинаются попытки применения пара, как двигателя, в целом ряде отраслей промышленности. Но это дело шло не так быстро, как это рассказывается иногда в наших книжках. Вот почему я и назвал

период с 1760 до 1830 г., как период всей этой великой промышленной революции. Так, например, прядильный станок, который известен многим из вас, автоматический сельфактор, который распространен у нас на фабриках, получил свою законченную, усовершенствованную форму только в 1825 году. Ткацкий станок получил свою современную форму только в 1813 г., хотя первые станки были изобретены еще до 1760 г. и несколько позже, но значительно раньше этой усовершенствованной формы.

Представьте себе теперь страну, в которой за эти 70 лет вводится непрерывно одно изобретение за другим, в которой производство все более концентрируется, в которой происходит непрерывно процесс экспроприации, разорения, уничтожения мелкого ремесленного производства, разорения мелких мастерских, ткацких и прядильных. Вместо ремесленников вы получаете все более и более увеличивающуюся массу пролетариев. Таким образом, в Англии к концу XVIII в., вместо старого класса рабочих, который начал развиваться в XVI—XVII вв. и который представлял собою еще незначительную часть населения даже в первой половине XVIII века, вы к концу XVIII века, в особенности к началу XIX, получаете значительный класс населения, определяющий собою, кладущий определенную печать на все эти общественные отношения. Вместе с этой промышленной революцией происходит и известная концентрация в среде самого рабочего класса. Вот это безусловное изменение всех хозяйственных отношений, вот это вырывание старых ткачей и прядильщиков из их прежних обычных условий существования, при которых старый мануфактурный рабочий знал, что отец его, дед его жил в тех же условиях, и в которых мануфактурный рабочий отличается мало чем от ремесленника, от крестьянина, сменились такими условиями, при которых каждый из них хорошо знал: вчера было так, теперь стало иначе. Вчера было хорошо, были унаследованы хорошие, установившиеся отношения между предпринимателями и рабочими. Теперь это изменилось, и предприниматели беспощадно выбрасывают десятки и сотни этих

рабочих. В ответ на это коренное изменение самих условий существования рабочих является реакция, реакция не в том смысле, как мы обыкновенно говорим, а воздействие рабочих на это потрясение, на эту революцию. Рабочие возмущаются, рабочие стараются отбояриться от этих новых условий. Вполне понятно, что вся их ненависть, все их негодование направляются вначале на видимый признак этой новой, для них неприятной, революции, она направляется против машин, в которых для них олицетворяются все беды, все зло. И вот, в начале XIX столетия начинается ряд возмущений рабочих против машин, против новых технических условий производства. Оно достигает наиболее крупных размеров в Англии как раз к 1815 г Я только что говорил, что ткацкий станок получил свою усовершенствованную форму к 1813 г. К этому году, когда движение охватывает все промышленные центры и когда из чисто стихийного движения оно превращается уже в организованное, оно приобретает свои лозунги и получает своих вождей. Это движение, направленное против машин, известно под именем движения «луддитов».

По одной версии, это название происходит от имени одного рабочего, по другой—оно связано с именем сказочного генерала Лудда, которым рабочие подписывали свои прокламации...

Против этого движения, против движения луддитов правящие классы, господствовавшая тогда олигархия, направляли самые жестокие репрессии. За разрушение машин, за попытку попортить машины, назначена была смертная казнь, и не один рабочий пошел на виселицу.

Требовалась более высокая ступень развития этого рабочего движения, нужна была пропаганда революционеров, чтобы об'яснить рабочим, что вина лежит не в самих машинах, а в тех условиях, при которых эти новые машины применяются. Вот это революционное движение, движение, которое поставило себе целью из рабочих создать сознательную массу, которая могла бы бороться против определенных общественных и политических условий, начинает в Англии сильно развиваться как раз

с 1815 г. Я подробно не буду на нем останавливаться, но хотел бы указать, товарищи, что и это революционное движение, которое начиналось в 1815—17 гг., имело уже своих предшественников несколько раньше, в конце XVIII столетия.

Но, чтобы понять роль этих предшественников, нам придется обратиться теперь к Франции, ибо без понимания того, какую роль сыграла французская революция, нам трудно будет понять первые шаги английского рабочего движения.

Французская революция, вы это все знаете, вспыхнула в 1789 г. Она достигает своего наивысшего под'ема в 1793 году. С 1794 г. она уже идет на убыль и приводит через несколько лет к установлению военной диктатуры Наполеона. В 1799 г. Наполеон совершает свой переворот, 5 лет состоит консулом, потом об'является себя императором и господствует во Франции до 1815 г.

Франция до конца XVIII века представляла собою страну, во главе которой стоял неограниченный король, как у нас в начале XX столетия. На самом деле господство принадлежало дворянству и духовенству, которое часть своего влияния продавало, за те или иные денежные подачки, уже народившейся финансово-торговой буржуазии. Под влиянием сильного движения среди народных масс, среди мелких производителей, среди крестьян, среди мелких и средних промышленников, не имевших никаких привиллегий, во Франции нарастает сильное революционное движение, которое, в конце концов, заставляет королевскую власть пойти на уступки. Королевская власть созывает так называемые генеральные штаты. Вспомните события наших революций. В процессе борьбы двух различных общественных группировок, классов, городской бедноты с привиллегированными сословиями, власть попадает 10 августа 1792 г. в руки революционной мелкой буржуазии и парижских рабочих. Внешним выражением этого господства является господство якобинцев во главе с Робеспьером и Маратом. Прибавлю и третье имя вам известное—Дантона. В течение 2 лет Франция нахо-

дится в руках восставшего народа, авангардом которого является революционный Париж. Эти якобинцы были представители буржуазии, но доведшие до логического конца требования этой буржуазии. Это не были коммунисты, это не были социалисты. Коммунистами и социалистами не были ни Робеспьер, ни Марат. Наоборот, и Марат, и Робеспьер, и Дантон были только мелко-буржуазными демократами, взявшими на себя ту роль, ту задачу, которую должна была выполнить вся буржуазия, т.-е. очистить Францию от всех остатков феодального режима, создать свободные политические условия, при которых могла бы свободно развиваться деятельность всех частных собственников, при которых такой мелкий собственник не встречал бы никаких препятствий к тому, чтобы честным заработком или честной эксплоатацией других наживать себе свой средний необходимый достаток. Но в этой борьбе за создание таких политических условий, в борьбе против феодализма, в борьбе против аристократии, главным образом, против всей Восточной Европы, об'единившейся, создавшей коалицию, напавшей на Францию, в этой борьбе эти якобинцы Робеспьер и Марат сыграли роль революционных вождей. В этой борьбе со всей Европой они должны были пустить в ход метод революционной пропаганды. Чтобы противопоставить силе феодалов и государей силу народных масс, они выставили лозунг «война дворцам, мир хижинам». Они несли на своих знаменах лозунг—«братство, равенство и свобода».

Эти первые завоевания французской революции сейчас же пошли впрок Рейнской провинции, там организовались общества якобинцев. Многие немцы втянуты были, как волонтеры, во французскую армию. Некоторые из них в Париже принимали участие во всех революционных обществах. В Рейнской провинции все время продолжалось сильнейшее влияние французской революции—и еще в начале XIX века молодое поколение воспитывалось под сильным влиянием ее героических традиций. Далее Наполеон, который являлся узурпатором, захватчиком, в своей борьбе со старой монархической и феодальной Ев-

ропой должен был все же опираться на основные завоевания французской революции, просто потому, что он был захватчиком, что он являлся врагом феодального режима. Он начал свою военную карьеру в революционной армии. Наша красная армия великолепно усвоила опыт великих революционных войн. Огромная масса сначала босых, оборванных, вооруженных иногда чуть ли не палками, французских солдат сражалась с великолепными прусскими войсками и побеждала своим энтузиазмом, своей численностью, побеждала тем, что она прежде, чем посылала пули, посылала прокламации, деморализовала, разлагала враждебную армию. От этой революционной пропаганды не отказывался в своих войнах и Наполеон. Он великолепно знал, что пушки—это весьма сильное средство, но никогда, до последних своих дней, не пренебрегал орудием революционной пропаганды, этим орудием, которое так великолепно разлагает войска противников.

Влияние французской революции распространилось и на востоке, оно докатилось и до старого Петербурга. В старых наших книжках вы можете прочитать, что при известии о взятии Бастилии обнимались и целовались даже в Петербурге.

В России была уже маленькая группа лиц,—наиболее крупным из них является Радищев,—которая вполне сознательно воспринимала события французской революции. В большей или меньшей степени мы замечаем ее влияние во всех странах Европы. Даже в той самой Англии, которая стояла во главе почти всех коалиционных армий, направленных против Франции, оно охватило не только мелко-буржуазные элементы, но и созданное уже промышленной революцией многочисленное рабочее население. Как раз к 1791 и 1792 годам относится первая революционная рабочая организация в Англии. Эта рабочая организация носит название «Корреспондентское общество». Это не значит общество корреспондентов в какой-нибудь газете, это—общество, принявшее такое название, чтобы обойти английские законы, запрещавшие какому бы то ни было обществу данной местности, в данном городе,

вступать в организационную связь с обществом в другом городе. К концу XVIII века Англия была страной конституционной. Англия XVIII столетия уже знала две революции—одну в середине, другую в конце XVII столетия. Она считалась самой свободной страной, в которой разрешены были клубы и общества, но ни одному из этих клубов и этих обществ не дозволено было вступать в организационную связь с другими обществами. И вот те общества, в которые входили рабочие, чтобы обойти этот запрет, придумали следующий способ: они устраивали корреспондентские общества, где только могли. Это были общества, которые состояли друг с другом в переписке, которые поддерживали друг с другом корреспонденцию. Во главе лондонского общества стоял сапожник Томас Гарди. Это был шотландец французского происхождения. Фамилия его означает—смелый. Гарди, организатор этого общества, привлек в него ряд рабочих. Вступительный взнос был очень низок. Общество устраивало митинги и собрания. Огромное большинство входивших туда рабочих были ремесленники, сапожники, портные. Это об'яснялось тем, что промышленная революция, как я уже говорил, начала производить свое разлагающее влияние на старое мануфактурное производство, на старое ремесло. Я назову еще одно имя, которое связывают с дальнейшей историей рабочего движения в Англии, имя Френсиса Плэса. Это портной, имя которого мы встречаем в истории английского трэд-юнионизма. Я мог бы назвать имена целого ряда рабочих. Большинство из них ремесленники. Упомяну еще сапожника Голкрофта, талантливого поэта, публициста, оратора, игравшего большую роль в конце XVIII столетия.

Так вот это корреспондентское общество в 1792 г., когда во Франции была об'явлена (10 августа 1792 г.) республика, сейчас же, через две-три недели, тайным путем, воспользовавшись посредничеством французского посланника в Лондоне, отправило адрес с выражением симпатии, сочувствия французскому конвенту. Этот адрес, одно из первых проявлений международной солидарности, между-

народной симпатии, произвел большое впечатление во французском конвенте, потому что это был адрес английского народа, а господствующие классы Англии тогда относились очень враждебно к Франции. Конвент ответил на адрес особой резолюцией. Сношения английских рабочих корреспондентских обществ с французскими якобинцами дали повод английской олигархии начать против этих обществ преследования. Возбужден был ряд процессов против Гарди и других. Когда вы читаете речи прокуроров, выступавших на этих процессах, вы видите, каким образом английские капиталистические группы воспользовались революцией, чтобы у революционной Франции отнять колонии в Азии и в Америке.

Боязнь за свое господство заставляла английскую олигархию принять целый ряд мер против возникающего рабочего движения. Те союзы, те общества, которые позволялось до сего времени устраивать буржуазным элементам, более состоятельным элементам, и которые нельзя было запретить устраивать ремесленникам, к 1800 году запрещаются. В особенности запрещаются всякие общества, состоящие друг с другом в письменных отношениях, состоящие друг с другом в корреспонденции. В 1799 г. закон специально запрещает всякое легальное соединение рабочих в Англии. С 1799 года по 1824 год английский рабочий класс был лишен всякого права собраний и союзов.

Вернемся теперь к 1815 г. Движение «луддитов», ставившее себе целью исключительно разрушение машин, сменилось более сознательной борьбой. Новые революционные организации поставили себе задачей изменение политических условий существования рабочего класса. Они потребовали в первую очередь права собраний, права союзов, свободы печати. 1817-й год начинается упорной борьбой, которая в 1819 г. приводит в самом крупном центре английской хлопчато-бумажной промышленности, в Манчестере, к знаменитому побоищу. Оно происходило в Петровом поле, но английские рабочие назвали это сражение сражением при «Петерлоо». Товарищи, вы, верно, слышали название «Ватерлоо». Так называлась та местность, где со-

ювники победили в 1815 г. Наполеона. Против рабочих были выдвинуты огромные кавалерийские массы. Сражение кончилось убийством нескольких десятков человек. Как наш Николай когда-то приветствовал бравых фанагорийцев, стрелявших в ярославских рабочих, так английский король поздравил храбрых кавалеристов с победой, которую они одержали над безоружными рабочими. Кроме того, против рабочего класса были приняты новые жестокие меры, так называемые «шесть актов». Но в результате этих преследований революционная борьба усилилась, и в 1824 г., при участии упомянутого мною Плэса, который за это время успел отойти от своих революционных товарищей и превратиться в состоятельного промышленника, но продолжал поддерживать отношения с радикалами в палате общин, английские рабочие получают, как уступку этому революционному движению, знаменитый закон о коалиции. То движение, которое развивалось среди них, движение в пользу создания рабочих организаций, союзов, чтоб защищать себя от притеснений предпринимателей, чтобы добиваться лучших условий труда, более высокой заработной платы, получило теперь законную основу. С этого времени начинается рост английского трэд-юнионистского, профессионального, движения. Среди него уже организуются теперь и политические общества, которые ставят себе целью завоевание всеобщего избирательного права. Это происходит в 20-х годах.

Тем временем во Франции, как я говорил, в 1815 году Наполеон потерпел окончательное поражение, и вместо Наполеона была восстановлена старая монархия Бурбонов с Людовиком XVIII. Начинается эпоха реставрации, которая длится приблизительно 15 лет. Получив назад трон, при помощи иностранного вмешательства, Александра I, Людовик делает ряд уступок пострадавшим от революции землевладельцам. Землю нельзя было вернуть, она осталась у крестьян, но землевладельцев утешили тем, что выплатили им миллиард франков. Новая власть, королевская, старалась всеми силами задержать развитие новых общественных политических отношений. Она старалась по

возможности больше отнять из тех уступок, которые вынуждена была сделать. Вот в этой борьбе между либералами и консерваторами новая бурбонская династия дорывается до новой революции, которая вспыхнула в июльские дни 1830 года.

Англия, которая в конце XVIII века, ответила на французскую революцию усилением рабочего движения, теперь, под влиянием июльской революции, переживает вновь революционный под'ем. Начинается сильное движение за расширение избирательного права. По законам Англии, избирательным правом пользовалась ничтожная часть населения, главным образом, крупные землевладельцы, имевшие часто в своем владении поместья с двумя, тремя избирателями (так наз. гнилые местечки), которые, по их приказу, посылали в палату общин депутатов. Правящие партии, представлявшие, в сущности, различные фракции земельной аристократии, тории и виги, вынуждены были пойти на уступки. Из этих партий, находившихся во вражде, берет верх более либеральная, виги, считающие нужным сделать уступки народу и провести избирательную реформу. Последняя сводилась к тому, что более состоятельное население, промышленная буржуазия получила теперь избирательные права. Обманутыми оказались рабочие. И вот в ответ на эту измену, на это предательство либеральной буржуазии,—в этом предательстве принимал участие бывший член корреспондентского общества Плэс,—в ответ на это через несколько лет, после различных неудачных попыток, в 1836 году организуется лондонское рабочее общество. В отличие от старого корреспондентского общества, оно себя уже называет классовым названием рабочего общества. Во главе этого общества стоял ряд способных рабочих. Из них наиболее выдающиеся Вильям Ловетт, Генри Гезерингтон. В 1837 г. Ловетт и его товарищи впервые формулируют основные политические требования рабочего класса. Они уже ставят себе задачей организацию рабочих в виде особой политической партии с особой политической программой, но, прибавлю, — не классовой рабочей партии, которая выставляет свою особую програм-

му против всех остальных, буржуазных партий, но в виде рабочей партии, которая заявляет, что она хочет иметь такую же долю влияния, как и все остальные классы. Она хочет тоже принимать участие в политической жизни. Она хочет быть в этой буржуазной политической обстановке политической партией рабочего класса. Она не ставит себе никаких особенных целей, она не выставляет особенной экономической программы против всего буржуазного общества. Лучше всего вы поймете это, если припомните, что в Австралии, в Новой Зеландии имеются такие рабочие партии, не ставящие себе целью коренного изменения самых общественных условий. Они состоят иногда с буржуазными партиями в тесной коалиции, чтобы обеспечить рабочим определенную долю влияния в правительственной машине.

Документ, в котором Ловетт и его товарищи формулировали требования рабочих, получил название хартии, а так как по-английски соответствующее слово читается «чартер», то это движение получило название «чартистского». Чартистами назывались те рабочие, которые составляли эту партию. Они выдвигали шесть требований— всеобщее избирательное право, ежегодный парламент, тайное голосование, вознаграждение депутатов, распределение всей страны на равные избирательные округа, отмена имущественного ценза для депутатов. Так началось чартистское движение.

Вы видите, это движение началось в 1837 году, когда Марксу было уже 19 лет, а Энгельсу 17 лет. В нем вы имеете высший пункт, которого достигло в своем развитии рабочее движение к тому времени, когда Маркс и Энгельс стали сознательными людьми.

Во Франции, где июльская революция 30-го года привела к низложению Бурбонов, установилась не республика, которую ставили себе целью революционные организации 20-х годов, а конституционная монархия, возглавляемая теперь представителем новой династии, так называемой Орлеанской династии, которая во время великой французской революции, а после и во время реставрации

чинила оппозицию своим родственникам—Бурбонам. Луи-Филипп был типичным представителем буржуазии. Этот французский монарх все время занимается тем, что сберегает и накопляет деньги, приводя в умиление всех парижских лавочников.

Эта июльская монархия дает свободу промышленной, торговой и финансовой буржуазии, чтобы облегчить и ускорить процесс обогащения этой буржуазии, и направляет свои удары против рабочего класса, в котором уже зарождается стремление к организации, но еще не в достаточной степени.

В начале 30-х годов революционные общества составляются, главным образом, из студентов и интеллигентов, и рабочие в них являются только единицами. Но в ответ на измену буржуазии, в Лионе, центре шелко-ткацкого производства, в 1831 г. вспыхивает восстание рабочих. В течение нескольких дней рабочие держат город в своих руках. Они не выставляют никаких политических требований. Они выставляют на своем знамени лозунг—«Жить трудясь, или умереть сражаясь». В конце концов их побеждают со всеми обычными последствиями такого поражения.

Это лионское восстание повторяется опять в 34 году в том же городе. Оно сыграло крупную роль, еще более крупную, чем июльская революция. Июльская революция подействовала, главным образом, на мелко-буржуазные, так называемые демократические элементы. Лионское восстание с его повторением впервые выявило революционное значение рабочих элементов, которые, правда, пока только в одном городе, поднимают знамя восстания против всей буржуазии и ставят во главу угла рабочий вопрос. Требования, которые выставлял лионский пролетариат, еще не были направлены против самых основ буржуазного строя, но это были требования, направленные против капиталистов, против эксплоатации.

Таким образом, в середине 30-х годов и во Франции, и в Англии выступает на сцену новый революционный класс—пролетариат. Вы видите в Англии попытку органи-

зовать этот пролетариат. А во Франции, после лионского восстания, вы видите и первые попытки его революционной организации. Наиболее ярким представителем этого движения является Август Бланки, один из величайших французских революционеров. Он принимал участие в июльской революции. Как раз под влиянием лионских восстаний, показавших, что во Франции наиболее революционным элементом являются рабочие, Бланки начинает вместе с товарищами организовывать революционные общества среди рабочих в Париже. В этих революционных обществах, как когда-то во время великой французской революции в Париже, принимают участие и элементы других национальностей—немцы, бельгийцы и швейцарцы. В результате этой революционной деятельности, Бланки и его товарищи, которые ставят себе целью путем удачно проведенного восстания захватить политическую власть и провести ряд мер, направленных в пользу рабочего класса, делают смелую попытку произвести восстание, кончающееся неудачей, в мае 1839 года. Это майское восстание в Париже, кончившееся, повторяю, поражением, а для Бланки пожизненным заключением вместо смертной казни, кончилось так же печально для целого ряда немцев, которые принимали участие в этом восстании. Среди этих немцев я назову одно имя, которое мы встретим еще—Шаппер и его товарищи, которые через несколько месяцев вынуждены были оставить Францию. Они направляются в Лондон и в Лондоне организуют рабочее общество самообразования в феврале 1840 года.

Теперь припомните, что к этому времени Марксу было уже 22 г., Энгельсу 20 лет. Мы достигаем высшего пункта развития пролетарского, рабочего революционного движения к тому времени, когда Маркс и Энгельс становятся сознательными людьми. Нам теперь придется в следующий раз подробно остановиться на всей исторической обстановке—в общем и германской—в частности, как она сложилась в Рейнской провинции, где Маркс и Энгельс провели свои юношеские годы. Я тогда дам и очерк развития германского движения.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Революционное движение в Германии 30-х годов.— Рейнская провинция.— Юношеские годы Маркса и Энгельса.—Литературные работы Энгельса.—Маркс—редактор „Рейнской Газеты".

Я, товарищи, в прошлый раз обещал сегодня перейти к истории Германии в 1815 г. Я вчера не остановился на этом подробно. Закончились войны с Наполеоном. В этих войнах принимала, как вам известно, кроме Англии, которая являлась душой коалиции, большое участие и наша богоспасаемая родина вместе с немцами и австрийцами. Наша родина принимала такое большое участие, что Александр Благословенный играл главную роль на том венском конгрессе, который решал судьбы Европы после этой долгой войны и назван так, потому что заседал в Вене, столице Австрии. Венский мир навел порядки тогда в Европе не лучше, чем версальский, закончивший последнюю империалистическую войну. Он прикрутил Францию и отобрал у нее все территориальные завоевания революционного периода. Англии отдали все колонии Франции, но в Германии, которая ожидала, в результате этой освободительной войны, об'единения, произошел окончательный раскол на две части—на Северную Германию и на Австрию.

Вскоре после 1815 г. в Германии среди интеллигенции, среди студенчества, начинается движение, главной целью которого является восстановление единства Германии, пока еще не республика, но единая Германия. Главным врагом считалась тогда Россия, которая незадолго перед этим, сейчас после венского конгресса, заключила с Германией и Австрией священный союз, направленный против всех революционных стремлений. Основателями его считались Александр I и австрийский император, но в действительности не австрийский император, а главный руководитель австрийской политики Меттерних был душою

всей этой политики. Но Россия считалась главным представителем реакционных стремлений, и когда среди интеллигенции и студенчества началось это либеральное движение, ставившее себе целью развитие культуры и просвещения среди немецкого народа, чтобы подготовить объединение, тогда вся ненависть обрушилась, главным образом, на Россию, как на представителя консерватизма и реакции. Среди этих обществ выделялись кружки в иенском, гессенском и других университетах. В 1819 г. один из студентов Карл Занд убил немецкого писателя Коцебу, которого считали, не без основания, русским шпионом. Вот этот террористический акт, который произвел очень сильное впечатление и в России, где Карл Занд являлся идеалом для многих наших будущих декабристов, этот террористический акт дал Меттерниху, дал немецким правительствам повод обрушиться на немецкую интеллигенцию. В ответ на это студенческие общества не прекратились, а стали только более революционными, и из них мало-по-малу стали выделяться в начале 20-х годов революционные организации.

Я только что упоминал, товарищи, о нашем движении декабристов, которое привело к попытке вооруженного восстания 14 декабря 1825 г. и окончилось поражением. Я должен прибавить, что движение это не есть изолированное, чисто русское. Это движение развивалось под влиянием революционного движения среди интеллигенции в Польше, в Австрии, Франции и далекой Испании. Это—интеллигентское революционное движение, которому соответствовало и особое течение в литературе, главным и наиболее ярким выразителем которого как раз во второй половине второго десятилетия, с 1818 г. до 1830, является известный немецкий публицист, первый немецкий политический писатель, Людвиг Берне. Родом еврей, он имел большое влияние на развитие немецкой политической мысли. Это был настоящий политический демократ, мало интересовавшийся в то время социальным вопросом, убежденный, что все можно поправить, можно улучшить, предоставив народу полную политическую свободу.

Так продолжалось до 1830 г. В 1830 г., как вы знаете, вспыхнула во Франции июльская революция. Я уже говорил вам, что она произвела большое впечатление во всей Европе к востоку от Франции, но особенно сильное впечатление она произвела в Германии. В некоторых местах она привела к бунтам, к восстаниям. Кончилось дело некоторыми конституционными уступками. Правительство скоро справилось с этим движением, ибо оно не имело прочных корней в народных массах.

Вторая волна возбуждения прокатилась по всей Германии, когда кончившееся неудачей польское восстание 1831-го года, явившееся тоже прямыми следствием июльской революции, привело к тому, что масса польских революционеров, скрываясь от преследований, искала себе убежища в Германии. Отсюда новое усиление старого течения в немецкой интеллигенции—ненависть к России и симпатия к угнетенной, находящейся в зависимости от России, Польше.

Под влиянием этих двух событий, несмотря на поражение июльской революции, мы имеем после 31 года ряд революционных движений, на которых нам вкратце надо будет остановиться. Я хочу привести вам те факты, которые так или иначе могли повлиять на молодых Энгельса и Маркса. В 1832 г. в южной Германии это революционное движение сосредоточивается не в Рейнской провинции, а в Пфальце. Точно так же, как и Рейнская провинция, Пфальц долго находился в руках французов и только после 1815 г. возвращен был Германии. Рейнская провинция была отдана Пруссии, а Пфальц—Баварии, где реакция свирепствовала не меньше, чем в Пруссии. Вам нетрудно будет понять, что жители Рейнской провинции, привыкшие к более свободным французским условиям, а также и жители Пфальца, должны были сильно реагировать на это. Каждый под'ем революционного движения во Франции должен был усиливать это оппозиционное настроение. В 1831 г. в Пфальце это движение особенно сильно разрастается среди либеральной интеллигенции, среди адвокатов, среди писателей. В 1832 г. адвокаты Вирт

и Зибенпфейфер устроили в Гамбахе большое празднество, на котором выступал ряд ораторов. Там присутствовал и Берне. Они провозглашали необходимость свободной об'единенной Германии. Среди них имелся и один очень молодой рабочий—щеточный мастер Иоганн Филипп Беккер, которому было тогда приблизительно 23 года. Мы встретим еще не раз в истории европейского революционного движения имя Беккера. Он был в очень близких отношениях и с несколькими поколениями русских революционеров, от Бакунина до Плеханова. Беккер доказывал тогда интеллигенции, что нельзя ограничиваться агитацией, что надо подготовляться к вооруженному восстанию. Беккер был типичным революционером старого закала. Способный человек, он после стал писателем, хотя никогда не был выдающимся теоретиком. Он представлял собою больше тип революционного практика. После гамбахского празднества, он остается еще несколько лет в Германии и занимается тем, чем у нас революционеры занимались в 70-х годах: ведет пропаганду и агитацию, устраивает побеги и нападения для освобождения товарищей из тюрьмы. Ему удалось таким образом помочь нескольким революционерам. В 1833 г. группа, с которой Иоганн Беккер тесно связан — сам он сидел тогда в тюрьме — делает попытку вооруженного нападения на гауптвахту во Франкфурте, чтобы захватить оружие. Во Франкфурте заседал тогда союзный сейм. Студенты и рабочие, связанные с ними, были уверены, что, устроив удачное вооруженное восстание в этом городе, они произведут сильное впечатление в Германии, но с ними быстро справились. Одним из наиболее решительных участников этого восстания был К а р л Ш а п п е р. Вчера я назвал его имя. Мы видели его в Париже. Теперь мы его встречаем на германской почве. Шапперу удалось бежать во Францию. Все это движение, как вы уже, верно, заметили, товарищи, сосредоточивается как раз в тех местах, которые были под долгим французским владычеством.

Следует отметить еще революционное движение в Гессенском княжестве. В этом княжестве во главе движения

становится Вейдиг, пастор, человек религиозный, но в то же время убежденный сторонник политической свободы и фанатик об'единения Германии. Он устраивает тайную типографию, в которой печатает прокламации, он старается сосредоточить вокруг себя интеллигенцию. Одним из таких интеллигентов, принимавших крупное участие в движении, является Георг Бюхнер, о котором некоторые товарищи наверное слышали, как об авторе драмы «Смерть Дантона». Георг Бюхнер отличался от Вейдига тем, что в своей политической агитации он доказывал необходимость завоевать сочувствие гессенских крестьян. Для этих крестьян он составил особую агитационную газету—первый опыт в этом роде. Эту газету Вейдиг напечатал в своей тайной типографии. Дело кончилось неудачей. Вейдиг был арестован. Бюхнеру с трудом удалось спастись от ареста. Он бежал в Швейцарию, где скоро умер. Вейдиг был заключен в тюрьму, где подвергнут был телесному наказанию, как у нас Боголюбов. Я должен добавить, что Вейдиг был дядей Вильгельма Либкнехта, и что последний воспитывался под влиянием этих глубоких впечатлений, которые сильно запали в его детскую голову.

Часть революционеров, которых освободил Беккер из тюрьмы, Шаппер, который бежал после франкфуртского восстания, затем Шустер — переселились в Париж и основали там тайное общество — Общество гонимых. Под влиянием Шустера и ряда немецких рабочих, которые к тому времени в большом числе оседали в Париже, в этом обществе все более усиливается социалистическое течение. Это приводит к тому, что союз раскалывается. Одна часть, под предводительством Шустера, основывает Союз Справедливых, который существует в Париже три года. Члены его приняли участие в восстании Бланки и разделили с блапкистами их судьбу, попав в тюрьму. После освобождения Шаппер и его товарищи отправляются в Лондон, где основывают рабочее общество самообразования, позднее превратившееся в коммунистическое.

В 30-х же годах, на ряду с Берне, большим влиянием на немецкую интеллигенцию пользовался ряд других пи-

сателей, среди которых наиболее выдающимся является Генрих Гейне, поэт и в то же время публицист, корреспонденции которого из Парижа, как и корреспонденции Людвига Берне, играли большую воспитательную роль в среде немецкой молодежи.

Теперь, товарищи, я перейду к Марксу и Энгельсу. Я вам назвал два имени: Берне и Гейне—оба были евреи. Берне родом из Пфальца, Гейне—родом из Рейнской провинции. Из Рейнской же провинции были родом Маркс и Энгельс. Маркс был тоже евреем.

Один из вопросов, который всякому навязывается, это вопрос о том, в какой степени то обстоятельство, что Маркс был евреем, определяло его дальнейшую судьбу.

Факт тот, что в истории германской интеллигенции, в истории германской мысли, в истории германского социализма, играли очень большую роль четыре еврея: Маркс, Лассаль, Гейне и Берне. Я мог бы привести еще другие имена, но беру имена наиболее яркие. Надо сказать, что, действительно, то обстоятельство, что Маркс был евреем, как и Гейне, имело известное влияние на направление их политического развития. Если интеллигенция студенческая протестовала против того общественно-политического строя, который тогда господствовал в Германии, то еврейская интеллигенция еще сильнее чувствовала этот гнет. Надо почитать у Берне, какие были тогда в Германии цензурные порядки, надо почитать его статьи, в которых он бичевал все филистерство тогдашней Германии, господство полицейского духа, чтобы видеть, что мало-мальски развитой, мало-мальски просвещенный человек должен был протестовать против этих условий. На евреев эти условия ложились особенно тяжело. Берне всю свою молодость провел в еврейском квартале во Франкфурте, в тех условиях, в которых евреи жили в темные средние века. Не менее сильно тяготило это положение и Гейне.

Маркс находился несколько в других условиях, что позволяет некоторым биографам отрицать почти целиком это влияние. Я, в нескольких словах, остановлюсь на этом

подробнее, чтобы вас познакомить с теми условиями, в которых развивался молодой Маркс.

Маркс был сыном адвоката, после советника юстиции, Генриха Маркса, который был очень культурным и образованным человеком, который вообще освободился от влияния религии. Нам известно об отце Маркса, что он был поклонником французской просветительной литературы XVIII века, что вообще французское влияние в семье Маркса было очень сильно. Отец Маркса любил читать и приучил сына читать таких писателей, как английский философ Локк, как французские писатели Вольтер и Дидро. Английский писатель Локк, один из идеологов второй, так называемой славной английской революции, в области философии был противником принципа врожденных идей. Он доказывал, что у человека нет прирожденных, являющихся независимо от опыта, идей, что, наоборот, всякая идея, всякая новая мысль является только продуктом опыта, воспитания. Нет врожденных идей, повторял он. Французские материалисты шли в этом же направлении. Они доказывали, что нет ничего в уме человека, что так или иначе не проходило бы через его ощущения, через его чувства. Они тоже не признавали никаких врожденных идей. Насколько сильна была эта атмосфера французского материализма, вы увидите сейчас по одному примеру, который я вам приведу.

Отец Маркса, давным давно порвавший с религией, внешне продолжал быть связанным с еврейством и принял христианство только в 1824 г., когда Карлу Марксу было шесть лет. Меринг в своей биографии Маркса старался доказать, что этот переход был переходом человека, который хотел получить свидетельство на право вступления в культурное христианское общество. До известной степени это играло роль, но тут влияло и желание освободиться от тех новых притеснений, которые обрушились на евреев после 1815 г., когда Рейнская провинция опять перешла к Пруссии. Сам Маркс,—это надо подчеркнуть,—хотя духовно совсем несвязанный с еврейством, в молодые годы сильно интересовался еврейским вопросом. Он поддерживал отно-

шения с тогдашней трирской еврейской общиной. Евреям приходилось хлопотать в целом ряде петиций о том, чтобы их освободили от разных притеснений. В одном случае нам известно, что близкие родственники Маркса и вся община обращались к нему с просьбой написать такую петицию. Это относится к тому времени, когда Марксу было уже двадцать четыре года.

Все это показывает, что Маркс нисколько не чуждался старых своих сородичей, что он интересовался еврейским вопросом, и что он принимал участие в борьбе за так называемую эмансипацию евреев. Это ему не мешало резким образом отделять то бедное еврейство, с которым он был близок, от представителей богатого финансового еврейства, хотя надо прибавить, что, за малыми исключениями в тех местах, где жил Маркс, богатого еврейства не было. Оно сосредоточивалось тогда в Гамбурге и во Франкфурте.

Город Трир, в котором родился Маркс, где несколько его предков были раввинами, находился, как я это сказал, в Рейнской провинции. Это была одна из тех прусских провинций, в которых жизнь била ключем, как промышленная, так и политическая. Она и теперь является одной из самых промышленных областей Германии. В ней находятся Золинген и Ремшейд—два города, известные своими стальными изделиями. В этой провинции находится и центр текстильной промышленности — Бармен - Эльберфельд. В Трире, где жил Маркс, была тоже развита кожевенная и ткацкая промышленность. Это был старый средневековый город, который в X веке играл большую роль. Это был второй Рим, местопребывание католического епископа. Это был и промышленный город, который во время французской революции был захвачен сильным революционным движением, но фабричная промышленность была в нем слабее развита в сравнении с северными частями Рейнской провинции, где расположены были центры металлургической и хлопчато-бумажной промышленности. Он расположен на берегу притока Рейна Мозеля, в центре виноделия, в местности, где сохранились остатки общинного землевладения, где крестьянство принадлежало к мелким

землевладельцам, не слишком пропитавшимся кулацкими тенденциями, производившим вино, умевшим веселиться. Трир в этом отношении хранил обычаи старого средневекового города. Из некоторых указаний мы знаем, что Маркс в эти годы очень интересовался положением крестьян. Он тогда уже делал экскурсии в окрестные деревни и знакомился самым основательным образом с жизнью крестьян. Через несколько лет он в своих статьях показал, до какой степени ему знакомы все мелочи крестьянской жизни, все порядки в области землевладения и земледелия мозельских крестьян.

В гимназии Маркс является одним из наиболее способных учеников. Это отмечается и учителями. Мы имеем случайный документ, отзыв о Марксе его учителей, очень лестный отзыв о его последнем сочинении. Учитель хвалит и содержание и форму, при чем считает необходимым выделить одну мысль, которая, как видно, поразила самого учителя. Мысль эта состоит в следующем. Марксу было поручено написать сочинение о том, как молодые люди избирают свою профессию, но он поставил вопрос иначе. Он доказывал, что не может быть свободного выбора профессии, что человек рождается при таких условиях, которые уже заранее определяют его профессию, которые создают его миросозерцание. Тут можно видеть зародыш материалистического понимания истории. Но после того, что я сказал о его отце, вы в этом увидите только доказательство, что Маркс уже и в молодые годы, под влиянием отца, впитал в себя основные идеи французского материализма. У Маркса они только выражены в своеобразной форме.

Когда Маркс кончил гимназию, ему было лет шестнадцать, в университет он попал к 1836 году, т.-е. к тому времени, когда ряд революционных бунтов уже прекратился, когда в университетской жизни наступила известная заминка.

Чтобы товарищам это было понятно, я сошлюсь на наше российское революционное движение. Для тех из нас, которые имеют несчастье быть значительно старше многих

из вас, 80-е годы еще довольно памятны. Под'ем революционного движения в конце 70-х и начале 80-х годов длится приблизительно до 1883—84 г.г., когда становится ясным, что старая «Народная Воля» потерпела поражение. Годы 1886—1889, в особенности после попытки 1 марта устроить покушение на Александра III, в университетах представляют время полной реакции, прекращения революционного движения. Мои сверстники,—те, которые не потеряли все-таки революционного настроения,—набрасываются тогда на исследование причин, почему это политическое революционное движение кончилось неудачей, уходят временно в занятия наукой.

Такое же течение мы встречаем и в Германии к тому времени, когда Маркс поступил в университет. Свои университетские годы Маркс проводит в страстных занятиях. Сохранился от этого времени очень любопытный документ. письмо молодого 19-летнего Маркса к отцу.

Отец прекрасно ценил и понимал своего сына, и достаточно прочитать его ответ, чтобы увидеть, каким культурным человеком был он. Редко встречаются в истории революционеров такие случаи, где сын встречал бы полное понимание со стороны отца, где он обращался бы к своему отцу, как к своему близкому другу. В духе того времени Маркс ищет миросозерцания, учения, которое позволило бы ему теоретически обосновать отличавшую его уже тогда ненависть к господствующему политическому и общественному строю. Я после остановлюсь на этом подробно. Теперь скажу вам, что в этих поисках Маркс стал последователем гегелевской философии, в той ее форме, которую она получила у так называемых молодых гегельянцев, когда они радикально порвали со всеми предрассудками, когда они из философии Гегеля сделали наиболее радикальные выводы в области политики, в области гражданских отношений, в области религиозных отношений. К 1841 г. Маркс кончает университет и получает звание доктора.

Как раз к этому времени в ту самую среду младо-гегельянцев, в которой вращался Маркс, попадает и молодой

Энгельс, имевший, вероятно, еще возможность видеть там своего будущего друга.

Энгельс родился в городе Бармене, на севере Рейнской провинции, в центре хлопчато-бумажной и шерстяной промышленности, недалеко от будущего крупного центра металлургической промышленности. Энгельс был немецкого происхождения и принадлежал к очень зажиточной семье.

Вот у меня в руках родословная книга купцов и фабрикантов Рейнской провинции. Среди них семья Энгельсов занимает почетное место. Вы тут найдете фамильный герб семьи Энгельсов. Вы видите, что эти купцы были настолько родовиты, что на подобие дворян имели свой герб. Как бы для того, чтобы ознаменовать будущее мирное течение жизни Энгельса, его мирные стремления, его предки поставили в центре своего герба ангела с веткой мира. С таким гербом Энгельс вошел в мир. Этот герб выбран был, верно, на том основании, что Энгельс значит по-немецки—ангел. Фамилия Энгельсов ведет свое происхождение с XVI столетия. Настолько это была важная фамилия, что она могла проследить своих предков до XVI столетия. По отношению к Марксу мы с трудом можем установить, кто был его дедушка. Известно только, что семья раввинская, но ею так мало интересовались, что дальше дедушки не пошли. У Энгельса; наоборот, существуют даже два варианта его происхождения. По некоторым данным, Энгельс является отдаленным потомком француза Л'Анжа, протестанта, гугенота, спасавшегося от преследований из Франции в Германию. Его теперешние родственники, которые хотят доказать его настоящее германское происхождение, это отрицают. Во всяком случае уже в XVII столетии видно, что семья Энгельса—старая семья фабрикантов сукна, потом превращающихся в хлопчато-бумажных фабрикантов, весьма зажиточных и с большим интернациональным устремлением. Отец Энгельса вместе со своим другом Эрменом основывает текстильную фабрику, не только на своей родине, но и в Манчестере, и превращается в англо-немецкого текстильного фабриканта.

Энгельс-отец является по своему вероисповеданию протестантом, евангелистом и поразительно напоминает старых кальвинистов, которые соединяли глубокую веру с не менее глубоким убеждением, что призвание человека состоит в том, чтобы добывать путем производства и торговли деньги и накапливать капитал. В жизни это был фанатический, религиозный человек, который не желал тратить ни одной минуты, остававшейся от денежных работ, на какие-нибудь другие дела, кроме благочестивых размышлений. На этой почве у Энгельса с отцом сложились отношения, прямо противоположные тем отношениям, которые мы наблюдаем между Марксом-отцом и Марксом-сыном. У Энгельса с отцом происходит уже очень рано столкновение на идейной почве. Отец хочет сделать из сына купца, воспитывает его в торговом духе. Лет 17 он посылает сына в Бремен, который является одним из наиболее торговых городов Германии. Там Энгельса заставляют три года служить в торговой конторе. По письмам Энгельса к его школьным друзьям можно проследить, каким образом он, попавши в эту атмосферу, старается освободиться от ее воздействия. Он туда отправляется религиозным человеком, но уже очень скоро подпадает под влияние Берне и Гейне. В 19 лет он становится писателем, и уже в своих первых работах выступает учеником вольнолюбивой демократической Германии. Первые статьи, которыми он обратил на себя внимание (под псевдонимом Освальда), жестоко бичуют всю ту обстановку, в которой он провел детство. Эти письма из Вупперталя—так называлась долина реки Вуппера, в которой расположены были города Бармен и Эльберфельд,—произвели сильное впечатление. Чувствовалось, что пишет человек, воспитывавшийся в этой местности и хорошо знающий всех ее героев. Уже в Бремене он совсем освобождается от всяких религиозных предрассудков и превращается в старого французского якобинца.

Приблизительно в 1841 году, 20-ти лет, он, как сын богатого фабриканта, поступает вольноопределяющимся в артиллерийскую гвардию в Берлине. Там он попадает в тот

круг молодых гегельянцев, в котором бывал и Маркс. Вместе с ними Энгельс принимает участие в борьбе против старых предрассудков и сам, так же, как и Маркс, становится приверженцем наиболее радикального крыла гегелевской философии. Но в то время, как Маркс остается еще, как говорится, у себя в ученом кабинете и готовится к университетской карьере, Энгельс, начавший писать с 1839-го года, в 1842-м году занимает уже, под своим старым псевдонимом, видное место в литературе, принимая деятельнейшее участие в той идейной борьбе, которая происходит между приверженцами старых и новых философских систем.

Обращаю ваше особое внимание на 1841—42 годы. Это те годы, когда целый ряд россиян-москвичей жили в Германии. Там были Бакунин, Огарев, Фролов и другие, попавшие в сравнительно сходные условия и увлекавшиеся той же философией, которой увлекались Энгельс и Маркс. Насколько сходны были эти условия, вы можете видеть, напр., по следующему эпизоду: Энгельс в 1842 году написал резкую критику философии противника Гегеля—Шеллинга. Последний тогда получил от прусского правительства приглашение переехать в Берлин, чтобы противопоставить философии Гегеля свою, в которой он пытался примирить евангелие с наукой. Тогдашние взгляды Энгельса так напоминают статьи Белинского соответствующего периода и статьи Бакунина, что до недавнего времени его брошюра, в которой он подверг резкой критике «Философию откровения» Шеллинга, приписывалась Бакунину. Теперь мы знаем, что это неверно, что она писана не Бакуниным, но сходство выражений, те предметы, которые они выбирают, все доказательства, которыми они пользуются, чтобы показать, насколько более совершенной является гегелевская философия, настолько сходны, что неудивительно, если многие из русских считали и продолжают верить, что эта книжка принадлежит не Энгельсу, а Бакунину.

Энгельсу в 1842 году было 22 года. Он уже, таким образом, очень рано становится сложившимся демократическим писателем, весьма радикальным. Как он сам себя изображает в одной шуточной поэме, он был ярым якобин-

цем. Он в этом отношении сильно напоминает тех немногих немцев, которые примкнули к французской революции. По его словам, у него на устах только марсельеза, он требует гильотины и ничего больше. Таким был Энгельс в 1842 г. В общем на той же ступени стоял и Маркс. В 1842 году они встретились, наконец, на одной общей работе.

Маркс окончил университет и получил свой докторский диплом в апреле 1842 г. Он предполагал сначала заняться философской и научной деятельностью, но отказался от этой мысли, когда его друг и учитель Бруно Бауэр, который являлся одним из лидеров молодых гегельянцев и резко критиковал официальное богословие, потерял право преподавания в университете. Как раз к этому времени подоспело приглашение принять участие в одной новой газете. Представители наиболее радикальной торгово-промышленной буржуазии в Рейнской провинции, Кампгаузен и др., решили основать свой собственный политический орган. Наиболее влиятельной газетой в Рейнской провинции была «Кельнская Газета», а Кельн являлся тогда наиболее промышленным центром рейнской промышленности. «Кельнская Газета» пресмыкалась пред правительством. Рейнской радикальной буржуазии хотелось противопоставить этой газете свой орган, чтобы защищать против феодалов экономические интересы рейнской буржуазии. Крупную роль, кроме Кампгаузена, играл известный железнодорожный строитель Мевиссен. Они собирали деньги, но они не имели достаточно литературных сил. Случилось то же, что нам известно из русской истории. Ряд наших газет, основанных капиталистами, попадает в руки определенной группы литераторов. Это было и до, и после 1905 г. Это было, как вам известно, и во время войны. Деньги даются самостоятельными промышленниками, вручаются они определенной группе литераторов. Так и тут—во главе газеты стала молодая группа философов, молодых литераторов того времени. Среди них главную роль играл Мозес Гесс. Мозес Гесс был старше Маркса и Энгельса. Как и Маркс, он был еврей, но очень рано разошелся со своим довольно богатым отцом. Он очень рано примкнул к осво-

бодительному движению и уже в 30-х годах доказывал необходимость обеспечить союз между культурными нациями для того, чтобы обеспечить дело завоевания политической и культурной свободы. Этот Мозес Гесс уже в 1842 году, раньше Маркса и Энгельса, под влиянием французского коммунистического движения, стал коммунистом. Вместе с другими товарищами он становится одним из видных редакторов «Рейнской Газеты».

Маркс жил тогда в Бонне. Долгое время он был только сотрудником, посылавшим, как один из тогдашних влиятельных молодых публицистов, в газету статьи. Только постепенно Маркс занял в ней первенствующее положение, а до этого времени газетой руководил Гесс, вместе с двумя молодыми товарищами, Оппенгеймом и Рутенбергом, другом Маркса, которого последний рекомендовал редакции. Таким образом, хотя газета издавалась на средства рейнской промышленной буржуазии, она являлась в то же время и органом той берлинской группы наиболее молодых, наиболее радикальных писателей, к которым принадлежали и Маркс, и Энгельс.

Только к осени 1842 года Маркс переезжает в Кельн и сразу дает газете новое направление. В отличие от своих берлинских друзей и в отличие от Энгельса, он настаивает на том, чтобы вести по существу самую радикальную борьбу с существующими политическими, общественными условиями, но не в слишком крикливой форме. Тут сказалась разница между теми условиями, в которых воспитывался он и в которых воспитывался Энгельс, в особенности то, что Маркс не знал того религиозного гнета, того интеллектуального гнета, который испытывал на себе Энгельс в молодости. Поэтому он относился более хладнокровно к религиозной борьбе и не считал нужным посвящать все силы резкой антирелигиозной критике. Он предпочитал в этом отношении полемику по существу полемике слишком внешней, считая, что это необходимо для того, чтобы сохранить газету и, таким образом, сохранить за собой орган. Энгельс—это характерно для всех произведений молодого

Энгельса—стоял ближе к другой группе, которая настаивала на самой резкой внешней борьбе против религии. Опять-таки укажу, товарищи, что это та же самая разница, которая была в конце 1917 и начале 1918 г.г. в нашей среде, когда некоторые настаивали на том, чтобы сразу обрушиться на церковь.

У нас делались такие попытки. Другие говорили, что это не так существенно, что у нас имеются более важные задачи. Сходные разногласия были между Марксом и Энгельсом и другими молодыми публицистами. Эта полемика нашла себе выражение в письмах, которые Маркс писал. как редактор, своим старым товарищам в Берлин. Биографы Маркса упоминают, что Энгельс и Маркс в редакции «Рейнской Газеты» встретились довольно холодно. Энгельс, бывший одним из берлинских корреспондентов газеты, перед своим от'ездом в Англию, заехал в Кельн. Возможно, что уже тогда у него произошло об'яснение с Марксом, который защищал свою тактику и как раз тогда резко поставил вопрос о трудящихся. Он подверг самой едкой критике законы против самовольной порубки лесов, он указал, что дух этих законов есть только дух собственников, землевладельцев, которые всеми силами стараются эксплоатировать мелких крестьян, нарочно вырабатывая такие постановления, которые делают крестьян преступниками. Теперь он вновь в корреспонденциях помещает ряд статей о положении своих старых знакомых—мозельских крестьян. Из-за этих статей возникает большая полемика с обер-президентом Рейнской провинции.

Местная власть нажимает в Берлине. Над газетой устанавливается двойная цензура. Так как душой газеты, по мнению властей, являлся Маркс, то они настаивали на его устранении. Новый цензор питает большое уважение к этому блестящему и умному публицисту, который так ловко обходит некоторые цензурные препятствия, но непрерывно продолжает на него доносить, уже не в редакцию, а в ту группу акционеров, которые стояли за газетой. Среди последних начинает усиливаться настроение, нельзя ли все-

таки быть несколько осторожнее, нельзя ли отказаться от выдвигания всяких щекотливых вопросов. Маркс не хочет от этого отказаться. Он доказывает им, что всякая попытка стать еще умереннее все равно ни к чему не приведет, что правительство не успокоится. В конце концов он отказывается от редакторства и бросает газету. Это газеты не спасло, она скоро была окончательно закрыта.

Из газеты Маркс вышел совершенно другим, чем он в нее вошел. Он вступил в нее не коммунистом. Он вошел в нее только радикальным демократом. но демократом, который интересовался и социально-экономическим положением крестьян, который после заинтересовался всеми основными экономическими вопросами, имевшими связь с положением этих крестьян. Это вынуждало Маркса, который до того времени занимался почти исключительно философией и юриспруденцией, все больше заниматься экономическими и специальными вопросами.

А тут еще возникла полемика в связи со статьей Гесса, который уже осенью 1842 года обратил в коммунизм Энгельса. Из-за статьи, написанной Гессом, Маркс должен был вмешаться в полемику с другой консервативной газетой. Этой газете он отвечал: вы не имеете права нападать на коммунизм. Я с коммунизмом незнаком, но коммунизм, который выставил на своем знамени защиту угнетенных, не может быть так легкомысленно осуждаем. Надо познакомиться основательно с этим течением прежде, чем его осуждать. Маркс выходит из «Рейнской Газеты» не коммунистом, но человеком, который уже заинтересовался коммунизмом, как особым течением, как особым миросозерцанием. Вместе со своим приятелем А. Руге он приходит к заключению, что в Германии нет никакой возможности вести политическую и социальную пропаганду. Они решают поэтому ехать в Париж и издавать там журнал «Немецко-Французские Летописи». Этим названием они, в противоположность французским и немецким националистам, хотели подчеркнуть, что одним из условий успешности борьбы против реакции является тесный политический союз между

Германией и Францией. В этих «Немецко-Французских Летописях» Маркс впервые формулирует основные пункты своего будущего миросозерцания, в которых он из радикального демократа превращается в коммуниста.

В следующий раз я остановлюсь на идейной подготовке этого нового марксистского миросозерцания и покажу нам, что нового, что оригинального начал вносить Маркс в историю этой мысли с 1844-го года.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Связь научного социализма с философией.— Материализм.— Кант.— Фихте.— Гегель.— Фейербах.— Диалектический материализм Маркса.— Историческая миссия пролетариата.

В прошлый раз, товарищи, я довел свое изложение как раз до того пункта, когда Маркс кончил свою публицистическую деятельность в Германии и направился за границу. Теперь, товарищи, я попробую в кратких чертах повторить то, о чем рассказывал в прошлый раз. Вы помните, я поставил себе задачей изучить жизнь Маркса и Энгельса при помощи того самого метода, того самого способа исследования, который они выработали. Оказалось, что Маркс и Энгельс, при всей своей гениальности, были людьми определенной эпохи. Вы помните, что Маркс и Энгельс, поскольку они превращались в сознательных людей, т.-е. вышли из того детского возраста, когда главные впечатления даются только домашней средой, подпали под воздействие той исторической эпохи, которая определялась, главным образом, влиянием июльской революции на Германию, развитием науки и философии, развитием рабочего движения, революционного движения того времени. Я указал вам, что Маркс и Энгельс сами были не только продуктом этой общей, определенной, исторической эпохи, что они, уже по самому своему происхождению, были люди данной местности, Рейнской провинции, которая была наиболее интернациональной в Германии, которая являлась наиболее промышленной провинцией, которая подвергалась наиболее сильному влиянию французской революции. Я показал вам, что Маркс, в первые годы своей жизни, подвергался другим влияниям, чем Энгельс, что в семье Маркса было сильно влияние французской философии. Наоборот, Энгельсу приходилось подвергаться влиянию религиозной, почти ханжески настроенной семьи. Это отразилось на их дальнейшем

развитии, и вопросы, связанные с религией, с которыми приходилось иметь дело и Марксу, он переживал не так мучительно, как мы это замечаем у Энгельса. В конце концов, и тот, и другой, различными путями, один более легким, другой более трудным, пришли к одинаковым выводам.

Мы их оставили тогда, когда они уже сделались представителями наиболее радикальной политической и философской мысли того времени. Мы оставили их как раз накануне того момента, когда Маркс в Париже формулирует свою новую точку зрения. Чтобы знать, что действительно нового формулировал 25-летний Маркс, я попробую с вами в кратких чертах рассмотреть, что нашел Маркс в области философии.

Товарищ Деборин обсуждал уже с вами вопросы о сознании, духе, материи, бытии и т. п. высоких материях и упомянул, вероятно, имена некоторых философов. Я сошлюсь на известные слова Энгельса в предисловии к книжке «Развитие научного социализма».

«Мы,—пишет он там,—немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но и от Канта, Фихте и Гегеля». Энгельс не упоминает четвертого немецкого философа, Фейербаха, которому он после посвятил особую работу. Я остановлюсь теперь на философском происхождении научного социализма.

Я не специалист по философии, каким является тов. Деборин. Я когда-то просто старался отдать себе отчет в основных философских вопросах, как старались отдать себе отчет все, кто интересовался вопросом, откуда есть пошло все человеческое развитие.

Основной вопрос—он так поставлен был и Энгельсом—это вопрос о том, предшествовало ли миру какое-то особое творческое начало, с которым все свыклись с детства под названием бога. Этот творец, вседержитель, создатель может иметь различные формы в различных религиях, он может проявляться и в образе неограниченного небесного монарха, у которого на посылках состоят бесчисленные

ангелы. Он может передавать свои полномочия папам, епископам, попам, он может, наконец, как хороший и просвещенный монарх, установить раз навсегда конституцию, основные законы, которыми управляется все человеческое и естественное, и в своей преблагой премудрости довольствоваться любовью и уважением своих детей, не вмешиваясь в дела управления и не путаясь больше ни в какие дела. Он может, одним словом, проявляться в самых разнообразных формах, но раз вы только признаете существование этого бога и этих божков, то этим самым вы признаете, что есть какое-то изначальное существо, которое в один прекрасный день сказало: да будет мир! И бысть мир!

Таким образом, мысль, желание, намерение создать этот мир существовали где-то вне этого мира. Где именно, неизвестно. Этого секрета до сих пор не открыто ни одним философом, даже нашими новыми петроградскими философами.

Это изначальное существо создает все бытие. Таким образом, сознание, мысль, определяет все то, что существует. Идея создает материю, сознание определяет бытие. В сущности, несмотря на свое философское облачение, эта новая форма проявления «изначального» есть старое теологическое, богословское мировоззрение.

Это есть вопрос о том, может ли в этом самом бытии, в котором мы с вами обретаемся, в том, что существует, может ли происходить что-нибудь таким образом, чтобы на это не влияло какое-то неизвестное потустороннее существо, его можно называть как угодно, бог Саваоф, отец, сын, святой дух, его можно назвать даже разумом. Его можно назвать, как в евангелии Иоанна, словом. «В начале бе слово». Слово это создало бытие. Слово создало мир.

С этим представлением, что «в начале бе слово», боролись уже в XVIII столетии материалисты, представители нового миросозерцания нового класса, революционной буржуазии, поскольку они боролись со всеми старыми общественными порядками, феодальным строем. Старое миросозерцание не давало им ответа на вопрос, как возникло то новое, которое несомненно отличало их время от старого, новые века от предшествовавших.

Сознание, идея, разум имели один крупный недостаток, поскольку они оставались единым и неизменным. А наблюдение показывало, что все земное меняется. Бытие, то, что есть, являло самые разнообразные формы. Поскольку вы наблюдали его — в истории или в современности.—а путешествия и открытия с каждым днем доставляли все новые материалы,—оказывалось, что есть различные люди, бывают различные государства, бывают различные идеи.

Вопрос, который нужно разрешить, это вопрос, откуда берется все разнообразие, которое существует, как возникают те различия, которые существуют между людьми и вещами.

Поскольку философы обращались назад, в глубь времен, они видели различные народы. Одни исчезали, другие продолжали существовать. Англичане переживали различные эпохи, также французы. Откуда это разнообразие в пространстве и во времени, откуда все это взялось, если причиной всего является одно и то же начало, скажем, бог? Остается предположить, что бог ни с того ни с сего, здорово живешь, сегодня решает—быть Англии, завтра—Германии, послезавтра—Франции. Вздумалось; и сегодня в Англии господствуют Стюарты, завтра набожному Карлу отсекают голову, и правит Кромвель.

Начиная с XVIII столетия, а это уже сильно заметно и в XVII столетии, по мере того, как это бытие, существование, весь этот мир человеческий, все эти человеческие отношения так круто менялись под влиянием воздействия самих людей, божество, как источник всего, вызывало все большее сомнение. Ибо то, что об'ясняет все во всем его разнообразии и во времени, и в пространстве, еще ничего не об'ясняет, ибо различие, а не то общее, что они имеют, об'ясняется тем, что они создавались при различных условиях, под влиянием различных причин. Каждое это различие должно быть об'яснено особыми, специфическими причинами и особыми влияниями, которые его произвели.

Уже английские философы, жившие в условиях быстро развивавшегося капитализма, проделавшие опыт двух революций, решительно поставили вопрос, действительно ли есть такая сила, которая, независимо от воли людей, все это вытворяет. Не менее сомнительным казалось и то обстоятельство, что все эти разнообразные идеи, которые выявились и боролись в эпоху английской революции, были одним словом изначальны, были врождены людям. Так явственно, отчетливо, несмотря на все усилия связать их с библией, несли они на себе печать новизны.

Французские материалисты, о которых я вам говорил, поставили еще резче этот вопрос. Этой силы, которая находится, якобы, где-то вне нашего мира, божественной силы, которая бы занималась все время новой Европой, думала бы обо всех и за всех все придумывала, не существует. Наоборот, все то, что представляет нам это бытие, эта история, является результатом деятельности самих людей.

Французские материалисты не сумели указать, об'яснить, что определяет действия людей, но они уже твердо знали, что не бог, не какая-нибудь внешняя сила творит историю, а что сами люди производят все эти события. Но тут они впадали в противоречие: они знали, что люди поступают разно, потому что у них различные интересы, различные мнения. Но что определяет, что вызывает различные интересы этих людей, под влиянием каких различных условий они воспитываются, наши философы еще не знают. Наоборот, по их мнению, само это воспитание людей определяется тем или другим законодателем, который распоряжается людьми и определяет их поступки не хуже иного бога.

Некоторые из этих французских материалистов уже поставили ясно и другой вопрос. Конечно, бог — возражали их противники—не может быть похож ни на свирепого еврейского бога, ни на христианского—отца, сына и святого духа, но есть какое-то духовное начало, которое вложило в материю самую возможность мысли, дух, который, таким образом, предшествовал природе. Французские материалисты отвечали, что для этого нет необходимости ни в

какой внешней силе, что в самой материи уже заложена способность ощущения.

Наука вообще, естествознание в особенности—в то время, когда французские материалисты вырабатывали свои взгляды, были еще недостаточно развиты, но они уже тогда выставили это основное положение.

Всякий, кто называет себя материалистом, отрицает, что сознание, мысль в том смысле, как мы понимаем эти слова, предшествовали материи, природе. Сотни тысяч, миллионы лет на земле не было никаких следов живого, организованного существа, следовательно, не было и того, что называют мыслью, не было того, что называют сознанием. Бытие, природа, материя предшествовали сознанию, духу, мысли.

Ненужно только думать, что материя непременно есть нечто грубое, тяжелое, грязное, а идея есть непременно что-то нежное, легкое, чистое. Некоторые, в особенности вульгарные материалисты, а иногда и просто молодые, в пылу спора, а часто и в пику всяким фарисеям идеализма, которые говорят только о «возвышенном и прекрасном» и в то же время великолепно мирятся со всей грязью и мерзостью буржуазного мира, сами иногда нарочито подчеркивают, что материя есть нечто тяжелое, грубое.

Наоборот, когда вы будете знакомиться с естествознанием, вы увидите, что за последние 150 лет материя стала невероятно воздушным и весьма подвижным существом. С тех пор, как промышленная революция перевернула вверх дном все устои старого, малоподвижного натурального хозяйства, все задвигалось. Все, что спало, проснулось, все неподвижное пришло в движение. В твердой и, казалось, застывшей материи были открыты неведомые силы, новые формы движения.

Как недостаточны были знания французских материалистов, вы можете судить по следующему факту. Когда Гольбах, один из наиболее последовательных французских материалистов писал свою книгу «Система природы», он не знал еще того, что знает теперь даже побывавший в нашей весьма плохонькой трудовой школе. Для него воздух представлял нечто неразложимое, один из главных составных

элементов всего сущего, т.-е. он знал о воздухе не больше, чем греки за 2000 лет до него. Через несколько лет после появления главного труда Гольбаха, химия, в первую очередь Лавуазье, показала, что воздух состоит из различных элементов, из азота и кислорода, к которым примешаны в ничтожных количествах еще другие части. А еще через 100 лет, уже в конце XIX столетия, химия открыла среди этой ничтожной примеси несколько так называемых благородных газов—аргон, гелий—тоже материю, но весьма, так сказать, деликатного свойства.

И еще один пример. Мы, товарищи, в Советской России весьма усердно пользуемся радиотелеграфом. Он нам оказал колоссальнейшие услуги за все время существования блокады и гражданской войны. Без него мы в полном смысле слова бродили бы в потемках. А, между тем, если проследить развитие радио-телеграфа, он существует всего каких-то 26 лет. Только в 1897 г. или 1898 открыли в мертвой грубой материи такие нематериальные вещи, что для их обозначения приходится применять названия, имеющиеся уже в старом индусском богословии. Радио передает знаки и звуки. Можно здесь, в Москве, слышать концерт, исполняемый за несколько тысяч верст. А всего пару недель тому назад мы получили известие, что можно отправить телеграмму таким образом, чтобы под ней была не только ваша собственноручная подпись, но и очень схожий портрет. Достаточно для этого приспособить аппарат, изобретенный французским техником Белином, и вы можете посылать такие белинограммы. И все это делается не при помощи «духа», а при помощи—весьма, конечно, тонкой и деликатной—материи, измеримой и управляемой нами самими.

Я привел вам эти примеры, чтобы показать, насколько отсталыми являются обычные представления о материальности и нематериальности. Еще более отсталыми они были в XVIII столетии. Если бы материалисты того времени имели в своем распоряжении все эти новые факты, они были бы менее «грубы» и не отталкивали бы так сильно всяких «чувствительных» людей.

Современные Канту немецкие философы стояли на правоверной точке зрения. Учение материалистов они отвергали, как безбожное и безнравственное. Но Кант не удовлетворился таким простым решением. Он прекрасно сознавал всю несостоятельность унаследованных религиозных представлений. Но у него не хватило ни смелости, ни последовательности, чтобы окончательно порвать со старым.

В 1781 г. он опубликовал свой главный труд—«Критику чистого разума». Там самым основательным образом излагается, что нет никаких доказательств существования бога, бессмертия души, вечных идей, что наше знание основано на опыте. Правда, мы можем знать не самые вещи, не их сущность, а только формы, в которых они проявляются, производя впечатление на наши чувства. Сущность всех вещей, скрывающаяся за явлениями, остается для нас на веки вечные непостижимой. Таким образом, был построен мост между материализмом и идеализмом, между наукой и религией. Кант не отрицал успехов науки в области понимания вещей, но в то же время оставлял и богословию лазейку, давая возможность сущность всех вещей окрестить именем бога.

Но Кант, в своей двойной бухгалтерии, в своем желании не обидеть ни науки, ни веры, пошел еще дальше. Он написал другую книгу—«Критику практического разума». В ней он весьма основательно доказал, что если в теории можно обойтись без бога, без бессмертия души и т. д., то на практике приходится все это признать, ибо без всего этого человеческая деятельность была бы лишена всякой нравственной подкладки.

Немецкий поэт Гейне, о котором я вам уже говорил, бывший большим приятелем Маркса, который одно время имел на него большое влияние, очень картинно изобразил мотивы этого хождения на две стези. У Канта был старый верный слуга Лампе, прожитший со своим господином сорок лет, ухаживавший за ним, как хороший крепостной дядька за своим барином. В этом Лампе для Канта олицетворялся мир обывателей, который без веры

жить не может. И вот Гейне, изложив блестяще все революционное значение «Критики чистого разума» в борьбе с богословием и даже верой в чистое божественное начало, об'ясняет, для чего понадобилась Канту «Критика практического разума», в которой он опять восстанавливает все, что он только что сам разрушил. Вот что он пишет:

«За трагедией следует фарс. Эммануил Кант играл до сих пор роль неумолимого философа. Он штурмовал небо, он заставил его гарнизон сдать все свое оружие, владыка мира плавает пред нами в крови, нет больше никакого милосердия, нет отцовской благости, нет награды на том свете за добродетель на этом свете, бессмертие лежит при последнем издыхании, здесь слышится предсмертный хрип, там раздаются стоны,—а старый Лампе стоит тут же с зонтиком под мышкой, как печальный зритель, а лицо его покрыто холодным потом и слезами. И вот в сердце Эммануила Канта закрадывается жалость, и он показывает, что он не только великий философ, но и хороший человек. Подумав, он полудобродушно, полуиронически говорит: «Старый Лампе нуждается в боге, иначе бедняк не будет счастлив.—А человек должен быть на земле счастлив. Так говорит практический разум. Ну, пусть будет так: практический разум ручается за существование бога».

Кант имел крупное значение и в истории науки. Вместе с французским астрономом Лапласом, он доказал, что наша земля не создана богом в один день, как об этом рассказывается в священном писании, а является продуктом долгого развития, долгой эволюции, что со всеми небесными светилами она развилась путем уплотнения бесформенной, крайне разреженной материи, туманности.

Кант был по существу соглашателем между старой и новой философией, он оставался соглашателем и во всех областях практической жизни. Но, не умея порвать решительно с прошлым, он все же сделал значительный шаг вперед, и более последовательные ученики, понимавшие так же хорошо подоплеку его двойной бухгалтерии,

как и Гейне, отбрасывали его «Критику практического разума» и делали все крайние выводы из его «Критики чистого разума».

Я не буду останавливаться подробно на философе Фихте, о котором упоминает Энгельс. Он оказал несравненно большее влияние на Лассаля, чем на Маркса и Энгельса. Но в его философии имеется один элемент, оставшийся совершенно неразвитым в системе Канта и оказавший большое влияние на немецкую революционную интеллигенцию. Если Кант был мирным профессором, десятки лет невыезжавшим из своего милого Кенигсберга, то Фихте был не только философом, но и практическим деятелем. И вот этот элемент действенности, активности он вносил в свою философию. Старому представлению об особой силе, которая распоряжается людьми, он противопоставил новое, которое превращало человеческую личность и ее деятельность в главный источник всей теории и практики.

Но больше всего имел влияние на Маркса и Энгельса немецкий философ Гегель, создавший свою систему на основе критики систем Канта и Фихте. В молодости он увлекался французской революцией, а к 1831 г., когда он умер, был прусским профессором и чиновником, философия которого пользовалась благосклонностью просвещенных властей.

И невольно является вопрос, каким образом философия Гегеля могла стать источником, из которого утоляли свою жажду знания Маркс, Энгельс и Лассаль. Что было в философии Гегеля такого, что к нему неудержимо влекло лучших представителей революционной и общественной мысли.

Философия Канта в главных ее основах сложилась еще до великой французской революции. Когда она началась, ему уже было 65 лет. Он, правда, тоже испытал на себе ее влияние, но и здесь дело не пошло дальше обычных для него компромиссных, соглашательских выводов. Хотя, как мы видели, он, в области природы, усвоил себе уже идею эволюции, поскольку речь шла об истории

нашей планеты, но вся его система сводилась к об'яснению мира, как он есть.

Наоборот, Гегель, переживший опыт конца XVIII и начала XIX столетия, эпохи величайших потрясений в экономической и политической жизни, устремил все свое внимание на об'яснение мира, как он развивается. Нет ничего неподвижного. Его абсолютная идея, разум, живет и проявляется только в процессе непрерывного движения, развития. Все течет, изменяется, уничтожается. Непрерывное движение, непрерывное развитие абсолютной идеи определяет развитие всего нашего мира во всех его областях. Чтобы понять окружающие нас явления, нам мало изучать их так, как они существуют, нам нужно понять, как они развивались, ибо все, что есть вокруг нас, представляет результат прошлого развития. Более того. Пусть нам с первого взгляда кажется, что данная вещь пребывает в неподвижном состоянии, но если мы к ней внимательно присмотримся, то мы увидим, что в ней самой происходит движение, борьба, что в ней есть какие-то влияния, силы, которые ее сохраняют в том виде, в каком она нам известна, и другие силы, влияния, которые стараются ее изменить. В каждом явлении, в каждой вещи происходит борьба этих двух начал, положения и противоположения. Из этих двух начал одно— сохраняющее, другое разрушающее. В результате борьбы этих двух начал, которые имеются во всяком явлении, получается нечто среднее, соединение борющихся начал.

На гегелевском языке это выражалось так. Разум, мысль, идея не остаются неподвижными, не застывают на одном положении, не успокаиваются на одной тезе. Наоборот, эта теза, эта мысль, противополагаясь сама себе, разделяется на две одна другой противоречащие мысли, на положение и отрицание, на да и нет. Борьба этих двух, заключающихся в антитезе, противоположных элементов образует движение, которое Гегель называет диалектическим, чтобы подчеркнуть элемент борьбы в нем. В результате этой борьбы, этой диалектики, обе противоположности взаимно уравновешиваются и

сливаются. Слияние этих двух одна другой противоречащих мыслей образует новую мысль—их синтезис. Эта новая мысль, новая идея в свою очередь разделяется на две противоположные мысли—теза превращается в антитезу, которые опять-таки сливаются в новом синтезисе.

Таким образом, Гегель на всякое явление, на всякую вещь смотрел, как на процесс, как на нечто находящееся в непрерывном изменении, в непрерывном развитии. Всякое явление есть не только результат предшествовавшего изменения, но в самом себе носит зародыш нового изменения. Оно никогда не успокаивается на достигнутой ступени—так было, так будет. Напротив, едва оно поднимается на более высокую ступень, в нем начинается борьба новых противоречий. Как прекрасно говорит Гегель, именно борьба противоположностей есть источник всякого развития.

Именно в этом заключался революционный элемент философии Гегеля. Несмотря на то, что Гегель был идеалистом, что для него основой являлся дух, а не природа, идея, а не материя, он оказал колоссальнейшее влияние на все исторические и общественные науки, даже на естествознание. Он толкал на изучение действительности, он заставлял искать все формы развития абсолютной идеи, и, чем разнообразнее были формы проявления этой идеи, тем разнообразнее были явления, процессы, развитие которых следовало изучить.

Чтобы вы еще лучше поняли, что именно влекло к этой, повидимому, сухой философии с ее туманным языком, что влекло к ней Маркса, Энгельса и Лассаля, что влекло к ней и наших русских революционеров—Белинского, Герцена, Бакунина, Чернышевского,—я прочитаю вам то, что пишет о ней последний:

«Вечная смена формы, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением, вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания,—кто понял этот великий, вечный, повсеместный закон, кто приучился применять его ко вся-

кому явлению,—о, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие. Повторяя за поэтом:—

Я все свое поставил на ничто,
И мне принадлежит весь мир,—

он не жалеет ни о чем, отживающем свое время, и говорит: «пусть будет, что будет, а будет, в конце концов, все-таки на нашей улице праздник».

Я не буду останавливаться на других сторонах гегелевской философии, которые об'ясняют, почему она послужила таким сильным толчком для более внимательного изучения действительности. Чем больше ученики Гегеля изучали, при свете и под руководством созданного их учителем диалектического метода, действительность, тем более выявлялся коренной недостаток этой философии: она была идеалистической философией, т.-е. для нее главным двигателем, творцом, была абсолютная идея, сознание, определявшее бытие.

Этот слабый пункт гегелевской системы вызывал критику. Можно было сказать, что, ведь, в сущности говоря, эта абсолютная идея только новое издание нашего старого знакомого, бога отца, сына и святого духа, того очищенного от всякой телесности бога, которого создавали для себя и, главным образом, для народа такие философы, как Вольтер.

И вот с этой точки зрения подошел к философии Гегеля один из его талантливейших учеников — Людвиг Фейербах. Он прекрасно понял и усвоил себе революционную сторону философии Гегеля, но затем поставил следующий вопрос. Действительно ли эта абсолютная идея может в своем развитии определять все бытие? Фейербах ответил на этот вопрос отрицательно. Он перевернул основное положение Гегеля и указал, что, наоборот, бытие определяет сознание, что было время, когда существовало «бытие» без сознания, что мысль, идея, сама является продуктом этого самого бытия. Гегелевская философия с его точки зрения являлась последней богословской системой, ибо она заменила бога таким же изначальным существом, абсолютной идеей. Фейербах по-

казал, что все наши представления о боге, различные религиозные системы, и христианство в том числе, являются произведением самого человека, что не бог создает таким образом человека, а, наоборот, сам человек создает себе бога по своему подобию. Необходимо только рассеять весь этот мир призраков, потусторонних вещей, ангелов, ведьм и т. п. проявлений все той же основной, божественной сущности, и остается человеческий мир. Таким образом, человек является основным принципом всей философии Фейербаха. Высшим законом для человеческого мира является не закон бога, а благо самого человека. Выражаясь на ученом языке, Фейрбах противопоставил старому теологическому, божественному, принципу новый принцип, антропологический или человеческий принцип.

Когда вы, товарищи, будете читать наших старых критиков и публицистов, Добролюбова и Чернышевского, вы увидите, что в основе их мировоззрения лежит именно этот антропологический принцип, что для них исходным пунктом является человек и его потребности. Чтобы устроить настоящее человеческое общежитие, нужно заботиться не только о духе, но и о теле, заботиться об удовлетворении всех потребностей человека. Нужно создать такие условия, чтобы человек мог развить все свои способности. До этих выводов они дошли при помощи Фейербаха. И все это было усвоено также Марксом и Энгельсом, как и всей передовой интеллигенцией того времени.

Когда вы будете изучать историю русской общественной мысли, вы наткнетесь на это интересное явление. Достаточно сравнить сочинения Маркса и Энгельса, писанные ими до 1845 года, с сочинениями Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевского, и вы сейчас же заметите сходство идей и взглядов, которое тем больше, чем больше наши русские писатели проделывали ту же самую эволюцию от Гегеля к Фейербаху. А вы знаете, что ни Чернышевский, ни Добролюбов, ни тем паче Герцен—не были марксистами, не были коммунистами, хотя они были социалистами. Они все остановились на определенной ступени,—даже Чернышевский, который дальше всех пошел

по пути, на который его толкнуло изучение Фейербаха.

Только Маркс внес нечто совершенно новое в философию Фейрбаха, сделав из нее дальнейшие выводы. Но, чтобы понять, что именно внес Маркс нового в немецкую философию, нам придется вернуться назад.

Когда я рассказывал вам о юности Маркса, я указал на одну характерную мелочь. Вы помните, что в своем ученическом сочинении Маркс доказывал, что еще до рождения человека создается ряд условий, уже заранее определяющих его будущую профессию. Таким образом, Маркс уже гимназистом знал идею, которая составляет логический вывод из материалистической философии XVIII столетия. Человек есть продукт среды, обстоятельств и поэтому не может быть вполне свободным в выборе профессии, не может быть кузнецом своего счастья. Я тогда уже указал, что в этом положении нет ничего нового, что принадлежало бы Марксу. Он формулировал, правда, довольно своеобразно, то, что он уже не раз читал в сочинениях тех философов, которых так любил его отец. Когда он поступил в университет и попал в новую умственную среду, где господствовала немецкая классическая философия, он уже с самого начала противопоставлял ее идеализму более материалистическое мировоззрение. Поэтому, он так быстро сделал из гегелевской философии все радикальные выводы и приветствовал «Сущность христианства» Фейербаха. Последний в своей критике христианства пришел к тем же выводам, что и крайние материалисты XVIII столетия, с той только разницей, что там, где они видели только обман и суеверие, он, прошедший школу Гегеля, установил необходимую фазу человеческой культуры. Но и у Фейербаха человек был такой же отвлеченной фигурой, как и у французских материалистов XVIII столетия.

Достаточно было пойти еще дальше в разборе, анализе, как человека, так и среды, чтобы увидеть, что этот человек являет из себя большое разнообразие, существует в самых различных оболочках, носит самые различные шкуры. Человеками одинаково являлись и прусский король, и обер-президент Рейнской провинции, и мозель-

ский крестьянин, и фабричный рабочий, с которыми Марксу приходилось иметь дело в Рейнской провинции. Все они имели одни и те же органы, голову, ноги, руки. Физиологически и анатомически не было особенной разницы между мозельским крестьянином и прусским помещиком, и в то же время между ними существовала колоссальная разница, поскольку речь шла об их социальном положении.

Но люди отличались друг от друга не только в пространстве, но и во времени. Люди XVII века отличались от людей XII века и от людей XIX века. Откуда же взялись эти отличия, если человек сам не менялся и представлял только продукт природы?

В этом направлении и заработала мысль Маркса. Мало сказать, что человек есть продукт среды, что среда воспитывает человека. Чтобы воспитать таких различных людей, эта среда сама должна быть в себе различна, должна в себе самой заключать различные противоположности. Оказывается, что эта среда не только просто скопление людей, а среда общественная, в которой люди связаны определенными отношениями, принадлежат к различным общественным группам.

Поэтому Маркс не мог удовлетвориться даже фейербаховской критикой религии. Сущность последней Фейербах об'яснял сущностью человека, но сущность человека вовсе не есть что-то отвлеченное, свойственное ему, как отдельному лицу. Сам человек представляет уже сумму, совокупность определенных общественных отношений. Отдельного, изолированного человека нет. По и е с т е с т в е н н ы е связи, которые существуют между людьми, уступают, по своему значению, тем о б щ е с т в е н н ы м связям, которые устанавливаются между ними в процессе исторического развития. Поэтому религиозное чувство не есть нечто естественное, оно само есть о б щ е с т в е н н ы й продукт.

Мало сказать поэтому, что человек является исходным пунктом нового мировоззрения. Надо прибавить, что это человек о б щ е с т в е н н ы й, который является продуктом определенного общественного развития, складывается

и развивается на почве определенного общества, известным образом расслоенного, дифференцированного. Если присмотреться побольше, то оказывается, что это расслоение, дифференцирование, среды на различные классы не есть нечто изначальное, а, наоборот, само является продуктом долгого исторического развития. Если исследовать, каким образом совершалось это развитие, мы увидим, что оно всегда являлось результатом борьбы противоречий, противоположностей, возникавших на данной определенной ступени общественного развития.

Маркс не ограничился этим, он подверг критике и другие философские положения Фейербаха. В чисто теоретическую, созерцательную философию он вводит новый элемент—революционную, основанную на критике действительности, практическую деятельность.

Как и французские материалисты, Фейербах учил, что люди представляют собой продукт обстоятельств и воспитания, продукт воздействия бытия на сознание. Получалось представление, что человек, как он есть, с головой, руками, ногами, обособившийся от остального животного мира, является только известным чувствительным аппаратом, который подвергался влиянию, воздействию природы. Все его мысли, его идеи являются отражением этой природы. Таким образом, по Фейербаху выходило, что человек является только пассивным элементом, который покорно воспринимает все толчки, получаемые им от природы.

Этому утверждению Маркс противопоставил другое: все, что совершается в человеке, изменения самого человека, представляют результат не только воздействия природы на него, но в еще большей степени являются результатом воздействия самого человека на природу Все развитие человечества в том и состоит, что первобытное человекообразное животное, в своей неустанной борьбе за существование, не только пассивно подвергается влиянию природы, но само воздействует на нее и, изменяя природу, изменяет условия своего существования, изменяет в то же время **и себя.**

Так Маркс в пассивную философию Фейербаха ввел революционный, действенный элемент. Дело философии,—говорит Маркс в противоположность Фейербаху,—состоит не только в том, чтобы об'яснить этот мир, а в том, чтобы изменить его. Теория дополняется практикой, критика действительности, окружающего нас мира, отрицание его—положительной работой, практической деятельностью. Так внесен был Марксом в философию материализма революционный принцип, так превратил он созерцательную философию Фейербаха в философию действенную. Всей своей практикой, всей своей деятельностью человек должен доказать истину своего мышления, своей программы. Чем лучше он ее проводит на практике, чем скорее он воплощает ее в действительности, тем основательнее доказывает он, что уже в самой этой действительности заключались все элементы для решения поставленной им себе задачи, для проведения выработанной им программы.

Эту критику Фейербаха Маркс формулировал в общих чертах уже очень рано. Когда вы внимательно вдумаетесь в ход его мысли, вы легко поймете, каким образом он дошел до основной своей идеи, разработка которой привела его к научному коммунизму.

Маркс вышел из среды немецкой интеллигенции. С нею он и ведет спор, чтобы убедить ее в несостоятельности ее старых лозунгов.

Мы согласны все,—говорил он ей,—что германская действительность, окружающая нас, что Пруссия, в которой живется так трудно, в которой не существует ни свободы мысли, ни свободы преподавания,—что весь этот мир представляет собой нечто весьма непривлекательное. Не подлежит никакому сомнению, что этот мир должен быть изменен, если мы не хотим, чтобы немецкий народ опустился на самое дно этого отвратительного болота.

Но каким образом он может быть изменен?—спрашивает Маркс.—Он может быть изменен только в том случае, если среди этого немецкого общества найдется какая-нибудь

группа, какая-нибудь категория людей, которые будут заинтересованы всеми условиями своего существования в том, чтобы изменить этот мир.

Маркс рассматривает последовательно различные группы, существующие в немецком обществе: дворянство, чиновничество, буржуазию. Он приходит к заключению, что даже последняя, в отличие от французской буржуазии, игравшей крупную революционную роль, не в состоянии взять на себя роль класса-освободителя, который изменил бы весь общественный строй.

Но если не буржуазия, то какой же другой класс может взять на себя эту роль? И Маркс, который в это время пристально и внимательно изучал историю и современное состояние Англии и Франции, приходит к заключению, что этим классом может быть только пролетариат.

Так уже в 1844 году Маркс выставляет этот основной тезис: классом, который может и должен взять на себя миссию освобождения всего немецкого народа, изменения всего общественного строя, может быть только пролетариат. Почему? Потому что это есть тот класс людей, в самых условиях существования которого воплотилось все зло современного буржуазного общества. Нет еще другого такого класса, который стоял бы ниже на лестнице общественных классов, на который давило бы все остальное общество, как именно пролетариат. В то время, как существование всех остальных классов построено на частной собственности, пролетариат лишен этой собственности и не заинтересован в сохранении существующего общества во что бы то ни стало. Пролетариату недостает только сознания своей миссии, знания, философии. И он станет стержнем всего освободительного движения, если он проникнется этим сознанием, этой философией, если он поймет все условия своего освобождения, если он поймет, какая высокая роль выпала на его долю.

Вот основная точка зрения Маркса, которая принадлежит исключительно ему. Хотя великие утописты—Сен-Симон, Фурье и Оуэн, в особенности последний,—уже обратили свое внимание на «наиболее многочисленный и пан-

более нуждающийся класс», на пролетариев, но все они исходили из того убеждения, что пролетариат только наиболее страдающий класс, наиболее нищий класс, что о нем надо позаботиться, и что заботиться о нем должны высшие, просвещенные классы. В нищете пролетариата они видели только нищету и не замечали той революционной стороны, которую таила в себе эта нищета, продукт разложения буржуазного общества.

Маркс впервые указал, что пролетариат является не только страдающим классом, но и активным борцом против буржуазного общества, что это класс, который всеми условиями своего существования превращается в единственно революционный класс буржуазного общества.

Эту идею, которую Маркс изложил еще в начале 1844 года, он развил подробнее в сочинении, которое он написал вместе с Энгельсом. Оно называется «Святое семейство» и посвящено его бывшим соратникам, братьям Бауэрам. Это сочинение теперь уже устарело—оно вышло в начале 1845 г.—но нельзя сказать, чтобы значительно больше, чем некоторые сочинения Плеханова или даже Ленина. Возьмите какую-нибудь брошюру Плеханова, вышедшую в 1883 г., или даже Ленина, вышедшую в 1903 г., и вы увидите, что молодой читатель, только что вошедший в жизнь, ничего почти не поймет без хорошего комментария. Такие старики, как я и мои сверстники, мы хорошо помним конец 80 и начало 90-х годов, наперечет знаем представителей даже самых мелких литературных и революционных течений того времени. Для вас же все эти имена мало или совсем незнакомы, борьба, которую вели первые русские марксисты, совершенно неизвестна, и вы равнодушно, а иногда и не без скуки, пробегаете те страницы, которые в нас вызывают самый живой отклик.

Так устарела и книга «Святое семейство», написанная, главным образом, Марксом. И в то же время она жива и живет всей полнотой жизни для того, кто себе ясно представляет Германию начала 40-х годов с ожесточенной борьбой различных умственных и общественных течений. В этой книге Маркс самым ядовитым образом осмея-

вает все попытки немецкой интеллигенции либо отвернуться от пролетариата, либо удовлетвориться благотворительными обществами, которые должны облагодетельствовать этот самый пролетариат. Маркс опять раз'ясняет немецкой интеллигенции революционное значение пролетариата, который за несколько месяцев перед этим, в восстании силезских ткачей, показал, что в защите своих кровных интересов он не останавливается и перед восстанием.

Уже в этой книге Маркс намечает и следующие вехи своего нового мировоззрения. Пролетариат является особым классом, потому что само общество, в котором он живет, есть классовое общество. Пролетариату противостоит буржуазия, рабочего эксплоатирует капиталист. И вот возникает новый вопрос. Откуда взялись капиталисты? Какие причины породили эту эксплоатацию наемного труда капиталом?

Надо было исследовать это общество, основные законы его развития и существования. И Маркс опять-таки оставляет далеко за собой Фейербаха, которого вообще мало интересовал вопрос о развитии общественных отношений, который в этом отношении стоял значительно ниже своего учителя Гегеля, внимательно исследовавшего, на свой идеалистический лад, законы развития буржуазного общества.

Маркс уже в этой книге подчеркивает, что мы ничего не поймем в истории данного периода, если мы не знаем состояния промышленности, если нам неизвестны непосредственные условия производства, материальные условия жизни человека, те отношения, которые устанавливаются между людьми в процессе удовлетворения ими их материальных потребностей.

Маркс начинает с тех пор усиленно работать над этим вопросом. Мы дальше увидим, к чему он пришел в течение ближайших двух лет, еще до революции 1848 года. Он бросается на изучение политической экономии, чтобы лучше понять весь механизм экономических отношений современного общества.

Но Маркс был не только философом, который желает об'яснить мир, он был революционером, который хочет изменить его. Теоретическая работа шла у него одновременно с практической.

В следующий раз я познакомлю вас с тем, каким образом в течение двух с половиной лет, в процессе самой беспощадной фракционной борьбы, он создал, вместе с Энгельсом, ту организацию, Союз Коммунистов, по поручению которой он написал «Коммунистический Манифест».

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Критика обычных взглядов на историю Союза Коммунистов.—Маркс, как организатор.—Борьба с Вейтлингом.—Основание Союза Коммунистов.—„Коммунистический Манифест".—Полемика с Прудоном.

Мы, товарищи, остановились в прошлый раз как раз на том периоде деятельности Маркса, когда он формулировал точку зрения, относительно которой можно с полной уверенностью сказать, что в истории общественной и политической мысли XIX столетия она впервые была выставлена Марксом. Мы уже видели, что сам Маркс пользовался всей наукой того времени, всей философией того времени. Я коснулся только слегка влияния на него социалистической мысли, ибо это влияние начинается несколько позднее. Сегодня я буду говорить о совсем другом вопросе. Я обещал в прошлый раз рассмотреть деятельность Маркса, поскольку он принимал участие в создании той организации Союза Коммунистов, по поручению которой написан был «Манифест Коммунистической Партии». Я вам обещал, что буду излагать биографию Маркса и Энгельса, пользуясь их же методом. И вот, разобрав все данные, которые можно найти в сочинениях Маркса и Энгельса по вопросу об истории Союза Коммунистов, я прихожу к заключению, что показания Маркса и Энгельса по этому вопросу не выдерживают строгой критики. Марксу пришлось только раз в своей жизни коснуться этой истории в одном из своих произведений, которое очень мало читается. Это «Господин Фогт»,—книга, вышедшая в 1860 году. Маркс допустил там целый ряд ошибок. Но обычно знакомятся с историей Союза Коммунистов по маленькому очерку, написанному Энгельсом в 1885 г. С легкой руки Энгельса, дело изображается так: жили были Маркс и Энгельс, два немецких философа и политика, которые вынуждены были бросить Германию, жили во Франции, жили в Бельгии, писали ученые книжки, обра-

тившие на себя внимание интеллигенции, после попавшие в руки рабочих. И вот в один прекрасный день рабочие обратились к этим двум ученым, которые сидели у себя в кабинете, не вмешиваясь во всю эту грязную практическую деятельность, а ждали у себя гордо, как и следует хранителям научной мысли, когда же придут к ним рабочие. И они дождались этого дня: рабочие пришли и пригласили Маркса и Энгельса в свой союз. Маркс и Энгельс об'явили, что они вступят в союз только тогда, когда примут их программу. Рабочие согласились, организовали Союз Коммунистов и первым делом поручили Марксу и Энгельсу написать Манифест Коммунистической Партии. Рабочие, которые это сделали, принадлежали к тому «Союзу Справедливых», о котором я рассказывал в своей первой лекции, в связи с историей рабочего движения во Франции и Англии. Я указал, что этот «Союз Справедливых» образовался в Париже и сильно пострадал после неудачной попытки восстания бланкистов 12 мая 1839 года. Я сказал, что после этого поражения члены союза отправились в Лондон. Среди них был Шаппер, организовавший в феврале 1840 года «Рабочее просветительное общество».

Чтобы вы имели лучшее представление о том, как обычно изображается эта история, я прочту вам соответственное место из книжки Стеклова о Марксе.

«Проживая в Париже, Маркс поддерживал личные сношения с руководителями «Союза Справедливых», состоявшего из немецких политических эмигрантов и ремесленников, но не входил в него в виду того, что программа Союза, окрашенная идеалистическим и бунтарским духом, не могла его удовлетворить. Но постепенно в рядах Союза происходила эволюция, сближавшая его с взглядами Маркса и Энгельса, которые при помощи устных и письменных сношений, а также через посредство прессы влияли на политические взгляды членов Союза. В исключительных случаях оба друга сообщали свои взгляды своим корреспондентам при помощи литографированных циркуляров. После разрыва с бунтарем Вейт-

лингом и систематической «суровой критики негодных теоретиков», почва для вступления Маркса и Энгельса в Союз была подготовлена. На первом конгрессе Союза, принявшего название «Союза Коммунистов», присутствовали Энгельс и Вильгельм Вольф, а на втором с'езде, в конце ноября 1847 г., присутствовал и сам Маркс. Конгресс, выслушавши речь Маркса, в которой он развивал новое социалистическое мировоззрение, поручил ему и Энгельсу выработать программу Союза. Таким образом, и появился знаменитый «Коммунистический Манифест».

Тов. Стеклов только повторяет то, что писал Меринг, а Меринг повторяет то, что рассказывает нам сам Энгельс. А последнему нельзя не верить, ибо кто может лучше всего рассказать историю какого-нибудь предприятия или дела, чем тот, кто сам принимал участие в его организации? И все же мы должны отнестись критически и к словам Энгельса, хотя бы уже потому, что свой очерк он составлял почти сорок лет спустя после описываемых им событий. За такой большой промежуток времени нетрудно и запамятовать что-нибудь, особенно, если пишешь при совершенно других условиях и в совершенно другом настроении.

У нас имеются в распоряжении другие факты, которые совсем не вяжутся с только что изложенным рассказом. Маркс и Энгельс вовсе не были такими чистыми теоретиками, как их рисует, скажем, тов. Стеклов. Наоборот, как только Маркс пришел к взгляду, что всякий считающий необходимым изменить коренным образом существующий общественный строй может опереться только на рабочий класс, на пролетариат, который в самом своем существовании находит все побуждения, все стимулы, толкающие его на борьбу против этого строя,—как только Маркс пришел к этому взгляду, он направился в рабочую среду, он старался вместе со своим другом проникнуть во все места, во все организации, где эти рабочие подвергались уже другим влияниям. А такие организации тогда уже существовали. Обратимся теперь к ним.

В своем изложении истории рабочего движения я остановился на начале сороковых годов. «Союз Справедливых» после разгрома в мае 1839 г. прекратил свое существование, как центральная организация. По крайней мере, с 1840 г. мы не встречаем никаких следов его существования или деятельности, как такового. Остались только отдельные кружки, организованные бывшими членами «Союза Справедливых». Об одном из таких кружков, основанном в Лондоне, мы уже говорили.

Другие члены «Союза Справедливых» бежали в Швейцарию. Среди них наибольшим влиянием пользовался **Вильгельм Вейтлинг.**

Портной по профессии, один из первых немецких революционеров из среды ремесленного пролетариата, Вейтлинг, как и многие немецкие ремесленники того времени, переходил из одного города в другой и уже в 1835 году попал в Париж, но только в 1837 году осел там надолго. Там он стал членом «Союза Справедливых» и познакомился с учениями Ламеннэ, представителя христианского социализма, Сен-Симона, Фурье, там же он сошелся и с Бланки и его последователями. В конце 1838 года он, по поручению своих товарищей, написал брошюру «Человечество, как оно есть и каким оно должно быть», в которой защищал уже идеи коммунизма.

В Швейцарии, сначала во французской, а после в немецкой, он с некоторыми товарищами, после неудачной попытки вести пропаганду среди самих швейцарцев, начал организовывать кружки среди немецких рабочих и эмигрантов. В 1842 г он опубликовал свое главное сочинение «Гарантии гармонии и свободы». В нем он более подробно развил свои взгляды, высказанные еще в 1838 г.

Я не буду останавливаться на изложении его взглядов. От других утопистов своего времени он отличался—и тут сказывалось влияние Бланки — тем, что он не верил в мирный переход к коммунизму путем убеждения. Наоборот, новое общество, план которого Вейтлинг выработал во всех подробностях, можно будет осуществить только путем насилия. Чем скорее мы разрушим существующее

общество, тем скорее мы избавим народ. Лучшее средство для этого—довести существующую общественную неурядицу до последней крайности. Чем хуже, тем лучше! Наиболее надежным, революционным элементом, который мог бы ниспровергнуть это общество,. Вейтлинг считал босяцкий пролетариат, люмпен-пролетариат, даже разбойников.

В Швейцарии с Вейтлингом и его учением познакомился и наш Бакунин, который уже тогда усвоил себе некоторые из только что изложенных идей. Когда весной 1843 г. Вейтлинг был арестован в Цюрихе и против него и его последователей возбуждено было судебное преследование, то был скомпрометирован и наш Бакунин, ставший с тех пор эмигрантом.

По окончании тюремного заключения Вейтлинг был в мае 1844 г. выслан в Германию. После всяких мытарств ему удалось через Гамбург попасть в Лондон. Его встретили там с большим торжеством.

В честь его устроили большое собрание, в котором приняли участие, на ряду с английскими социалистами и чартистами, немецкие и французские эмигранты. Это было первое большое международное собрание в Лондоне. Оно же подало Шапперу повод организовать в октябре 1844 года международное общество под названием «Общества демократических друзей всех народов». Оно ставило себе целью сближение между революционерами всех национальностей, укрепление братства между различными народами, завоевание социальных и политических прав. Во главе стояли Шаппер и его ближайшие друзья.

Вейтлинг, остававшийся в Лондоне почти полтора года, сначала пользовался большим влиянием и в лондонском рабочем обществе, в котором велись страстные дискуссии на всякие темы, связанные с «текущим моментом». Но ему уже очень скоро пришлось натолкнуться на сильную оппозицию. Его старые товарищи, как Шаппер, Бауэр и Молль, за время разлуки успели хорошо познакомиться с английским рабочим движением и с учением Оуэна.

Мы видели уже, что для Вейтлинга пролетариат не был особым классом, с особыми классовыми интере-

сами. Пролетариат был только частью бедного, угнетенного населения, а среди этой бедноты он выделял, как наиболее революционный элемент, — люмпен-пролетариат. Он все еще носился со своей идеей, что разбойники, бандиты—один из наиболее надежных элементов в борьбе с существующим обществом. Пропаганде он не придавал никакого значения. Будущее общество он себе изображал в виде коммунистического общества, в котором руководство принадлежит маленькой группе мудрых людей. А чтобы привлечь на свою сторону массы, он считал необходимым прибегать к помощи религиозного элемента, превращая Христа в провозвестника коммунизма и изображая коммунизм, как освобожденное от всяких поздних примесей христианство.

Чтобы лучше понять те недоразумения, которые после возникли между ним и Марксом и Энгельсом, надо помнить, что Вейтлинг был очень способный рабочий, самоучка, обладавший недюжинным литературным талантом, но страдавший всеми недостатками таких самоучек. Наша Россия очень богата такими самоучками, и вы, наверное, их встречали в своей жизни не раз.

Самоучка всегда норовит, как говорится, из собственной головы выловить что-нибудь экстра-новое, изобрести, не в пример «английскому хитрецу», какой-нибудь замысловатый прибор, при чем часто попадает в положение, когда он с большой затратой сил открывает давным-давно открытую Америку, иногда к величайшему удовольствию тов. Сосновского.

Самоучка может искать какое-нибудь «перпетуум мобиле», изобрести какую-нибудь воронку мудрости, при помощи которой человека можно в два счета сделать ученым. Так вот Вейтлинг принадлежал к числу таких самоучек. Он хотел придумать такое особое учение, которое давало бы возможность людям в самое короткое время усвоить себе всякую науку. Он хотел изобрести всеобщий язык. Характерно, что и другой самоучка рабочий, Прудон, с которым мы еще встретимся, тоже брался за решение этой задачи. У Вейтлинга иногда трудно было разобрать, чему

он отдавал предпочтение, чем он больше дорожил: своим коммунизмом или всеобщим языком. Как настоящий пророк, он не терпел никакой критики, и особенное недоверие питал он к книжникам, которые очень скептически относились к его любимому коньку.

А в 1844 г. Вейтлинг принадлежал к числу самых популярных и известных людей не только среди немецких рабочих, но и среди немецкой интеллигенции. Мы имеем характерное описание встречи между знаменитым портным и знаменитым поэтом Гейне, принадлежащее последнему.

«Что особенно было оскорбительно для моей гордости, это полное отсутствие почтения ко мне со стороны малого, когда он со мной беседовал. Он не снял шапки и в то время, как я стоял перед ним, сидел на скамье, поднявши правое колено до самого подбородка; другой рукой он постоянно потирал это колено повыше лодыжки. Эту непочтительную позу я сначала принял за привычку, приобретенную им в портняжном ремесле, но он разубедил меня в этом. Когда я у него спросил, зачем он все время трет себе колено, Вейтлинг сказал мне равнодушным тоном, как будто дело шло о самой обыкновенной истории, что в различных немецких тюрьмах, в которых он сидел, его держали в цепях; но так как железный обруч, обхватывавший колено, зачастую бывал узок, то у него и остался зуд, который заставляет его потирать колени... Признаюсь, я отступил на несколько шагов, когда портной рассказывал мне со своей противной фамильярностью такие истории о тюремных цепях... Странные противоречия в сердце человеческом. Я, который однажды благоговейными устами лобызал в Мюнстере реликвии портного Яна Лейденского—и цепи, которые он носил, и клещи, которыми его пытали, я, который воздавал восторженный культ умершему портному, теперь чувствовал непреодолимое отвращение к живому портному, к человеку, который был, ведь, апостолом и мучеником того самого дела, за которое пострадал и славной памяти Ян Лейденский».

Хотя сам Гейне в этом описании выглядит необыкновенно привлекательно, мы видим все-таки, что на избалованного своими почитателями поэта Вейтлинг произвел глубокое впечатление. Но революционер легко мог различить в Гейне барина мысли и искусства, который с любопытством, хотя и не без брезгливости, всматривается в чуждый ему тип борца. С таким же праздным любопытством когда-то рассматривали и наши поэты какого-нибудь боевика или большевика. Иначе относился к Вейтлингу такой интеллигент, как Маркс. Для него Вейтлинг был талантливым выразителем стремлений того самого пролетариата, историческую миссию которого он сам только что формулировал. Вот что писал он о Вейтлинге, до знакомства с ним:

«Где могла бы (германская) буржуазия, включая сюда ее философов и литераторов, указать по вопросу об эмансипации (освобождении) буржуазии—политической эмансипации—работу, которая была бы подобна вейтлинговским «Гарантиям гармонии и свободы». Если сравнить сухую и трусливую посредственность германской политической литературы с этим беспримерным и блестящим дебютом германских рабочих, если сравнить эти гигантские детские башмаки пролетариата с карликовым размером стоптанных политических башмаков буржуазии, то замарашке придется предсказать в будущем фигуру атлета».

Вполне естественно, что и Маркс и Энгельс должны были искать знакомства с Вейтлингом. Мы знаем, что уже летом 1845 г.,—а в это время Вейтлинг жил еще в Лондоне,—оба друга, во время своей кратковременной поездки в Англию, познакомились с английскими чартистами и немецкими эмигрантами. Встречались ли они и с Вейтлингом, мы не знаем наверное. В более тесные сношения вступили они друг с другом только в начале 1846 г., когда Вейтлинг приехал в Брюссель, где Маркс поселился после того, как его в начале 1845 г. выслали из Франции.

Маркс тогда уже с головой ушел в организационную работу. Брюссель представлял большие удобства для этого.

Бельгия была проходной станцией между Францией и Германией. Немецкие рабочие и немецкие интеллигенты, направлявшиеся в Париж, проводили всегда несколько дней в Брюсселе. Оттуда распространялась, путем контрабанды, нелегальная литература по всей Германии. Среди рабочих, осевших временно в Брюсселе, было тоже несколько очень талантливых людей.

Таким образом, Маркс мог уже очень скоро выдвинуть идею созыва с'езда всех коммунистов для создания первой обще-коммунистической организации. Местом для этого с'езда должен был служить бельгийский город Вервье, который находился ближе к немецкой границе и куда легче было попасть немецким коммунистам. Мне не удалось установить точно, собрался ли действительно этот с'езд, но все приготовления к нему задуманы были Марксом задолго до того, как, по словам Энгельса, к ним приехали из Лондона делегаты «Союза Справедливых» с приглашением вступить в последний.

Конечно, Маркс и Энгельс считали в высшей степени важным привлечь и те кружки, которые находились под сильным влиянием Вейтлинга. И они не мало потратили усилий, чтобы сойтись с ним на общей платформе. Однако, дело кончилось разрывом. Счастливый случай захотел, чтобы история этого разрыва поведана была нам одним из наших соотечественников, который тогда тоже заезжал по дороге во Францию в Брюссель. Этим соотечественником был русский критик П. Анненков, который когда-то был почитателем Маркса, но очень скоро излечился от всяких революционных наклонностей.

Он был в Брюсселе как раз весной 1846 г. и оставил нам любопытное описание, в котором имеется не мало лжи, но есть и известная доля правды. Он сообщает нам отчет об одном собрании, на котором произошел жестокий спор между Марксом и Вейтлингом.

Мы узнаем, что Маркс, стуча по столу кулаком, кричал Вейтлингу: «Невежество никогда и никому не помогало и пользы не приносило». Это вполне вероятно, если вспомнить, что Вейтлинг, как и наш Бакунин, был против

пропагандистской, подготовительной работы, на том основании, что бедняки всегда готовы к революции, что революция может быть поэтому сделана в любой момент, если только на лицо имеются репительные вожди.

Из письма самого Вейтлинга об этом собрании мы знаем, что Маркс выдвигал следующие пункты: необходимо произвести чистку в рядах коммунистов, подвергнуть критике всех негодных теоретиков, отказаться от всякого социализма, который опирается только на добрые чувства, что осуществлению коммунизма должна предшествовать эпоха, в течение которой у власти будет находиться буржуазия.

Таким образом, тогда разногласия между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Вейтлингом,—с другой, сводились почти к тем же разногласиям, которые мы встречаем среди русских революционеров через сорок лет.

В мае 1846 г. произошел окончательный раскол. Вейтлинг скоро уехал, опять-таки через Лондон, в Америку, где оставался до революции 1848 г.

Маркс и Энгельс продолжали при помощи других товарищей, с которыми они сблизились к тому времени, работу организации. В Брюсселе ими создано было «Рабочее общество самообразования», где Маркс читал для рабочих лекции по политической экономии. Кроме интеллигентов, среди которых выделялись Вильгельм Вольф,—ему Маркс после посвятил первый том «Капитала»,—Вейдемейер и др., в Брюсселе жили Стефан Борн, Валлау, Зейлер и другие рабочие.

Опираясь на эту организацию, Маркс и Энгельс старались завязать и упрочить, с помощью товарищей, уезжавших из Брюсселя, связи с кружками, существовавшими в Германии, в Лондоне, в Париже, в Швейцарии. Сам Энгельс выполнял эту работу в Париже. Постепенно число склонявшихся к новым взглядам Маркса и Энгельса возрастало. Тогда Маркс пришел к следующему плану, чтобы об'единить все коммунистические элементы. Он теперь мыслил себе эту организацию не как национальную, не как чисто германскую, а как международную. В начале

нужно создать группу, ячейку более спевшихся коммунистов в Брюсселе, в Париже, Лондоне. По мысли Маркса, эти группы должны были выделить из себя комитеты, которые поддерживали сношения с другими коммунистическими организациями. Так подготовлялись более тесные связи с другими странами, и создавалась почва для их будущего международного об'единения. Эти комитеты, по предложению Маркса, названы были коммунистическими комитетами для сношений (корреспондентскими комитетами).

Так как историю немецкого социализма и рабочего движения писали литераторы и журналисты, которым часто приходилось писать корреспонденции и даже состоять членами бюро корреспондентов или печати, то они сразу пришли к заключению, что «корреспондентские комитеты» представляют не что иное, как обыкновенные бюро корреспондентов.

Выходило, что Маркс и Энгельс решили основать в Брюсселе корреспондентское бюро, из которого они рассылали литографированные корреспонденции. Или, как пишет Меринг еще в последней своей работе о Марксе:

«Не имея собственного органа, Маркс и его друзья старались по мере возможности заполнить этот пробел, прибегая к печатным или литографированным циркулярным письмам. Вместе с тем они старались заручиться постоянными корреспондентами в тех крупных центрах, где жили коммунисты. Такие корреспондентские бюро существовали в Брюсселе и Лондоне, и предполагалось учредить бюро и в Париже. Маркс написал Прудону, прося его о сотрудничестве».

А, между тем, достаточно прочитать внимательнее ответ Прудона, чтобы увидеть, что речь идет о чем-то весьма непохожем на обычное корреспондентское бюро. А если вспомнить, что эта переписка относится к лету 1846 г., то мы уже приходим к заключению, что еще задолго до того, как к Марксу приехали из Лондона с предложением вступить в несуществовавший уже «Союз Справедливых», и в Лондоне, и в Брюсселе, и в Париже существовали ка-

кие-то организации, инициатива которых несомненно исходила от Маркса.

Вспомните теперь, что я рассказывал вам о лондонском корреспондентском обществе, которое было организовано в 1792 г. Томасом Гарди. Сходную организацию представляли такие же корреспондентские комитеты, которые были организованы клубом якобинцев, когда ему было запрещено организовать в провинции филиальные, связанные с ними, отделения. Так вот, сопоставляя все эти факты, я еще десять лет назад пришел к заключению, что Маркс, основывая свои общества, имел в виду именно корреспондентские комитеты.

И действительно оказывается, что ко второй половине 1846 г. существует уже вполне организованный корреспондентский комитет в Брюсселе, играющий роль центрального, которому посылаются отчеты. В его состав входит не один десяток людей и среди них несколько рабочих. Вы имеете уже парижский комитет, организованный Энгельсом и ведущий деятельную работу среди немецких ремесленников, вы имеете лондонский комитет, во главе которого стоят Шаппер, Бауэр и тот самый Молль, который якобы через полгода приехал в Брюссель звать Маркса в члены «Союза Справедливых». И, как видно из письма (от 20 января 1847 г.), которое было мною передано Мерингу, этот самый Молль приезжал не от имени «Союза Справедливых», а как раз от имени коммунистического корреспондентского комитета в Лондоне, чтобы доставить отчет о положении вещей в лондонском обществе.

Так я пришел к заключению, что та повесть об основании Союза Коммунистов, которая с легкой руки Энгельса до сих пор еще странствует из одной книги в другую, есть не что иное, как легенда, не выдерживающая критики. Вся большая подготовительная работа, совершенная, главным образом, Марксом, во многом напоминает работу, которую проделывали первые русские социал-демократы через 50 лет, когда старались об'единить уже существовавшие организации. С той только разницей, что место корреспондентских комитетов занимали организа-

ции «Искры», место различных рабочих обществ, среди которых работали эмиссары коммунистов, занимали различные союзы и комитеты, в которые старались проникнуть, чтобы привлечь их на свою сторону, агенты «центра».

Всей этой организационной работы Маркса исследователи совершенно не замечали, превращая его в кабинетного мыслителя. Просмотрели, таким образом, роль Маркса, как организатора, просмотрели одну из интереснейших черт его личности. Если мы не будем знать той роли, которую Маркс, — подчеркиваю: Маркс, а не Энгельс, — играл уже во второй половине сороковых годов, как руководитель и вдохновитель всей этой подготовительной работы, мы не поймем и той крупной роли, которую он после играл, как организатор, и в 1848—49 г.г. и в эпоху Первого Интернационала.

Вероятно, после поездки Молля в Брюссель, когда Маркс убедился, что лондонцы в своем большинстве уже освободились от влияния Вейтлинга, по инициативе брюссельского комитета решено было созвать конгресс в Лондоне, как наиболее удобном месте. Началась предсъездовская дискуссия, борьба различных течений. Хуже всего дело обстояло в Париже, где работал Энгельс. Когда читаешь его письма оттуда, то как будто переносишься в наше недавнее прошлое. Так поразительно напоминает описываемая им фракционная борьба наши дискуссии по платформам. Одну защищает Грюн, представлявший так называемый немецкий или «истинный» коммунизм, злую характеристику которого мы находим в «Коммунистическом Манифесте», другую—Энгельс. При этом, как и следует хорошим практикам, заботились,—не хуже, чем в Замоскворецком или Баумановском районе,—чтобы не пропал ни один голос. И точно так же, как и нашему районщику, так и Энгельсу кажется, что он одержал победу, о которой он с таким торжеством сообщает брюссельскому комитету, не только потому, что ему принципиально удалось переубедить колеблющихся, но и потому, что он здесь «перехитрил», а там ловко «подсадил».

Летом 1847 г. с'езд собрался в Лондоне. Маркс не присутствовал. От Брюсселя представителем явился Вильгельм

Вольф. Энгельс представлял парижских коммунистов. Делегатов было немного, но это никого не смущало. Вы знаете, товарищи, что когда в 1898 г. основана была Р. С.-Д. Р. П., то на с'езде в Минске присутствовало всего восемь или девять человек—представители трех-четырех организаций.

Решено было об'единиться в «Союз Коммунистов». Не реорганизованный старый «Союз Справедливых», как уверяет Энгельс, забывший, что он был представителем парижского коммунистического комитета, им же самим организованного. Принят был устав, первый параграф которого ясно и определенно формулировал основную идею революционного коммунизма.

«Целью Союза является свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов, буржуазного общества и основание нового общества без классов и частной собственности».

Организационный устав был принят с тем, чтобы предложить его еще на обсуждение отдельным комитетам и уже на следующем с'езде принять с теми поправками, которые окажутся необходимыми.

В основу организации принят был принцип «демократического централизма»—название, хорошо вам известное по нашим дискуссиям. От отдельных членов требовалось исповедание коммунизма и жизнь, соответствующая целям Союза. Определенная группа членов образует основную единицу организации, ее ячейку. Она носила название о б щ и н ы. Из последних составлялись о к р у г а со своими окружными комитетами. Различные округа одной страны об'единялись под руководством особого р у к о в о д я щ е г о о к р у г а, полномочия которого простирались на всю страну. А руководящие округа были подотчетны центральному комитету.

В общем эта организация стала после образцом для всех коммунистических партий рабочего класса в начальных стадиях их развития. Но в ней была одна особенность, которая после исчезла, хотя мы ее встречаем еще у немецких товарищей до начала семидесятых годов. Централь-

ный комитет Союза Коммунистов не выбирался персонально на с'езде. Его полномочия, как главного руководящего центра, передавались окружному комитету того города, который назначался конгрессом, как местопребывание центрального комитета. Таким образом, если с'езд назначал Лондон, то организация этого округа выбирала центральный комитет по меньшей мере из пяти членов. Это обеспечивало тесную связь его с крупной национальной организацией. Такой же тип организации мы встречаем после у немцев как в самой Германии, так и в Швейцарии. У них центральный комитет всегда был связан с определенным городом, который назначался на с'езде и носил название «передового», авангардного города.

На с'езде было также решено выработать проект коммунистического «исповедания веры», которое должно было стать программой Союза. Отдельные округа должны были представить свои проекты к следующему с'езду. Кроме того, решено было приступить к изданию популярного журнала. Это первый известный нам рабочий орган, который, как вы видите [1]), принял открыто название «коммунистического». На первой странице вы видите также — а он вышел за полгода до обнародования «Коммунистического Манифеста» — лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Этот журнал представляет величайшую редкость. Мне известны только три экземпляра. Тот, который я держу в руках, я нашел в 1912 г. и описал его в одной статье еще в 1914 г., другой экземпляр найден был после Майером в берлинском полицейском архиве и описан им в 1919 г., а совсем недавно проф. Грюнберг нашел третий экземпляр и опубликовал его в особой брошюре.

Дальше пробного номера дело не пошло. Статьи написаны, главным образом, представителями Союза Коммунистов, жившими в Лондоне, и ими же набраны. Вы находите там передовую статью, написанную очень популярно. В простых выражениях она указывает на особен-

---

[1]) Я показывал слушателям экземпляр, принадлежащий теперь Институту Маркса и Энгельса.

ности новой коммунистической организации, отличающие ее от организаций Вейтлинга, от организаций французских. О «Союзе Справедливых» ни слова. Специальная статья посвящена французскому коммунисту Кабэ, автору известной утопии «Икария». В 1847 г. он развил сильную агитацию с целью собрать людей, желающих переселиться в Америку, чтобы там, на девственной почве, создать коммунистическую колонию на манер той, которую он описал в своем романе «Икария». Он также специально ездил в Лондон, чтобы привлечь тамошних коммунистов на свою сторону. Статья подвергает обстоятельной критике этот план и рекомендует рабочим не покидать европейского континента, потому что только в Европе будет введен коммунизм. Имеется еще большая статья, которая, по моей догадке, написана Энгельсом. Кончается журнал политическим и социальным обозрением, которое несомненно написано делегатом брюссельского комитета на с'езде — Вильгельмом Вольфом.

В конце ноября 1847 г. собрался второй с'езд в Лондоне. На этот раз Маркс присутствовал. Еще до того, как он собрался в Лондон, Энгельс писал ему из Парижа, что он набросал проект катехизиса или исповедания веры, но что он считает более целесообразным назвать его «Коммунистическим Манифестом». Маркс, вероятно, привез на с'езд выработанные им тезисы. Конечно, дело шло не так гладко, как это изображает тов. Стеклов. На с'езде происходили жестокие споры. Дебаты длились несколько дней, и Марксу стоило немалого труда убедить большинство в правильности новой программы. Она в основных чертах была принята, и с'езд поручил написать от имени Союза Коммунистов—не исповедание веры, а Манифест, как предложил уже Энгельс—именно Марксу. Это необходимо подчеркнуть. Правда, Маркс, при составлении Манифеста, воспользовался и тем проектом, который составлен был Энгельсом. По политическую ответственность за Манифест перед Союзом нес только Маркс. И если Манифест производит впечатление стройного, вылитого из одного куска стали монумента, то именно благодаря тому,

что его писал один Маркс. Конечно, в Манифест вошли мысли, выработанные сообща Марксом и Энгельсом, но основная мысль его, как это всегда подчеркивал и сам Энгельс, принадлежит исключительно Марксу.

«Основная мысль Манифеста, что экономическое производство и неизбежно обусловливаемое им строение общества составляет основу политической и умственной истории данной исторической эпохи: что, соответственно этому, вся история с тех пор, как разложилось первобытное общинное землевладение, была историей классовой борьбы, т.-е. борьбы между эксплоатируемыми и эксплоатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития; что эта борьба достигла теперь той ступени, на которой эксплоатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может освободить себя от эксплоатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освободив в то же время и навсегда всего общества от эксплоатации, угнетения и классовой борьбы, — эта основная мысль принадлежит собственно и исключительно Марксу».

Я подчеркнул это обстоятельство, чтобы вы знали, как это знал и Союз Коммунистов, и Энгельс, что главная работа в выработке новой программы досталась на долю Маркса, что составление Манифеста было поручено именно Марксу. У нас имеется интересное письмо, которое лучше всего подтверждает этот факт. Оно интересно еще и в том отношении, что бросает любопытный свет на отношения между Марксом и по существу рабочей организацией с ее склонностью смотреть на «интеллигента», только как на мастера по части формулировки. Не выполнил заказ—мы передадим его другому. Чтобы вы лучше поняли это письмо, прибавлю, что, согласно уставу, на с'езде местопребыванием центрального комитета был назначен Лондон и в силу этого центральный комитет был выбран лондонской организацией.

Письмо, которое я вам сейчас прочитаю, послано центральным комитетом 26 января областному комитету в Брюссель для сообщения Марксу. Оно содержит резолюцию Ц. К., принятую 24 января.

«Центральный комитет поручает сим областному комитету в Брюсселе сообщить гражданину Марксу, что если Манифест Коммунистической Партии, составление которого он взял на себя на последнем конгрессе, не будет доставлен в Лондон до вторника 1-го февраля сего года, то против него будут приняты дальнейшие меры. В случае, если гражданин Маркс не исполнит работы, центральный комитет требует немедленной отсылки предоставленных в распоряжение Маркса документов.

От имени и по поручению центрального комитета

Шаппер, Бауэр, Молль».

Вы видите из этого сердитого послания, что еще к концу января Маркс не справился с той работой, которую ему поручили в начале декабря. Тоже характерная черта Маркса. При всем своем литературном таланте он был несколько тяжел на под'ем. Он всегда долго обрабатывал свои произведения, особенно, когда речь шла о каком-нибудь ответственном документе. Ему хотелось, чтобы этот документ был облечен в наиболее совершенную форму, чтобы он мог выдержать критику времени. Мы имеем одну страничку марксова черновика, которая показывает, как тщательно переделывал Маркс каждую фразу.

Центральному комитету не пришлось принимать дальнейших мер. Марксу удалось, как видно, справиться со своей работой к началу февраля. Это надо отметить. Манифест вышел, таким образом, во второй половине февраля, т. е. за несколько дней до февральской революции. Вы сами сделаете из этого вывод, что Манифест, конечно, не мог уже, сам по себе, играть какую-нибудь роль в деле подготовления февральской революции и, если я скажу вам, забегая вперед, что первые экземпляры попали в Германию не раньше мая—июня 1848 г., то вы сделаете и дальнейший вывод, что и на германскую революцию он тоже не мог оказать большого влияния. Содержание его было усвоено и было известно только маленькой кучке брюссельских и лондонских коммунистов.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов о содержании Манифеста. Он является программой международного Союза Коммунистов. Мы теперь имеем некоторые сведения о его составе. В него входили несколько бельгийцев, несколько англичан из коммунистически настроенных чартистов, но больше всего немцев. Манифест должен был принять во внимание не отдельную какую-нибудь страну, а весь буржуазный мир, перед которым коммунисты впервые открыто излагали свои цели.

В первой главе дается яркая и отчетливая картина буржуазного капиталистического общества, борьбы классов, которая его создала и которая развивается дальше на его основе. Мы видим, как неизбежно зарождалась в недрах старого средневекового феодального строя буржуазия, как изменялись условия ее существования в зависимости от изменения экономических отношений, какую революционную роль сыграла она в борьбе со старым феодализмом, до какой необычайной степени развила она производительные силы человеческого общества, создав впервые в истории возможность материального освобождения всего человечества.

Дальше следует исторический очерк развития пролетариата. Мы видим, как пролетариат развивается так же неизбежно, как буржуазия, сопровождая, как тень, развитие ее самой. Мы видим, как он постепенно складывается в особый класс, пред нами проходят все формы, в которых развертывается борьба пролетариата против буржуазии, пока он не превращается в класс для себя, не создает для себя своей особой классовой организации.

Дальше в Манифесте излагаются и подвергаются уничтожающей критике все возражения против коммунизма, выдвигаемые идеологами буржуазии. Я не буду останавливаться, ибо уверен, что вы все, без исключения, читали уже или скоро прочтете Манифест.

Маркс—и тут он опирался на Энгельса, хотя и не в такой степени, как это думали прежде, — выясняет дальше тактику коммунистов по отношению ко всем остальным рабочим партиям. Тут вы сразу наталкиваетесь на одну

интересную особенность. Манифест говорит, что коммунисты не составляют какой-либо особой партии, противостоящей другим рабочим партиям. Они отличаются только тем, что представляют авангард рабочих, имеющий перед остальной массой пролетариата то преимущество, что он понимает условия, ход и общие результаты рабочего движения.

Теперь, когда вы знаете действительную историю Союза Коммунистов, вам легче будет понять, чем объясняется такая формулировка задач коммунистов. Она диктовалась состоянием рабочего движения того времени, в особенности в Англии. Те немногие чартисты, которые входили в Союз, соглашались это сделать только при условии сохранения своих связей с партией. Они брали на себя только обязательство организовать внутри чартизма нечто вроде коммунистической ячейки, чтобы распространять там программу, взгляды коммунистов.

Манифест разбирает подробно многочисленные течения, которые тогда боролись за влияние среди социалистов и коммунистов. Он подвергает их самой резкой критике и решительно отвергает, за исключением великих утопистов —Сен-Симона, Фурье и Оуэна,—учения которых, особенно последних двух, были до известной степени восприняты и переработаны Марксом и Энгельсом. Но, принимая их критику, направленную против буржуазного строя, Манифест противопоставляет мирному, утопическому, избегающему политической борьбы социализму революционную программу нового пролетарского критического коммунизма.

В заключение Манифест рассматривает тактику коммунистов во время революции, в особенности по отношению к буржуазным партиям. Для каждой страны правила ее меняются в зависимости от определенных исторических условий. Где буржуазия является уже господствующим классом, там борьба пролетариата направляется целиком против нее. В тех странах, где буржуазия представляет класс, еще только добивающийся политической власти, как, например, в Германии, коммунистическая партия идет

рука об руку с буржуазией, поскольку она революционно выступает против монархии и дворянства.

Но ни на минуту коммунисты не перестают вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание противоположности классовых интересов буржуазии и пролетариата. Они всегда выдвигают на первый план, как основной вопрос всего движения, вопрос о собственности. Таковы были правила тактики, выработанные Марксом и Энгельсом накануне февральской и мартовской революции 1848 г. Мы в следующий раз увидим, как они применялись их авторами на практике и как изменились они в результате опыта революции.

Я изложил вам только в самых общих чертах содержание Манифеста. Надо помнить, что в него вошли все результаты той научной работы, которую Маркс и Энгельс, в особенности первый, выполнили от 1845 г. до конца 1847 г. Энгельс успел за это время обработать собранные им в Англии материалы о «Положении рабочего класса в Англии», Маркс работал над историей политических и экономических учений. То материалистическое понимание истории, которое дало им возможность так хорошо разбираться в материальных отношениях, в условиях производства и распределения, определяющих собою все общественные отношения, было разработано ими в течение этих двух лет в борьбе со всякими идеалистическими учениями.

В наиболее полной и яркой форме новое учение было изложено Марксом еще до Манифеста, в полемике против Прудона, о котором я уже упоминал раньше. А, между тем, еще в книге «Святое семейство» Маркс относился к Прудону с большим уважением. Чем же вызван был разрыв между старыми союзниками?

Прудон, как и Вейтлинг, рабочий по происхождению, тоже самоучка, но еще более способный, один из наиболее выдающихся французских публицистов. Выступил он на литературное поприще очень революционно. В своей книге «Что такое собственность?»—она вышла в 1841 г.—он подвергает самой резкой критике буржуазную собствен-

ность и приходит к смелому заключению, что собственность в сущности не что иное, как кража. Но очень скоро оказалось, что, осуждая собственность, Прудон, в сущности, осуждал только одну ее форму, капиталистическую частную собственность, основанную на эксплоатации мелкого производителя крупным капиталистом. Не имея ничего против уничтожения капиталистической частной собственности, Прудон был в то же время противником коммунизма. В сохранении и укреплении частной собственности крестьян и ремесленников он видел единственный залог их благополучия. Положение рабочего можно было, по его мнению, улучшить не путем стачек, не путем экономической борьбы, а путем превращения рабочего в собственника. К этим взглядам Прудон пришел окончательно в 1845 и 1846 г.г., когда он впервые придумал и план, при помощи которого можно было обеспечить ремесленников от разорения, а рабочих сделать самостоятельными производителями.

Я уже говорил вам о той роли, которую играл в Париже Энгельс как раз в это время. Я упоминал и о том, что его главным противником в происходившей тогда дискуссии по платформам был Карл Грюн, представитель «истинного социализма». Он был в очень близких отношениях с Прудоном, взгляды которого он излагал немецким рабочим, жившим в Париже. Еще до того, как Прудон опубликовал свою новую книгу, в которой он хотел вскрыть все «экономические противоречия» современного общества и об'яснить, откуда берется нищета, дать «философию нищеты», он сообщил свой новый план Грюну, который поспешил его использовать в полемике с коммунистами. Со слов Грюна, Энгельс немедленно сообщил этот план брюссельскому комитету.

«И что же оказалось?—пишет он.—Ни больше, ни меньше, как уже давно известные в Англии «базары труда», не раз уже обанкротившиеся ассоциации разнородных ремесленников, большой склад, все продукты, доставленные членами ассоциаций, оцениваются по стоимости сырого материала и затраченного на них труда и оплачива-

ются другими продуктами, оцениваемыми таким же способом. Все количество продуктов, превышающее потребность в них ассоциации, продается на рынке, и выручка идет в пользу производителей. Таким образом, думает хитрый Прудон, можно отменить прибыль, которую получает торговый посредник».

В следующем письме Энгельс сообщает новые подробности о плане Прудона и возмущается, что такие фантазии, как превращение рабочих в собственников путем покупки на их сбережения мастерских, привлекают еще немецких рабочих.

Поэтому Маркс, как только вышла книга Прудона, немедленно взялся за работу и написал в ответ на «Философию нищеты» маленькую книгу под названием «Нищета философии», в которой он шаг за шагом опровергает все идеи Прудона. Но он не ограничивается критикой: взглядам Прудона он противопоставляет уже выработанные им основы критического коммунизма.

По блеску и отточенности мысли эта книжка является достойным введением в «Коммунистический Манифест» и не уступает последней статье Маркса против Прудона, написанной почти тридцать лет спустя, в 1874 г., для итальянских рабочих. Если вы прочтете эту статью о «Политическом индифферентизме»,—я напечатал ее по-русски в большевистском «Просвещении» в 1913 г.,—то вы не заметите никакой разницы между ней и «Нищетой философии». Настолько уже Маркс выработал и отточил свою основную точку зрения в 1847 г.

Повторяю, что впервые, в менее ясной форме, Маркс формулировал ее в 1845 г. Понадобилось два года упорной работы, чтобы Маркс мог написать «Нищету философии». Исследуя условия образования и развития пролетариата в буржуазном обществе, он все более углублялся в изучение законов капиталистического строя, законов, которыми регулируются производство и распределение продуктов в капиталистическом обществе. Он пересматривает учения буржуазных экономистов в свете диалектического метода, показывает, что все основные категории, явления

буржуазного общества, — товар, стоимость, деньги, капитал — представляют нечто преходящее. В «Нищете философии» он делает уже первую попытку наметить главные фазы развития процесса капиталистического производства. Все это пока только первый набросок, но уже ясно видно, что Маркс стал на верный путь, что у него в руках верный метод, прекрасный компас, при помощи которого он уверенно разбирается в дебрях буржуазной экономии. Но эта же книга показывает, что еще мало иметь правильный метод, что нельзя ограничиваться общими выводами, что необходимо изучать тщательно капиталистическую действительность, чтобы проникнуть во все тонкости этого сложного механизма. Марксу предстояла еще колоссальная работа, чтобы превратить гениальный набросок, которым в сущности является «Нищета философии», поскольку речь идет о главных экономических вопросах, в стройное здание. Пока Маркс получил, к своему великому огорчению, эту возможность, которая для него означала невозможность заниматься непосредственной практической работой, ему и Энгельсу предстояло пройти через революцию 1848 г., которой они с нетерпением ждали, которую они предсказали, к которой они готовились и для которой выработали основные положения, изложенные в «Коммунистическом Манифесте».

В следующий раз я рассмотрю с вами роль, которую оба друга сыграли в событиях сорок восьмого года.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Германская революция 1848 г.—Маркс и Энгельс в Рейнской провинции.—Основание „Новой Рейнской Газеты".—Готшальк и Вилльх.—Кельнский рабочий союз.—Политика и тактика „Новой Рейнской Газеты".—Стефан Борн.—Поворот в тактике Маркса.—Поражение революции и разногласия в Союзе Коммунистов.—Раскол.

Товарищи, мы добрались теперь до февральской революции. Я хочу сначала напомнить вам основной факт. Мы установили в прошлый раз, что «Манифест Коммунистической Партии» был напечатан за несколько дней до февральской революции. Организация Союза Коммунистов завершилась едва только в ноябре 1847 г. Организация, которая охватывала заграничные кружки—парижский, брюссельский и лондонский и только отчасти была связана с некоторыми мелкими немецкими группами.

Уже одно это заставляет нас предполагать, что силы организованные, с которыми Марксу,—я не говорю о всем Союзе Коммунистов, а только о немецкой его секции,—организованные силы, на которые можно было расчитывать, были весьма ничтожны. А революция вспыхивает уже 24 февраля 1848 г. в Париже. Она быстро перебрасывается в Германию. 3 марта в Кельне, главном городе Рейнской провинции, происходит нечто вроде народного возмущения. Отцы города вынуждены обратиться с петицией к прусскому королю, чтобы он принял во внимание это народное возбуждение и сделал несколько уступок. Во главе этого возбуждения. или, если вы хотите, возмущения, 3 марта 1848 года в Кельне. запомните себе их имена, стоят два человека: Готшальк, врач, очень популярный среди кельнских рабочих и бедняков, и бывший офицер Виллих. Только через 10 дней после 3 марта вспыхивает революция в Вене, главном городе Австрии. 18 марта она перебрасывается в Берлин, столицу Пруссии.

Маркс в это время находится в Брюсселе. Бельгийское правительство, которому не хочется разделить судьбу французской июльской монархии, обрушивается на жи-

вущих в Брюсселе эмигрантов, арестовывает Маркса и через несколько десятков часов высылает его из Бельгии. Маркс направляется в Париж, куда он только что получил приглашение приехать. Один из стоявших во главе временного правительства—Флокон, редактор газеты, в которой принимал участие Энгельс, отправил сейчас же письмо Марксу, где заявляет, что на свободной теперь французской почве уничтожаются все указы старого правительства.

Брюссельский областной комитет, которому лондонский комитет передал свои полномочия после взрыва революции на континенте, в свою очередь передал их Марксу. Среди немецких рабочих, которые собрались в Париж в огромном количестве, возникают раздоры, организуются различные группы. К одной из них имел отношение наш соотечественник Бакунин, который ставит себе вместе с немецким поэтом Гервегом следующий план—собрать вооруженную организацию и вторгнуться в Германию.

Маркс старается отговорить от этого плана и предлагает им переехать по одиночке в Германию и там принять участие в революционных событиях. Бакунин и Гервег остаются при старом плане. Гервег организует революционный легион и направляется во главе его к германской границе, где терпит поражение. Марксу вместе с другими товарищами удается переехать в Германию, где они оседают в различных местах. Маркс и Энгельс поселились в Рейнской провинции.

Теперь, товарищи, нам надо установить с самого начала следующие факты: Маркс и Энгельс считались с определенным фактом—никакой организации у немецкой секции Союза Коммунистов не было. Были только отдельные лица, сочувствовавшие им. Что оставалось делать Марксу и Энгельсу и ближайшим товарищам? Лет через 40 приблизительно после этих событий Энгельс старался об'яснить молодым товарищам тактику, которой он и Маркс следовали в 1848 году в Германии. На один вопрос он дает ясный ответ. Их спрашивают: почему они не отправились в Берлин, а остались в Рейнской провинции, в Кельне?

Они отвечают—мы выбрали Рейнскую провинцию, как наиболее развитую в промышленном отношении, выбрали Рейнскую провинцию потому, что там действовал свод законов Наполеона, наследие французской революции, и мы могли рассчитывать на бо́льшую свободу действий, на бо́льшую свободу своей агитации, пропаганды. Рейнская провинция, кроме того, имела значительные кадры пролетариата. Правда, самый Кельн не принадлежал к наиболее развитым в промышленном отношении местностям Рейнской провинции, но это был главный город, в котором сосредоточивалась административная власть, город, который являлся во всех других отношениях центром всей провинции. И по размерам своего населения Кельн был все-таки одним из крупнейших городов Рейнской провинции, хотя вы будете очень удивлены, когда узнаете, что в Кельне было всего 80 тыс. жителей, что это был город, уступавший по своему населению довоенному Иваново-Вознесенску. В нем было и довольно большое пролетарское население, хотя весьма незначительный процент пролетариев крупной промышленности. Крупнейшими фабриками были сахаро-рафинадные фабрики. Кельн славился одной промышленностью, которая относится к химическому производству,—производством одеколона, но в нем не было машинной крупной промышленности. По развитию своей текстильной промышленности, Кельн значительно уступал Эльберфельду и Бармену. Во всяком случае, Маркс и Энгельс имели известное основание, когда выбрали своим местопребыванием Кельн. Они хотели действовать на всю Германию, хотели основать крупный орган, который являлся бы трибуной для всей страны, и для этого, по их мнению, наиболее подходящим местом являлся Кельн. Ведь это была та самая Рейнская провинция, в которой в 1842 году издавался первый крупный политический орган немецкой буржуазии. Уже шли подготовительные работы по изданию такого органа, и Марксу и Энгельсу удалось захватить вновь организуемый орган в свои руки.

Но этот орган являлся органом демократии. Вот как Энгельс старается об'яснить, почему они выбрали это назва-

ние «орган демократии». Энгельс указывает, что никакой пролетарской организации не было, и оставалось с самого начала действовать двумя путями—либо взяться сейчас же, с первых дней, за организацию коммунистической партии, или использовать те демократические организации, которые имелись на лицо, об'единить их и внутри этих демократических организаций путем критики, пропаганды произвести необходимую реорганизацию, притягивая в эту общую демократическую организацию и различные рабочие общества, которые не входили в демократическую организацию. Второй путь, который был выбран Марксом и Энгельсом,—это отказ от организации в Рейнской провинции специально пролетарских организаций и вступление в демократический союз, имевшийся в Кельне. Это с самого начала поставило Маркса и Энгельса в несколько ложное положение по отношению к тому кельнскому рабочему союзу, который сейчас после 3-го марта был основан Готшальком и Виллихом.

Готшальк, как я уже сказал вам, был врач, очень популярный среди кельнской бедноты. По своему мировоззрению он не был коммунистом. В той склоке, которая происходила до основания Союза Коммунистов, он скорее приближался к Вейтлингу и к вейтлингианцам. Он был хорошим революционером, но легко поддававшимся различным настроениям. В личном отношении это был человек совершенно безупречный, не имевший никакой программной выдержки, но уже настолько критически относившийся к демократии, что, в первом выступлении в городской ратуше, он заявил: «я выступаю не от имени народа, ибо к этому народу принадлежат и все эти гласные,—нет, я обращаюсь к вам только от имени рабочего населения». Он, следовательно, отделял рабочий класс, трудящихся, от нации вообще. Он стоял за революционные меры, но в то же время, будучи республиканцем, он для Германии настаивал на федерации германских республик. Это было одним из существенных пунктов разногласия, как вы увидите, между ним и Марксом. Общество, основанное им в Кельне, «Кельнский рабочий союз», очень быстро охватило почти

все рабочие пролетарские элементы города. Оно насчитывало до 7.000 членов, а для города, который имел 80 тыс. населения, это было крупным числом.

Рабочее общество, во главе которого стоял Готшальк, скоро вступило в конфликт с той организацией, в которую членами входили Маркс и Энгельс. Я должен оговориться, что в этой огромной рабочей организации были и элементы, отличавшиеся от Готшалька. Вы помните имя Молля, того самого Молля, который из Лондона был послан лондонским коммунистическим комитетом к брюссельскому комитету для переговоров об организации с'езда. Молль был одним из главных членов рабочего союза и, конечно, тесно связан с Марксом и Энгельсом. Одним из членов кельнского рабочего союза был также Шаппер, которого вы помните по истории рабочего движения и коммунистического с 1830-х годов. Таким образом, в самом кельнском рабочем союзе скоро организовались две фракции, но факт тот, что, на ряду с кельнским рабочим союзом, было еще демократическое общество, членами которого были Карл Маркс, Энгельс и другие.

Это являлось результатом того плана, о котором Энгельс много лет спустя рассказал в своей статье о «Новой Рейнской Газете». Все сводилось к тому, что Маркс и Энгельс надеялись в этом центральном органе, начавшем выходить в Кельне 1 июня 48 года, создать тот пункт, вокруг которого об'единились бы в процессе революционной борьбы все будущие коммунистические организации. Не надо думать, что Маркс и Энгельс вступили в этот орган демократии в качестве демократов. Нет, они вошли туда в качестве коммунистов, считавших себя крайним левым крылом всей демократии. Ни на минуту не переставали они самым резким образом критиковать не только ошибки немецкой либеральной партии, но в первую голову ошибки демократии, и делали это так основательно, что в первые же месяцы растеряли всех акционеров. «Новая Рейнская Газета» уже в первой статье Маркса подвергла жестокой критике демократию. Когда же пришла весть об июньском поражении парижского пролетариата, когда Кавеньяк, при

поддержке всех буржуазных партий, обрушился на парижский пролетариат, провоцировав бойню, во время которой погибло несколько тысяч парижских пролетариев, «Новая Рейнская Газета»—орган демократии—напечатала статью, которая до сих пор остается непревзойденной по силе и страсти, с которыми она бичует буржуазных палачей и их демократических подголосков.

Я вам прочитаю маленький отрывок из этой статьи:

«Парижские рабочие подавлены превосходством сил врагов своих, но не уничтожены. Они разбиты, но их враги победжены. Минутное торжество грубой силы куплено крушением всех обольщений и иллюзий февральской революции, разложением всей старо-республиканской партии, расколом французской нации на две части—нацию собственников и нацию рабочих. Трехцветная республика отныне носит один цвет, цвет побежденных, цвет крови. Она стала красной республикой.

«Февральская революция была прекрасная революция, революция всеобщих симпатий, ибо противоречия, которые вспыхнули в ней против королевской власти, еще дремали согласно, рядышком и в неразвернутом виде, ибо социальная борьба, составлявшая их подкладку, приобрела лишь воздушное существование, существование фразы, слова. Июньская революция, напротив, революция отвратительная, отталкивающая, потому что на место фразы выступило дело, потому что республика сама обнажила голову чудовища, сбив с нее все замаскировывавшую и скрывавшую корону.

«Глубокая пропасть, разверзшаяся перед нами, должна ли нас, демократов, ввести в заблуждение, заставить думать, что борьба за государственные формы бесцельна, иллюзорна, никчемна?

«Только слабые, трусливые умы могут ставить этот вопрос. Столкновения, возникающие из самых условий буржуазного общества,—их нужно преоборотъ, их нельзя изжить фантазерством. Лучшая форма государства—та, в которой общественные противоречия не затушевываются,

не сковываются насильственно,—следовательно, только искусственно, только по видимости. Лучшая форма государства та, в которой эти противоречия сталкиваются в свободной борьбе и тем самым находят свое разрешение.

«Нас спросят, неужели у нас не найдется ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова для жертв народной ярости, для национальной гвардии, для мобильной гвардии, для республиканской гвардии, для линейных войск?

«Государство позаботится об их вдовах и сиротах, декреты превознесут их, торжественные погребальные процессии предадут земле их останки, оффициальная пресса провозгласит их бессмертными, европейская реакция будет славить их от запада до востока.

«Но плебеи, истерзанные голодом, оплеванные прессой, покинутые врачами, устами ч е с т н ы х ославленные ворами, поджигателями и каторжниками; их жены и дети, повергнутые в еще более безграничную нищету, их лучшие, уцелевшие от разгрома представители, сосланные за море... вкруг их грозно-мрачного чела обвить лавровый венок есть п р и в и л л е г и я, есть право демократической печати!»

Эта статья была написана 28 июня 48 года. Такую статью не мог писать демократ. Такую статью мог написать только коммунист, и Маркс и Энгельс своей тактикой не могли никого обмануть. Газета перестала получать какую бы то ни было денежную поддержку от демократической буржуазии. Она действительно стала органом кельнских рабочих, органом немецких рабочих.

В это самое время другие члены Союза Коммунистов, рассыпавшиеся по всей Германии, продолжали свое дело. Одного из этих коммунистов я считаю нужным упомянуть—это Стефан Бори, наборщик по профессии. Энгельс дает о нем в предисловии к одной брошюре Маркса неблагоприятный отзыв. Стефан Борн выбрал другую тактику. С самого начала попав в Берлин, в Пруссию, в рабочий центр, он поставил себе задачей создать большую рабочую организацию. Он с помощью некоторых товарищей осно-

вал маленький орган «Рабочее Братство» и вел систематическую агитацию среди рабочих различных категорий. Он не ограничивался только тем, чем ограничились Готшальк и Виллих в Кельне, которые организовали чисто политическое рабочее общество. Борн взялся за организацию профсоюзов, за организацию различных обществ, которые должны были защищать экономические интересы рабочих, но взялся настолько энергично, что скоро мог распространить эту организацию на ряд соседних городов и захватить другие части Германии. Но для этого организации не хватало одного: она была, выражаясь нашим термином, чисто рабочей организацией и чересчур выпирала, если товарищи помнят старый спор между «искровцами» и «экономистами», чисто экономические задачи рабочего класса. Таким образом, в то время, как некоторые члены Союза Коммунистов в роде Борна,—а это был весьма способный человек,—создавали эти чисто рабочие организации, на юге Германии другие, во главе с Марксом, занимались тем, что все силы направляли на преобразование всей демократической партии, на то, чтобы сделать из рабочего класса основное ядро наиболее демократической партии. В этом духе шла у Маркса и дальнейшая работа. «Новая Рейнская Газета» откликалась на все основные вопросы. Надо сказать, что до сих пор эта газета остается недосягаемым образцом революционной публицистики. Ни одна газета европейская, ни одна русская не достигали того высокого уровня, который был достигнут «Новой Рейнской Газетой». Статьи этой газеты, хотя от них нас отделяют теперь скоро 75 лет, не потеряли своей свежести, не потеряли своего революционного пыла, не потеряли ничего в остроте анализа всех текущих явлений. Вы можете теперь перечитать ряд статей этой газеты, и вы получите историю германской революции, историю французской революции, как будто бы эта германская революция, эта французская революция сама о себе пишет, сама о себе рассказывает.—настолько живо и глубоко газета, в особенности в статьях Маркса, затрагивала все текущие события.

Что же являлось центральным пунктом всей внутренней и внешней политики «Новой Рейнской Газеты»? Прежде, чем я перейду к этому вопросу, я хочу указать вам, что у Маркса и Энгельса не было никакого другого опыта революции, кроме опыта великой французской революции. Маркс внимательнейшим образом изучал историю этой революции и старался выработать принципы тактики в эпоху будущей революции, которую он, в противоположность Прудону, предсказал совершенно верно. А что показывает нам опыт французской революции, чему он учит нас? Революция вспыхнула в 1789 году. Она представляла из себя процесс длительный, который тянулся 10 лет от 1789 до 1799 г., т.-е. того года, когда Бонапарт совершил свой переворот. Опыт английской революции XVII столетия тоже говорил, что грядущая революция, вероятно, будет длительной. Революция начиналась всеобщей радостью, всеобщим торжеством, начиналась таким образом, что буржуазия становилась во главе всего угнетенного народа, свергала абсолютизм, и только потом, внутри этой торжествующей буржуазии, развивалась борьба, и в процессе этой борьбы, этой более крайней революции, власть переходила от буржуазии ко все более крайним партиям. На протяжении 3-х лет велась эта борьба, и, наконец, власть попадает в руки якобинцев. Марксу, который изучал внимательно процесс организации такой политической партии, как якобинцы, казалось, что в процессе длительного развития революции удастся организовать ту силу, которая в то же время сама будет организовываться в разгаре этих политических действий.

Эта теоретическая предпосылка об'ясняет его ошибку. Он долго держался этого мнения, и нужен был ряд событий, чтобы заставить его отказаться от этой теоретической предпосылки. Первым ударом, который нанесен был революции на Западе, послужило июньское поражение парижского пролетариата. Оно сразу дало возможность реакции поднять голову в Пруссии и Австрии. А за Пруссией и Австрией находилась наша родная Россия с Николаем I, который с самого начала предложил помощь прусскому королю,

Спа'шла от нее отказывались, поскольку речь шла о вооруженной силе, но деньги взяли. Николай I был тогда владельцем самого крупного золотого запаса. Деньги помогли прусскому правительству. Австрийскому, против которого восстала вся Венгрия, Николай предложил дать помощь батальонами. Это было принято.

«Новая Рейнская Газета» выдвинула тогда следующую тактику, опять-таки опираясь на опыт французской революции. Война с Россией является единственным средством спасения для западно-европейской революции, которая получила в первый раз сильный удар в спину вследствие поражения парижского пролетариата. История французской революции показывает нам, что как раз нападение коалиции на Францию дало толчок новому усилению революционного движения. Умеренные партии были сброшены со счетов. Во главе движения стали те партии, которые сумели наиболее энергично отразить это внешнее нападение. В результате нападения коалиции на Францию, мы имеем провозглашение 10 августа 1792 года республики. Маркс и Энгельс ожидали, что война реакции против новой революции приведет к тем же последствиям. Поэтому на страницах «Новой Рейнской Газеты» Россия подвергалась жестокой критике. На Россию всегда указывали, как на силу, которая находится за австрийской и немецкой реакцией. В каждой статье доказывается, что война против России это есть единственный способ спасти революцию. Демократию стараются подготовить к этой войне, как единственному исходу. Повторяю, что Маркс и Энгельс настаивали на том, что война с Россией даст лишний толчок и возбудит все революционные страсти в немецком народе. С этой точки зрения Маркс и Энгельс выступают в «Новой Рейнской Газете» в защиту каждого оппозиционного, революционного движения, которое возникает тогда против господствующего порядка. Они являются самыми страстными защитниками венгерской революции, они являются самыми страстными защитниками поляков, которые незадолго перед этим сделали новую попытку восстания. Они требуют восстановле-

ния независимой Польши, они требуют, чтобы Германия и Австрия отдали все свои польские провинции Польше и чтобы к этому присоединено было то, что забрала Россия. Они выступают в духе того же требования и, в целях об'единения Германии в единую республику, требуют возвращения ей некоторых немецких областей Дании, хотя часть их они оставляют за Данией, поскольку они населены датчанами. Одним словом, везде они верны основному положению «Манифеста Коммунистической Партии» и поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего порядка.

Нельзя, однако, скрыть—и вы это сами заметите, когда будете иметь возможность читать через несколько месяцев на русском языке статьи Маркса и Энгельса из «Новой Рейнской Газеты», — что в этих блестящих статьях преобладает только политическая сторона. Это всегда критика политических актов буржуазии, политических актов бюрократии. Когда вы присматриваетесь к «Новой Рейнской Газете», вы видите, что она сравнительно мало, особенно в 1848 году, отводит места рабочему вопросу. В этом отношении интересно противопоставить орган Маркса органу Стефана Борна. Когда вы берете орган Борна, вы думаете, что вы имеете профессионально-кооперативную газету. Там уделяется наибольшее внимание рабочему вопросу. В «Новой Рейнской Газете» иначе. Она почти не затрагивает таких вопросов. Она подвергает жестокой критике декларацию основных прав германского народа. Она подвергает жестокой критике все законодательство, которое тогда создается в духе немецких национальных либералов. Она выступает решительным образом в защиту крестьян. Она доказывает буржуазии, что та должна добиться освобождения крестьян. Но очень редки статьи, посвященные требованиям рабочего класса. Обоснования этих требований вы будете тщетно искать в «Новой Рейнской Газете» приблизительно до конца 1848 года, настолько эта газета, почти целиком, поглощена основной политической задачей, т.-е. разжиганием политических страстей, агитацией в пользу создания таких демократических

революционных сил, которые бы одним ударом освободили Германию от всех остатков старого феодального строя или, выражаясь нашим обычным термином, от всех остатков крепостничества.

Но уже к концу 1848 года положение изменилось. Реакция, которая начала усиливаться уже после июньского поражения французского пролетариата, подняла еще больше свою голову в октябре 1848 года. Сигналом явилось поражение венского пролетариата. Это уже при помощи россиян. Оно дало толчок для поражения в Берлине. Прусское правительство вернуло себе храбрость: в декабре 1848 года оно разгоняет прусское национальное собрание и навязывает выработанную им самим конституцию. И вот как раз в это время прусская буржуазия, вместо того, чтобы оказать действительное сопротивление, заботится о том, чтобы создать соглашение между народом и королевским правительством.

Маркс, наоборот, доказывал, что прусская королевская власть потерпела поражение в марте 1848 года, и речи не может итти о каком бы то ни было соглашении с этой короной. Сам народ должен себе дать конституцию, не считаясь с королевской властью, и об'явить Германию единой нераздельной Германской республикой. Но национальное собрание, в котором преобладала либеральная и демократическая буржуазия, боялось окончательного разрыва с монархией и тянуло свою соглашательскую линию, пока не было разогнано.

Марксу стало ясно, что никаких надежд даже на крайнюю часть немецкой буржуазии возлагать нельзя. Даже демократическая часть буржуазии, от которой можно было ожидать, что она создаст свободные политические условия для развития рабочего класса, оказалась неспособной к этой задаче. Я приведу вам сейчас характеристику этой буржуазии, которую Маркс дает как раз в декабре 1848 г., на основании печального опыта этих двух собраний, первого в Берлине, второго во Франкфурте.

«В то время, как революции 1648 и 1789 годов были преисполнены безграничным чувством гордости от того,

что они стояли во главе творения, честолюбие берлинцев 1848 года состояло в том, что они представляют анахронизм. Их свет был подобен свету тех звезд, который доходит до жителей земли спустя 10.000 лет после того, как погасло испускавшее его светило. Прусская мартовская революция представляла в миниатюре, как она и вообще происходила в миниатюре, подобную звезду для Европы. Ее свет был светом давно уже истлевшего общественного трупа.

«Немецкая буржуазия развивалась так вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она увидела себя враждебно противостоящею пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи которых были родственны пролетариату. Она видела враждебными себе не только класс позади себя, но и всю Европу перед собою. В отличие от французской буржуазии 1789 года, прусская буржуазия не была тем классом, который защищает все современное общество против представителей старого общества, монархии и дворянства. Она опустилась до уровня какого-то сословия, противостоящего и короне и народу, оппозиционно настроенного по отношению к ним обоим, нерешительного по отношению к каждому из своих противников в отдельности, так как она всегда видела их обоих впереди или позади себя; она с самого начала была склонна к измене народу и к компромиссу с коронованным представителем старого общества, ибо она сама принадлежала к старому обществу; она представляла не интересы нового общества против старого, а обновленные интересы внутри устаревшего общества, она стояла у руля революции не потому, что за нею стоял народ, а потому, что народ толкал ее впереди себя; она находилась во главе не потому, что представляла инициативу новой общественной эпохи, а только потому, что представляла недовольство старой общественной эпохи; то был слой старого государства, который сам не пробил себе дороги, но силою землетрясения был выброшен на поверхность нового государства; без веры в себя самое, без веры в народ, брюзжащая против высших, дрожащая перед низшими, эгоистическая

по отношению к тем и другим и сознающая свой эгоизм, революционная по отношению к консерваторам и консервативная по отношению к революционерам, не доверяющая своим собственным лозунгам, имеющая фразы вместо идей, напуганная мировою бурей и эксплоатирующая эту бурю,—лишенная энергии и прибегающая к плагиату во всех направлениях, пошлая, ибо она не была оригинальною, оригинальная только в пошлости,—вступающая в сделку со своими собственными желаниями, без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без всемирно-исторического призвания,—размалеванный старец, который проклят и видит себя осужденным на то, чтобы, в интересах своей собственной дряхлости, руководить юношескими стремлениями сильного народа и отводить их, старец, потерявший зрение, слух, зубы, потерявший все.—такою очутилась прусская буржуазия после мартовской революции у руля прусского государства».

Это—великолепная, удивительно-яркая характеристика буржуазии, какой она себя показала в течение 1848 г. Вы видите, что она целиком,—из этой песни и слова выкинуть не приходится,—может быть отнесена, как мы это делали, к русской буржуазии.

Марксу пришлось пережить это на собственном опыте. Надежды, которые он возлагал на прогрессивную буржуазию еще в Манифесте, хотя он уже и там ставил целый ряд предварительных условий для совместной работы с нею, не оправдались. И вот уже с осени 1848 г. Маркс,—и вместе с ним Энгельс,—меняет свою тактику и в самом Кельне, и на столбцах «Новой Рейнской Газеты». Маркс, не отказываясь от поддержки буржуазной демократии, не порывая и организационно с демократической партией, переносит центр тяжести своей работы в пролетарскую среду. Вместе с Моллем и Шаппером они усиливают свою работу в кельнском рабочем обществе, которое тоже имело своего представителя в «областном комитете демократических обществ». После ареста Готшалька председателем рабочего общества был выбран Молль, что указывает на усиление коммунистов. Федералистическое течение, во главе которого

стоял Готшальк, постепенно превращается в меньшинство. Когда Моллю пришлось временно скрыться из Кельна, вместо него выбран был, несмотря на то, что он несколько раз отказывался, Маркс. В феврале, когда происходили выборы в новый парламент, возникли разногласия. Маркс и его группа настаивали, чтобы рабочие там, где не могут провести своих выборщиков, выбирали демократов. Меньшинство против этого протестовало.

Но уже в марте и апреле разногласия между рабочими и демократами, об'единенными в «областном комитете демократических обществ», так сильно обострились, что раскол стал неизбежен. Маркс и его товарищи выступают из комитета. Рабочее общество отзывает своего представителя и старается связаться с теми рабочими обществами, которые были организованы Стефаном Борном в восточной Германии. Само рабочее общество было реорганизовано и превратилось в Центральный Клуб, имевший девять районных отделений, рабочих клубов. В конце апреля Маркс и Шаппер опубликовали воззвание, в котором приглашали все рабочие общества Рейнской провинции и Вестфалии на областной конгресс, чтобы организоваться в выбрать депутатов на всеобщий рабочий конгресс, предстоявший в июне в Лейпциге.

Но как раз тогда, когда Маркс и его товарищи приступили к организации партии рабочего класса, революции нанесен был новый удар. Прусское правительство, только что покончившее с прусским национальным собранием, теперь решает положить конец и общенемецкому национальному собранию. Начинается на юге Германии так называемая борьба за имперскую конституцию.

Я должен еще указать на одну маленькую особенность, о которой забывают биографы Маркса. Дело в том, что положение Маркса в Кельне было таково, что ему приходилось вести себя крайне осторожно. Он, конечно, не должен был жить в подполье, как многие из нас в 1905—6 году, при полной свободе действий для других, но он был на положении человека, которого можно было выгнать из Кельна простым приказом правительства. Дело в том, что, подвергаясь постоянным преследованиям прусского правитель-

ства, выгнанный по настоянию прусского правительства из Парижа и опасаясь изгнания из Бельгии, он, в конце концов, решил отказаться от прусского подданства. Маркс не принял никакого другого подданства, но он отказался от прусского. Прусское правительство за это ухватилось. Когда он вернулся в Кельн, то местная власть признала его гражданином Рейнской провинции, но потребовала подтверждения прусской власти в Берлине. Последняя решила, что Маркс потерял права гражданства. Поэтому Маркс, который много хлопотал о восстановлении его в правах прусского гражданства, вынужден был во вторую половину 1848-го года отказываться от публичных выступлений. Если волна революции поднималась, условия улучшались, он выступал и публично, но, как только поднималась волна реакции и усиливались преследования в самом Кельне, Маркс исчезал и ограничивался только тем, что занимался литературной деятельностью, т.-е. руководил «Новой Рейнской Газетой». Поэтому-то он так неохотно согласился стать председателем кельнского рабочего общества.

В согласии с новым поворотом в тактике происходит изменение и в «Новой Рейнской Газете». Первые статьи о «наемном труде и капитале» являются только после этого поворота. Своим статьям Маркс предпосылает длинное введение, в котором он об'ясняет, почему «Новая Рейнская Газета» до тех пор не затрагивала вопроса об антагонизме труда и капитала. Это введение представляет большой интерес, потому что оно указывает на этот поворот в тактике, но, повторяю, этот поворот был предпринят слишком поздно. Это было как раз в феврале, а в мае немецкая революция терпит окончательное поражение. Прусское правительство совершенно озверело и посылает свои войска на юго-запад. Первым делом пострадала «Новая Рейнская Газета». Она была прекращена 19 мая. Вот в моих руках последний номер «Рейнской Газеты»—301—это знаменитый красный номер, который начинается великолепным стихотворением Фрейлиграта, затем новое обращение Маркса к рабочим, где он предупреждает их, чтобы они не давали себя провоцировать. После этого Маркс покидает Рейн-

скую провинцию. Он должен, как иностранец, покинуть Германию, остальные члены редакции тоже раз'езжаются в различные места. Энгельс, Молль и Виллих направляются к южно-немецким повстанцам.

После нескольких недель геройского, но плохо организованного сопротивления прусским войскам, повстанцы были вынуждены перейти в Швейцарию. Бывшие члены редакции «Новой Рейнской Газеты» и кельнского рабочего общества перекочевали в Париж, но в июне 1849 года, после неудачной демонстрации 13 июня, тоже подвергаются преследованию и вынуждены покинуть Францию. К началу 1850-го года в Лондоне опять собирается почти вся старая гвардия Союза Коммунистов. Молль погиб во время южно-немецкого восстания. Маркс, Энгельс, Шаппер, Виллих, Вольф очутились в Лондоне.

Маркс и Энгельс—как видно из их тогдашних статей—сначала еще не теряют надежды, что они имеют дело только с временной заминкой революционного движения, что за ней последует новая волна под'ема. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, они хотят укрепить организацию и связать ее получше с Германией. Старый Союз Коммунистов реорганизуется—туда входят старые элементы и новые, которые были привлечены в Силезии, в Бреславле, а также в Рейнской провинции.

Однако, очень скоро, уже через несколько месяцев, в Союзе возникают разногласия. Если бы я хотел говорить на знакомом нам языке, то я сказал бы, что начинаются разногласия между левыми и правыми коммунистами. Спор заострился вокруг следующего вопроса.

Маркс и Энгельс еще в начале 1850 г. думали, что новый под'ем революции недолго заставит себя ждать. Как раз к этому времени относятся два известных циркуляра Союза Коммунистов. Они написаны, главным образом, Марксом. Их особенно охотно цитирует Ильич, который знает их на зубок.

В этих циркулярах—а их можно понять только тогда, когда вы вспомните ошибки, сделанные Марксом и Энгельсом во время революции 1848 г.—вы найдете, что нужно беспощадно критиковать не только буржуазный

либерализм, но и демократию. Нужно все силы направить на то, чтобы противопоставить демократической организации рабочую, нужно, в первую очередь, создавать рабочую партию. Демократов нужно хлестать и в хвост, и в гриву. На каждое их требование отвечать другим, более крайним. Демократы требуют десятичасового рабочего дня, мы требуем восьмичасового. Они требуют экспроприации всего крупного землевладения со справедливым вознаграждением, мы требуем конфискации без всякого вознаграждения. Нужно всеми средствами гнать революцию вперед, делать ее перманентной, не снимать ее ни на минуту с порядка дня. Нельзя успокаиваться на так называемых приобретениях революции. Наоборот, каждое достигнутое завоевание должно быть только новой ступенью для следующего завоевания. Всякая попытка об'явить революцию законченной, есть измена делу революции. Надо всеми силами стараться, чтобы общественный строй, политический строй, в котором нам приходится жить, подкапывался со всех сторон, подвергался разрушению, пока мы не освободим его от всех остатков старого классового антагонизма.

Разногласия начались с оценки «текущего момента». В отличие от своих оппонентов, во главе которых стояли Шаппер и Виллих, Маркс, верный своему методу, исходил из того, что всякая политическая революция является следствием известных экономических условий, известной экономической революции. Революции 1848 г. предшествовал кризис 1847 г., который охватил почти всю Европу, за исключением Дальнего Востока. И вот, изучая теперь в Лондоне «текущий момент», анализируя новую экономическую кон'юнктуру, положение всемирного рынка, Маркс приходит к убеждению, что новая ситуация не благоприятствует революционному взрыву, что отсутствие нового революционного под'ема, которого он ждал вместе с другими, об'ясняется не только недостатком революционной инициативы, революционной энергии со стороны революционеров. В конце 1850 г. он приходит, на основании подробного анализа «текущего момента», к заключению, что

при этом экономическом расцвете всякая попытка форсировать революцию, устроить революционное восстание кончится неизбежным и бесполезным поражением. А условия развития европейского капитала как раз к этому времени оказались очень благоприятными. В Америке, в Калифорнии, в Австралии были открыты богатейшие золотые россыпи: огромные массы рабочих хлынули в эти страны. Волна эмиграции из Европы началась еще во второй половине 1848 г. и особенно поднимается к 1850 году.

Так анализ экономических условий привел Маркса к заключению, что революционная волна пошла вниз, что придется ждать наступления нового экономического кризиса, который создаст опять благоприятные условия для возобновления революционного движения. Но с этим взглядом не были согласны некоторые члены Союза Коммунистов. Против этого взгляда спорили в особенности те элементы, которые не обладали экономическим образованием Маркса и которые придавали слишком большое значение революционной инициативе нескольких решительных личностей. Виллих, тот самый, который с Готшальком еще 3 марта поднял революцию в Кельне, игравший большую роль во время южно-немецкого восстания, и Шаппер, которого вы помните, как старого революционера, еще с начала 30-х годов, ряд других членов Союза Коммунистов, члены кельнского рабочего союза и старые вейтлингианцы об'единяются. Они настаивают на том, что необходимо устроить такое восстание: если бы удалось достать необходимое количество денег и собрать несколько решительных людей, то можно было бы создать восстание в Германии. И вот начинается погоня за деньгами. Делается попытка устроить заем в Америке,—заем, который ставит себе целью поднять революцию в Германии. Маркс и Энгельс и несколько близких к ним отказываются принимать участие во всей этой кампании. В конце концов, происходит раскол, и Союз Коммунистов распадается на фракцию Маркса и Энгельса и на фракцию Виллиха и Шаппера.

К этому времени происходит провал некоторой части Союза Коммунистов, которые оставались еще в Германии.

Уже с 50 года Маркс и Энгельс сделали попытку вместе с реорганизацией Союза Коммунистов в Лондоне реорганизовать его, укрепить в Германии. В Германию было послано несколько эмиссаров, агентов, которые завязали связь с немецкими коммунистами. Один из них был арестован: при нем нашли бумаги, которые дали возможность прусской охранке, во главе которой стоял знаменитый Штибер — этот русский Зубатов и Трусевич вместе взятые—проследить его товарищей. Ряд коммунистов попадают в тюрьмы. Прусское правительство, чтобы показать прусской буржуазии, что ей нечего жалеть, что у нее в 1850-м году отняли некоторые вольности, решило в Кельне устроить большой процесс коммунистов. В результате несколько коммунистов были осуждены,—в том числе Леснер, Беккер и другие,—на долгосрочное тюремное заключение. Во время процесса обнаружилось, что в этом деле принимали участие некоторые провокаторы, что Штибер через своих агентов прибегал к фальсификации протоколов, ко всяким лжесвидетельствам. По решению той части коммунистов, которая оставалась с ним, Маркс написал брошюру по поводу процесса Союза Коммунистов, где разоблачил все проделки прусской полиции. Но подсудимым это мало помогло. После окончания процесса Маркс, Энгельс и товарищи пришли к заключению, что Союз Коммунистов теперь, при создавшемся положении, при прекращении всякой связи с самой Германией, ничего делать не может, что надо ждать момента более удобного, и в конце 1852 года официально распустили Союз Коммунистов. Другая часть Союза Коммунистов, так называемая фракция Виллиха и Шаппера еще около года влачила свое существование. Некоторые уехали в Америку. Шаппер остался в Лондоне. Через несколько лет он понял, что сделал в 1852 году ошибку, и опять помирился с Марксом и Энгельсом. В следующий раз я подробно поговорю о том, что делали Маркс и Энгельс в течение того времени, когда они были лишены возможности заниматься непосредственной революционной деятельностью.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Реакция пятидесятых годов. — „Нью-Иоркская Трибуна". — Крымская война. — Взгляды Маркса и Энгельса. — Итальянский вопрос. — Спор Маркса и Энгельса с Лассалем. — Полемика с Фогтом. — Отношение Маркса к Лассалю.

В прошлый раз, товарищи, я остановился на ликвидации Союза Коммунистов в конце 1852 года. Я уже тогда сказал, что для Маркса и Энгельса это совпало с прекращением всякой непосредственной политической деятельности на много лет. Сегодня я хочу попробовать несколько осветить период от конца 1852-го года до 1-го Интернационала, когда Маркс и Энгельс получили опять возможность заняться непосредственной политической работой, и выяснить, почему они в это время вынуждены были к такому бездействию.

Реакция, которая началась уже с 1849-го года, продолжает усиливаться в течение всей первой трети 50-х годов. Она достигла своего наивысшего пункта к 1854-му году. Окончательно уничтожаются все следы каких бы то ни было завоеваний в области свободной политической деятельности, запрещаются всякие рабочие союзы. Свободная пресса погибла еще во второй половине 1849 года. Осталась палата депутатов в Пруссии, но страшно реакционная.

Для Маркса и для Энгельса возникал вопрос, вопрос крайне тяжелый, ибо всякому, даже гению, надо иметь на что жить, надо есть, вопрос, как бы это удержаться просто физически. Трудно себе представить, как тяжело было материальное положение Маркса и Энгельса в это время. Энгельсу—вы знаете, что он был сыном богатого фабриканта, имевшего фабрики и в Германии, и в Англии,—Энгельсу, который был со своим отцом в больших неладах, не хотелось итти на поклон к отцу. Вместе с Марксом они старались найти себе какую-нибудь литературную работу, но Германия была для них закрыта. В Америке они имели возможность работать только в рабочих органах, но это была возможность, которая не оплачивалась. Это была возможность работать даром.

Для одного американского журнала Маркс написал тогда свое гениальнейшее историческое произведение—«18 брюмера Луи Бонапарта». Это история февральской революции, в которой Маркс шаг за шагом прослеживает, как борьба классов определяла судьбы этой революции, как различные части буржуазии, вплоть до самой демократической ее части, одна за другой—сознательно и злорадно или против своей воли и проливая слезы — предавали и продавали пролетариат, отдавая его на растерзание генералам и палачам, как постепенно подготовлялись условия, которые позволили захватить власть такой ничтожной дряни, как Наполеон III.

Материальное положение Маркса тем временем еще больше ухудшилось. В течение первых лет пребывания в Лондоне у него умерло двое ребят: сын и девочка. Когда умерла последняя, ее буквально не на что было хоронить.

И вот Энгельс решает, скрепя сердце, приняться опять за старое «собачье ремесло», как он называл торговлю, и поступить конторщиком на службу в английское отделение фабрики своего отца. Он переезжает в Манчестер. В первое время он является только простым служащим. Он должен еще завоевать доверие отца, должен завоевать доверие английского отделения фирмы, показать, что он умеет заниматься торговым делом.

Маркс остается в Лондоне. Союз Коммунистов перестал существовать. Осталось только маленькое число рабочих, группировавшихся вокруг коммунистического Просветительного Общества и кое-как устроившихся в качестве портных или наборщиков. Для Маркса только в конце 1851 года открылась внезапно возможность работать в одной американской газете, «Нью-Йоркской Трибуне», тогда одной из наиболее влиятельных газет. Один из редакторов этой газеты обратился к Марксу с предложением написать ряд статей о Германии. Этот редактор — фамилия его Чарльз Дана—был во время революции 1848 года в Германии и познакомился с Марксом. Он был в Кельне и знал, какое выдающееся положение занимает Маркс среди журналистов. Принимая во внимание интерес немецких читателей

в Америке, а эмиграция немцев в Америку во время революции очень усилилась, он считал необходимым для этой части публики расширить свой западно-европейский отдел. Приглашение сотрудничать для Маркса было совершенно неожиданным и поставило его в затруднительное положение, ибо Маркс тогда по-английски не писал. Он обратился за помощью к Энгельсу, и вот устанавливается любопытное сотрудничество. Я вам уже сказал, что «Манифест коммунистической партии» в сущности написан только Марксом, но идет под именем Маркса и Энгельса, хотя Энгельс в нем принимал участие почти такое же незначительное, какое он принимал в составлении общего их труда «Святое семейство». Теперь Энгельсу пришлось проделать большую работу. Его статьи были собраны после в виде отдельной книги под названием «Революция и контр-революция в Германии», но приписывались Марксу. Теперь мы, на основании переписки между Марксом и Энгельсом, знаем, что они написаны были Энгельсом. Но не надо тут преувеличивать. Идейно—это общая работа Маркса и Энгельса, но написанная Энгельсом на основании ряда указаний, сделанных Марксом, а главное—на основании всех тех статей, которые они оба писали в «Новой Рейнской Газете». Так началось сотрудничество Маркса в «Нью-Йоркской Трибуне». Через год он так осваивается с английским языком, что начинает писать свои статьи непосредственно по-английски.

Таким образом Маркс с 1853 года получает трибуну, с которой он может высказывать свои взгляды. К сожалению, эта трибуна находилась не в Европе, а в Америке. Читатели газеты искали в ней ответа на свои вопросы. Америка, хотя и очень сильно интересовалась западно-европейскими событиями, но интересовалась лишь постольку, поскольку они влияли на американские события. Для Американских Соединенных Штатов 50-х годов боевым вопросом являлся, как и через несколько лет у нас в России, вопрос об освобождении негров, вопрос об уничтожении рабства. Другим спорным вопросом между северными и южными штатами был вопрос о свободной торговле.

«Нью-Йоркская Трибуна», куда писал Маркс, по вопросу о рабстве стояла на крайней левой позиции. Она была за уничтожение рабства. По вопросу о свободной торговле и протекционизме она стояла на точке зрения протекционистов. В первом пункте Маркс, конечно, был с ней согласен. Второй пункт был такой пункт, по поводу которого Марксу трудно было стать на точку зрения редакции, но Европа доставляла достаточно материала на прочие темы.

А как раз с весны 1853 г. темп событий в Европе начинает ускоряться.

Но ускоряются они—это надо отметить—не путем давления снизу. Наоборот, ряд главных государств, как Россия, Франция, Англия, которые одинаково были заинтересованы в сохранении порядка, вдруг начинают ссориться. Характерная черта для господствующих классов, для господствующих наций, что, поскольку они освобождались из-под страха революционного движения, ряд разногласий, которые существовали между государствами — Германией, Францией, Англией, Россией, — опять начинает всплывать на поверхность. Соперничество, которое существовало между этими государствами до революции 1848 года и только временно, под давлением необходимости, уступило место общему союзу для борьбы с революцией, опять вспыхивает. Россия, так успешно помогавшая восстановить «порядок» в Западной Европе, теперь как будто бы просит, чтобы ее вознаградили за эти заслуги. Она думает, что для нее является теперь наиболее подходящим моментом протянуть свои лапы к Балканскому полуострову, оживает старое стремление отвоевать часть за частью ряд владений у Турции. Усиливается партия при дворе Николая, которая считает этот момент наиболее удобным. Она надеется, что Франция не в состоянии будет оказать никакого сопротивления и Англия, во главе правительства которой стояла партия торисв, не будет теперь мешать, в виду сердечного согласия, которое существовало между Англией и Россией. Так начинается спор из-за золотых ключей от гроба спасителя, а в сущности из-за Дарданелл.

Но прошло несколько месяцев, положение настолько заострилось, что Англия и Франция, одинаково нежелавшие войны, чувствовавшие, что эта война ни к чему доброму привести не может, в конце концов, вынуждены были об'явить войну России. Началась знаменитая крымская война, которая опять поставила во весь рост восточный вопрос. Теперь у Маркса и Энгельса явилась возможность, правда, не в Европе, а в далекой Америке, откликнуться на эти злободневные события. Надо сказать, что Маркс и Энгельс приветствовали эту войну. Эта война как ни как означала, что те три главные державы, которые являлись оплотом контр-революции, между собой передрались, а если воры дерутся, от этого честные люди могут только выиграть. С этой точки зрения Маркс и Энгельс подходили к этой войне. Нужно было только выявить, какое положение занять по отношению к каждой отдельной стране.

Я считаю нужным остановиться на этом, потому что, товарищи, в вопросах тактики, которые играли такую огромную роль во время обеих наших революций, в особенности во время последней, тактики по отношению к обеим воюющим сторонам, мы всегда вспоминали и старались опираться на тактику, которую защищали Маркс и Энгельс в 50-х годах. Обычно дело представлялось таким образом, что Маркс и Энгельс во время крымской войны сразу стали на сторону Турции против России. Вы знаете, какое огромное значение Маркс и Энгельс придавали русскому царизму, как оплоту европейской реакции, какое большое значение они придавали войне против России, как фактору, который может развить революционную энергию в самой Германии. Естественно, что они должны были приветствовать войну против России, и в тех статьях, которые писали Маркс и Энгельс, между которыми установилось известное разделение труда—Энгельс писал специально военные статьи, а Маркс дипломатические и экономические статьи,—Россия подвергается самой жестокой критике.

Следует ли, однако, из этого, что Маркс и Энгельс стали на сторону культуры, просвещения и прогресса против России, что, выступая против последней, они становились на сторону просвещенных и культурных англичан и французов? Кто захотел бы сделать этот вывод, тот сильно ошибся бы. Англия и Франция подвергаются в статьях обоих друзей не менее жестокой критике, чем Россия. Все попытки Наполеона и все попытки Пальмерстона представить эту войну, как войну цивилизации и прогресса против азиатского варварства, разоблачаются самым беспощадным образом. Что касается Турции, которая являлась поводом к этой войне, то представление, которое обычно распространено, что Маркс являлся туркофилом, человеком, любившим Турцию, неверно. Ни Маркс, ни Энгельс ни на минуту не закрывали глаз на то, что Турция представляла из себя еще более азиатскую, варварскую страну, чем Россия. Они подвергали критике одинаково все эти страны. Для них существует только один критерий. Каждый раз они разбирают вопрос, поскольку данное событие может ускорить наступление революции, поскольку оно может усилить тот основной фактор, который для них являлся наиболее важным. С этой точки зрения они критикуют поведение Англии и Франции, которые, как я вам сказал с самого начала, в сущности неохотно втянулись в эту войну и были весьма и весьма недовольны упрямым Николаем I, ни за что не хотевшим итти на те компромиссы, которые они ему предлагали. Опасения правящих классов оказались правильными, война оказалась более затяжной. Она началась в 1853 и кончилась только в 1856 г. парижским миром. В Англии и во Франции она вызвала большое возбуждение среди рабочих и крестьянских масс. Она вынудила и Наполеона, и английские правящие классы сделать целый ряд обещаний и уступок. Война кончилась победой Франции, Англии и Турции. Для России крымская война послужила толчком к так. наз. «великим реформам». Она показала, насколько крепостной строй мало в состоянии бороться с капиталистическими странами. Пришлось поставить на очередь вопрос об освобождении крестьян.

Но нужен был еще один толчок, чтобы Европа, заснувшая после революционного взрыва 1848—49 годов, окончательно расшевелилась. Вы помните, что, когда Маркс и Энгельс разошлись с группой Виллиха и Шаппера, они заявили, что новая революция возможна, только как следствие нового сильного экономического потрясения, что так же, как революция 1848 года была следствием кризиса 1847 года, так и новая революция может явиться только результатом нового хозяйственного кризиса. Расцвет, который начался уже в 1849 году, развивался так сильно в первой половине 50-х годов, что даже крымская война не в состоянии была нанести ему сильный удар.

Казалось даже, что этот расцвет будет длиться бесконечно. Маркс и Энгельс были уверены еще в 1851 г., что следующий кризис наступит не позднее 1853 г. Дело в том, что на основании старых исследований—главным образом, Энгельса—они держались того взгляда, что кризисы, эти периодические заминки в области капиталистического производства, повторяются раз в 5—7 лет. По этому расчету, следующий после кризиса 1847 г. должен был последовать в 1853 г. Но Маркс и Энгельс ошиблись. Период, в течение которого капиталистическое производство проделывает различные фазы понижения и повышения, оказался продолжительнее. Кризис разразился только в 1857 г., но принял небывалые до того размеры, как по своей силе, так и области распространения.

Маркс с восторгом приветствовал этот кризис, хотя лично для него он сопровождался весьма неприятными последствиями. Заработок, который доставляла ему «Нью-Йоркская Трибуна», был не особенно велик. За каждую свою статью Маркс получал в начале 10 довоенных рублей, а после—15. Но все же в сравнении с первыми годами эмиграции в Лондоне этот заработок давал ему возможность, при помощи Энгельса, который брал на себя довольно большую часть работы для американских газет, кое-как сводить концы с концами. Он успевал еще, кроме упорной работы над своим главным экономическим трудом, писать, конечно, даром, для центрального чартистского органа, для «Народной Газеты».

Со времени кризиса 1857 г. положение опять сразу ухудшилось. Соединенные Штаты пострадали от него в первую очередь, и «Нью-Йоркская Трибуна» вынуждена была сократить свои расходы, что и сделано было за счет иностранных корреспондентов. Марксу пришлось опять влезть по уши в долги и искать всяких случайных заработков. Эта новая заминка продолжалась до 1859 г. Тогда Маркс опять получил передышку до 1862 г., когда прекратилась окончательно его работа для «Нью-Йоркской Трибуны».

Но если Марксу лично приходилось неважно,—за это время на него обрушились и другие несчастия,—то он все же, как революционер, давно уже не чувствовал себя так бодро, как после 1857 г. Как он и предвидел, новый кризис явился главной причиной ряда революционных движений, начавшихся почти во всем мире. В Америке ребром стал вопрос об уничтожении рабства, у нас в России—вопрос об уничтожении крепостного права. Буржуазной Англии пришлось напрячь все свои силы в борьбе с огромным восстанием в Ост-Индии. Зашевелилась и Западная Европа.

Вы помните, что революция 1848 г. оставила нерешенными целый ряд вопросов. Италия осталась раз'единенной. Значительная часть ее севера осталась под властью Австрии. Венгрия была при помощи русских войск побеждена и опять прикреплена к Австрии. Германия продолжала представлять кучу княжеств и государств разных размеров, среди которых выделялись Пруссия и Австрия, занимавшиеся взаимной грызней в борьбе за так называемую гегемонию, преобладание, в общем союзе немецких государств.

Уже в 1858 г. начинается во всех западно-европейских странах под'ем оппозиционного и революционного движения, которое ставит в порядок дня старые нерешенные вопросы. В Германии усиливается течение в пользу об'единения. Опять разгорается борьба между велико-германской партией, желающей об'единения всей Германии, не исключая Австрии, и мало-германской, которая выдвигает на первый план Пруссию, вокруг которой должны об'единиться все немецкие государства, за исключением Австрии.

В Италии мы видим то же самое пробуждение национальных стремлений. Во Франции, где кризис 1857 г. повлек за собой крах многочисленных дутых предприятий и в особенности жестоко отозвался на текстильной промышленности, развивается не только мелко-буржуазная оппозиция, но начинается и новое оживление среди подпольных революционных организаций. Главную роль играют при этом бланкистские группы. Рабочее движение, которое совершенно замерло после июньского поражения, опять оживает, особенно в строительной и мебельной промышленности. Россия, как я уже говорил, тоже получив только что в ряде московских крахов свое первое капиталистическое крещение, плетется по пути либеральных реформ.

Чтобы избавиться от внутренних затруднений, правительства, в первую голову Наполеон, стараются отвлечь внимание народа какой-нибудь шумихой в области внешней политики. Наполеон, которому покушение Орсини, итальянского революционера, уже в январе 1858 г. напомнило, что полиция не всегда всесильна, вынужден считаться с нарастающим возбуждением. Чтобы отвлечь недовольство рабочих масс, он выдвигает прогрессивный лозунг освобождения Италии от австрийского гнета. В том же 1858 г. он заключает тайное соглашение с Кавуром, министром сардинского короля. Точно так же, товарищи, как в раз'единенной Германии наиболее сильным государством являлась Пруссия, так и в Италии выделялось Сардинское королевство, игравшее на Аппенинском полуострове роль Пруссии.

В то время, как официозная печать трещала о том, что речь идет об об'единении Италии, в действительности соглашение, на основании которого Наполеон обещал свою помощь Сардинии, имело совершенно другое содержание. Дело заключалось не в об'единении Италии, а в округлении Сардинии, которой обещаны были Ломбардия и Венеция. В вознаграждение за это Наполеон получал, кроме обещания не трогать папские владения, еще Савойю и Ниццу. Наполеон, которому приходилось изворачиваться между оппозицией слева и клерикальной партией, не хотел ссориться с папой и потому был против действительного об'единения Италии,

а с другой стороны думал, путем приобретения двух новых территорий, удовлетворить французских патриотов.

Таким образом, возник новый, в высшей степени важный, политический вопрос, который волновал всю Европу и еще больше революционеров различных стран. Какое положение должны занять революционеры и социалисты, на чью сторону они должны стать: на сторону Наполеона, выступавшего чуть ли не в качестве революционера, который выставлял симпатичный лозунг, как право на самоопределение Италии, или на сторону Австрии, представительницы деспотизма, угнетательницы Италии и Венгрии? Вы видите, товарищи, что это был очень важный вопрос, который диктовал ту или иную тактику и который опять-таки напоминает нам положение, создавшееся к 1914 г. Я попробую, поэтому, выяснить вам, ту тактику, которую защищали, ту позицию, которую заняли Маркс и Энгельс, с одной стороны, и Лассаль, с другой.

Мне до сих пор не пришлось упоминать о Лассале, хотя он является одним из первых учеников Маркса и принимал уже участие в событиях 1848 г. Я и теперь не буду останавливаться на его биографии, потому что это отвлекало бы нас в сторону от нашей главной темы. В течение пятидесятых годов он, после отбытия краткосрочного тюремного заключения, остается в Германии и занимается научной работой, продолжая поддерживать сношения с Марксом и Энгельсом. В связи с итальянским вопросом между ними в 1859 г. завязывается полемика, представляющая огромный интерес, потому что здесь спор происходит, так сказать, между двумя фракциями в одной партии. К чему же сводились их разногласия? Мы сейчас увидим это.

Наполеон III и его присные великолепно умели обрабатывать так называемое общественное мнение. Как и во время крымской войны, так и в 1858—59 г.г.—на рынок выбрасывается огромная масса брошюр и памфлетов, в которых, на все лады и способы, доказывались либерализм Наполеона и справедливость итальянского дела. В этом литературном походе принимали участие ряд добровольных, но еще больше купленных публицистов. Добровольные нашлись, глав-

ным образом, среди венгерских и польских эмигрантов. Точно так же, как они за несколько лет перед этим рассматривали крымскую войну, как войну прогресса и цивилизации против азиатского деспотизма, и снаряжали в помощь Наполеону и Пальмерстону легионы добровольцев, так и теперь венгерские и польские эмигранты, за весьма немногими исключениями, доказывали, что Наполеон борется за прогресс и право нации на самоопределение и что необходимо оказать ему помощь. Эти эмигранты, среди которых были и такие, которые не брезговали деньгами Наполеона, поступают на службу в итало-французскую армию.

Но и Австрия, со своей стороны, тоже не дремала. Она финансировала тех публицистов, которые доказывали, что она в этой войне защищает интересы всей Германии, что Наполеон в случае, если он победит Австрию, захватит Рейн, что речь идет, таким образом, не об Италии, а о Германии, что, следовательно, Австрия, удерживая под своей властью северную Италию, защищает Германию. На военном языке это означало: кто хочет защищать Рейн, не должен сдавать такую позицию, как По—река, в долине которой расположена Ломбардия.

Именно к этому сводились два главные течения, которые можно выделить в тогдашней европейской публицистике. В самой Германии вопрос еще осложнялся спором между велико-германской и мало-германской партиями. Вполне естественно, что велико-германцы, желавшие об'единения всей Германии, не исключая Австрии, склонялись на сторону последней, и, наоборот, мало-германцы, тянувшие к Пруссии, доказывали, что Австрию нужно предоставить ее судьбе. Конечно, были при этом различные оттенки, но они не меняли существенно общей картины.

Какую же позицию заняли в этом вопросе Маркс и Энгельс—с одной стороны, Лассаль—с другой? Все трое стояли на почве «Коммунистического Манифеста». Все они во время революции 1848 г. выступали за единую Германскую республику, включая сюда немецкие области Австрии. Казалось бы, что нет места никаким разногласиям. В действительности же они были не менее глубоки, чем разногласия

между социал-демократами, стоявшими на одной и той же марксистской платформе, в начале империалистической войны.

Маркс и Энгельс, в своих статьях и брошюрах, доказывали, что Германия не только не нуждается в Северной Италии, чтобы защищать Рейн, но может вполне спокойно согласиться, чтобы Австрия отдала все свои итальянские области единой Италии, что всякая попытка стать на сторону Австрии, якобы в интересах единой Германии, означает сделку с австрийским деспотизмом.

Но, с другой стороны,—и это характерно для позиции Маркса и Энгельса,—так же беспощадно, как они критикуют австрийскую и прусскую реакцию, они хлещут и Наполеона. Опасность, которая грозит в случае полной победы Наполеона, кажется им не меньшей, чем та опасность, которая грозит в случае победы Австрии. Энгельс доказывал, что, после победы над Австрией, Наполеон нападет на Германию, и поэтому выставляет следующее положение: об'единение Италии, как и об'единение Германии, должно совершиться их собственными силами. Поэтому в итальянском вопросе революционеры не должны становиться ни на сторону Наполеона, ни на сторону Австрии. Единственное, что они должны иметь в виду—это интересы пролетарской революции. Не надо забывать, что в этом случае имеется еще один фактор, который остается за кулисами. Энгельс указывал—и вполне справедливо—что Наполеон не осмелился бы об'явить войну Австрии, если бы не был уверен в молчаливом согласии России, если бы не знал наверное, что она не придет на помощь Австрии. Он считал весьма вероятным, что между Францией и Россией существовало на этот счет какое-нибудь соглашение. Австрия во время крымской войны, как кричали наши патриоты, отплатила «черной неблагодарностью» той самой России, которая так «самоотверженно» и «бескорыстно» помогла ей задавить революционную Венгрию. И, конечно, Россия ничего не имела против того, чтобы Австрию наказать руками Наполеона. Если такой союз между Францией и Россией действительно существовал, если бы последняя двинулась на помощь Франции, то тогда

вся Германия должна была бы двинуться на помощь Австрии, но это была бы уже революционная Германия. Тогда сложилось бы как раз то положение, на которое Маркс и Энгельс расчитывали и в эпоху революции 1848 г. Война революции против реакции, война, во время которой все буржуазные партии, которые не сумеют связать с собою все низшие классы, уступят поочередно место все более и более радикальным партиям и таким образом подготовят почву для победы наиболее крайней, наиболее революционной партии, т.-е. партии пролетариата.

Такова была точка зрения Маркса и Энгельса. Иначе смотрел на этот вопрос Лассаль. До известной степени эта разница об'яснялась различными об'ективными условиями, которые окружали их непосредственно. Лассаль жил в Пруссии и чересчур тесно связан был с местными, прусскими условиями. Маркс и Энгельс жили в Англии, на мировой тогдашней вышке, и рассматривали европейские события с точки зрения интересов международной революции, а не только германской, не только прусской.

Лассаль рассуждал так: самым опасным врагом Германии является внутренний враг, Австрия. Она более опасный враг, чем либеральная Франция или ставшая на путь либеральных реформ Россия. Именно она является главной причиной той тяжелой реакции, которая таким нестерпимым гнетом давит Германию. Наполеон, хотя он и узурпатор, виновник государственного переворота, все же является представителем либерализма, прогресса, цивилизации. Поэтому, в происходящей войне наша задача, прусской демократии, состоит в том, чтобы предоставить Австрию ее судьбе, при чем самым желательным исходом является поражение Австрии.

Когда вы читаете соответственные брошюры Лассаля, этот ряд комплиментов по адресу Наполеона и России, когда вы замечаете, как осторожно говорить он об официальной Пруссии, вы должны делать над собой усилие, чтобы не запутаться. Нужно все время напоминать себе, что Лассаль старается говорить, как прусский демократ,

который хочет доказать господствующим классам Пруссии, т.-е. юнкерству, что не надо помогать Австрии. Но, напялив на себя мундир прусского демократа, Лассаль все-таки высказывал собственные мысли, резко расходившиеся с идеями Маркса и Энгельса. Уже тогда намечалось между ними разногласие, которое приняло позже более резкую форму. Уже тогда, увлекаясь желанием сейчас же добиться осязательного, непосредственного успеха, желая быть «реальным политиком», а не доктринером, он позволяет себе пользоваться аргументами, доводами, которые обязывают его по отношению к правящей партии, которые заставляют его прикрашивать тех, кого он убеждает оставить Австрию без помощи. Ругань против Австрии, мягкое отношение к официальной Пруссии и России, кокетничанье с официальной Пруссией—все это пока оставалось увлечением публициста, писавшего не от имени партии. Но та же самая тактика, пускаемая в ход в непосредственной практической борьбе, как директива партии, была, как это показала после деятельность Лассаля, чревата большими опасностями.

Война между Францией и Австрией закончилась иначе, чем предполагали обе стороны. Австрия в начале войны, пока против нее стояли только итальянцы, жестоко била их, как она всегда била итальянцев, но потом потерпела поражение от об'единенных итальянцев и французов. Но, как только война начала становиться народной и грозить действительным революционным об'единением всей Италии, а, следовательно, и уничтожением папской области, Наполеон сейчас же пошел на попятный и поспешил воспользоваться посредничеством России, чтобы покончить войну. Сардинии пришлось удовольствоваться Ломбардией, Венеция осталась в руках Австрии. А себе, как вознаграждение за пролитую кровь французов и потраченные деньги, Наполеон отхватил целую провинцию Савойю, родину сардинских королей, и, чтобы показать, вероятно, знаменитому итальянскому революционеру, борцу за об'единение Италии, что не надо увлекаться обещаниями всякой коронованной сволочи, присоединил еще к Франции родной

город Гарибальди — Ниццу с прилегающей к ней территорией. Так «либеральный» Наполеон, под гром аплодисментов либеральных дурачков и одураченных революционеров, защищал «право на самоопределение» Италии и других угнетенных национальностей. Пришлось и Лассалю убедиться, что Наполеон не только не уступает австрийцам, но и за пояс их легко заткнуть может. Италия осталась такой же раз'единенной, как была. Только Сардиния еще более округлилась. Но тут вышла маленькая неожиданность или, как ее окрестил еще наш Добролюбов, «непостижимая странность»—непостижимая для тех, кто думает, что судьбы народа решаются за зеленым дипломатическим столом. В Италии началось, на почве разочарования и негодования, вызванного политикой Наполеона, сильное революционное движение. Во главе его стоял благородный революционер, но весьма плохой политик, Гарибальди, и уже в 1861 г. Италия превратилась в об'единенное королевство, но только без Венеции. Дальнейшее об'единение Италии с тех пор перешло в руки буржуазных дельцов, гарибальдийских ренегатов и авантюристов.

Но в связи с франко-австрийской войной Марксу пришлось вести еще одну полемику. Я уже говорил вам, что вся германская демократия заняла определенное положение в споре между Наполеоном и Австрией. Среди германских демократов наиболее выдающимся и влиятельным был старый революционер, вынужденный тоже в 1849 г. эмигрировать в Швейцарию, Карл Фогт. Он был не только политическим деятелем, но и крупным ученым с европейским именем. Некоторые из вас наверное знают его, как одного из главных представителей естественно-исторического материализма, который так часто, особенно буржуазными учеными, смешивается с материализмом Маркса и Энгельса. В пятидесятых и шестидесятых годах он у нас был очень популярен и оказал сильное влияние на развитие философских взглядов наших просветителей, как Писарев и другие. Фогт был также близким другом нашего Герцена, который называет его честнейшим, искреннейшим, кристальной души человеком.

И действительно, Карл Фогт пользовался огромным влиянием не только среди немецких демократов, но и в среде международной революционной эмиграции, особенно польской, итальянской и венгерской. Дом его в Женеве служил политическим центром. Для Наполеона было крайне важно привлечь на свою сторону знаменитого ученого и вождя германских демократов. Это, благодаря огромному тщеславию старого немецкого профессора, удалось сделать довольно легко. Фогт был в очень дружеских отношениях с братом Наполеона, известным под названием принца Плон-Плон, который разыгрывал из себя большого либерала и покровителя науки. От него же Фогт получал деньги для раздачи представителям различных эмиграций.

Когда наш профессор выступил самым решительным образом за Наполеона и Италию, это, конечно, произвело большое впечатление в среде революционной эмиграции— не меньше, чем выступление Плеханова в защиту Антанты. Как всегда в таких случаях бывает, в той эмиграции, которая была более тесно связана с Марксом и Энгельсом, были люди, поддерживавшие сношения с республиканской эмиграцией. Один из представителей последней, Карл Блинд, заявил, в присутствии некоторых коммунистов, что Фогт получил деньги от Наполеона. Это было напечатано в одной лондонской газете. Когда Вильгельм Либкнехт, писавший корреспонденции в «Аугсбургскую Всеобщую Газету», сообщил на ее столбцах об этом слухе, Фогт возбудил процесс о клевете и выиграл его, потому что против него нельзя было пред'явить никаких документов.

Торжествуя свою победу, Фогт напечатал особую брошюру об этом процессе и в полной уверенности, что Вильгельм Либкнехт не предпринимает ни одного шага, не пишет ни одной строчки без указаний Маркса, направил все свои удары против последнего. И вот этот «кристальной души человек», на основании, как он уверял, точных данных, обвинил Маркса, что он стоит во главе целой банды экспроприаторов и фальшивомонетчиков, которые ни перед чем не останавливаются. Все, что могло себе представить грязное воображение «искреннего» демократа, было пуще-

но в ход против коммунистов. Известный своим пристрастием ко всяческим удобствам жизни, Фогт обвинял Маркса, что он ведет роскошную жизнь за счет рабочих.

Брошюра Фогта, благодаря имени автора и имени того, на кого он нападал,—а Маркс только что опубликовал первый выпуск своей «Критики политической экономии»,—вызвала большой шум и встретила, как и следовало ожидать, тот сочувственный отклик, который, на языке буржуазных журналистов, называется хорошей прессой. Вся буржуазная печать, и в первую голову среди буржуазных писак ренегаты, знавшие когда-то лично Маркса, обрадовались случаю и со своей стороны вылить на голову старого противника ушат помоев.

Лично Маркс держался того убеждения, что печать имеет право ругать кого ей угодно в меру отпущенного ей понимания или непонимания, печатными и непечатными словами, всякого общественного деятеля. Это привилегия—говорил он—всякого, кто выступает публично, политика, парламентария, актера,—выслушивать похвалу или брань. Если тебя камнями забросают или гнилыми яблоками—все равно. Остается только защищаться — как говорят немцы, на одного шельму полторы шельмы! На обычную ругань—а его полыхали без конца—он не отзывался. Только когда этого требовали интересы дела, партии, он отвечал, и тут он был беспощаден.

Когда вышел памфлет Фогта, сейчас же возник вопрос—отвечать или нет? Лассаль и некоторые немецкие знакомые из его круга доказывали, что не следует отвечать. Не потому, что они верили хотя бы единому слову из того, что писал Фогт. Они видели, какое сильное впечатление произвел в пользу Фогта выигранный им процесс. Великий демократ, по их мнению, был неосторожно затронут Либкнехтом и, защищая свою честь, ударился сам в крайность. Новый процесс привел бы только к его торжеству, так как никаких доказательств против него не имелось. Самое целесообразное поэтому дать успокоиться общественному мнению.

Такие аргументы—мы бы сказали, «обывательского» свойства—не могли, конечно, подействовать на Маркса и его друзей. Можно было оставить без ответа нападки на Маркса, но не клевету против партии. Но, хотя Маркс и его ближайшие друзья были убеждены, что Фогт действительно подкуплен, они находились в затруднительном положении, ибо как Блинд, так и другой эмигрант теперь отказывались от своих слов, и Вильгельм Либкнехт сам очутился в роли грязного клеветника.

В конце концов решили ответить. Попытка привлечь Фогта к суду оказалась, вследствие пристрастия прусского суда, безуспешной. Оставалось ответить только литературным путем. Эту трудную задачу взял на себя Маркс. Мы подходим теперь к пункту, в котором я опять-таки сильно расхожусь с покойным Мерингом. По его мнению, Маркс мог бы легко избавить себя от бесконечных хлопот и усилий, от траты драгоценного времени, без какой бы то ни было пользы для великого дела его жизни, если бы просто уклонился от участия в споре между Либкнехтом и Фогтом. Но это значило бы требовать от Маркса, чтобы он перестал быть Марксом.

Ошибка Меринга об'ясняется тем, что Меринг никогда не принимал участия в подпольной и эмигрантской работе, что только в последние годы своей жизни он стал несколько ближе к непосредственной революционной борьбе. Весь инцидент с Фогтом он оценивал с точки зрения литератора. Стоило ли столько времени ухлопать на полемику с Фогтом, который к тому времени, когда Меринг начал свою литературную деятельность, не пользовался уже никаким политическим влиянием? Ведь, в конце концов книгу против Фогта пришлось печатать за границей, и в Германию она попала в незначительном количестве экземпляров.

Но такие возражения сводятся, в переводе на русские условия, к тому же, что сказал бы в таком случае русский профессор по поводу «Наших разногласий» Плеханова, которые в первые годы вряд ли имелись в России больше, чем в десятке экземпляров.

Мерииг совершенно просмотрел основной спор, который происходил в эмигрантской среде. Он не заметил, что за этим, якобы только личным инцидентом, скрывались глубокие тактические разногласия, которые возникли между пролетарской партией и всеми остальными буржуазными партиями, что в среде самой пролетарской партии, как это показал пример с Лассалем, обнаружились опасные шатания. Мерииг не заметил также, что в книге против Фогта подвергнуты были критике и все аргументы Лассаля и его приятелей.

Обратимся к самой книге. Она не особенно велика. В ней всего 15 печатных листов. В литературном отношении она принадлежит к лучшему, что написано Марксом в области полемики.

И надо прибавить, что всемирная литература не знает ничего равного этой книжке. Существует знаменитый памфлет Паскаля против иезуитов. В литературе XVIII столетия мы знаем памфлеты Лессинга против его литературных противников. Но все они, как и другие известные нам памфлеты, преследовали только литературную цель.

В «Господине Фогте» Маркс поставил себе задачу не только уничтожить политически и морально уважаемого всем буржуазным миром ученого и политического деятеля. Правда, и эту задачу он выполнил блестяще. У Маркса имелся против Фогта только печатный материал. Главные свидетели отказались от своих слов. Маркс берет поэтому все политические сочинения Фогта и доказывает, что он бонапартист, что он только повторяет буквально все аргументы, развивавшиеся в произведениях явно подкупленных агентов Наполеона. И когда Маркс приходит к заключению, что Фогт или самодовольный попугай, идиотски повторяющий все бонапартистские аргументы, или такой же подкупленный агент, как и другие бонапартистские публицисты, то вы только ждете, что сейчас будет пред'явлена историей расписка Фогта в получении денег.

Но Маркс не ограничивается этим политическим бичеванием. Его памфлет не простая ругня, пересыпанная крепкими словами. Маркс пускает против Фогта и другое ору-

ние, которым он владел мастерски: сарказм, иронию, насмешку. С каждой главой перед читателем все ярче и ярче вырисовывается комическая фигура, вы видите, как Фогт превращается из великого ученого и великого политического деятеля в хвастливого, болтливого, любящего пожить во славу на чужой счет Фальстафа, героя шекспировских драм. Нет ни одного классического произведения всемирной литературы, где Маркс не отыскал бы какого-нибудь места, которое как будто специально писано, чтобы дать лишнюю черточку для характеристики этого нового Фальстафа.

Но за Фогтом стояла влиятельнейшая часть немецкой буржуазной демократии. Маркс поэтому разоблачает и политическое крохоборство этого «цвета» немецкой нации, нанося мимоходом удары и тем представителям из близкого к коммунистам лагеря, которые не могут еще отказаться от почтительного отношения к «просвещенному миру».

Гнусная попытка Фогта облить помоями самую радикальную и в то же время самую нуждающуюся часть революционной эмиграции дает Марксу повод набросать картину «нравственных» и «приличных» буржуазных, как правящих, так и оппозиционных партий, и в особенности охарактеризовать продажную прессу буржуазного мира, которая стала капиталистическим предприятием, извлекающим прибыль из продажи слова, как другие предприятия извлекают ее, продавая навоз.

Еще при жизни Маркса знатоки истории десятилетия 1849—1859 г.г. признавали, что нет другого такого произведения, которое давало бы так много для изображения партий этой эпохи, как работа Маркса. Конечно, современный читатель нуждается в комментарии, чтобы понять все детали, но он легко поймет, какое политическое значение имел памфлет Маркса.

Сам Лассаль должен был признать, когда вышла книга, что Маркс написал мастерское сочинение, что опасения были напрасны, что Фогт навсегда скомпрометирован, как политический деятель. Представьте себе, что перед русской революцией 1905 г. появляется литературное произведение,

которое превращает Милюкова—тоже крупного ученого, вождя кадетов—в такое же чучело, в такого же политического болванчика, каким вышел Фогт после обработки его Марксом.

А в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов, когда началось новое движение в среде мелкой буржуазии и рабочего класса, когда разгоралась борьба за влияние на городскую бедноту, в высшей степени важно было показать, что представители пролетарской демократии не только не уступают интеллектуально, но и превосходят самых популярных, самых выдающихся представителей буржуазной демократии. В лице Фогта нанесен был смертельный удар престижу одного из ее главных лидеров. Лассаль мог быть только благодарен Марксу за то, что он облегчил ему борьбу против прогрессистов за влияние на немецких рабочих.

Вот в чем заключается историческое значение этой книги Маркса, которое просмотрел Меринг. Не так решительно, как до 1914 г., он все еще оценивает в своей биографии Маркса этот эпизод только с литературной точки зрения, он только несколько изменяет свой старый приговор, говоря, что эта книга «скорее послужила помехой, чем помощью для великого труда его жизни». Конечно, если бы Маркс был только литератором и ученым, то было бы лучше, если бы он тратил время только на такие произведения—как «18 брюмера» и «Капитал». Ведь, и мы можем сказать, что было бы гораздо лучше, если бы Плеханов, вместо того, чтобы ухлопать 300 страниц на полемику с таким ничтожеством, как будущий ренегат Тихомиров, если бы он написал популярное изложение «Капитала» или учебник марксизма.

Я перехожу теперь к рассмотрению одного интересного вопроса, который, вероятно, возник и у вас. Какое положение заняли Маркс и Энгельс по отношению к агитации Лассаля? Вам известно, что Лассаль начал свою агитацию в 1862 г., когда внутри прусской буржуазной демократии возгорелась борьба по вопросу, какую тактику выбрать в борьбе с правительством. Дело в том, что еще в 1858 г. старый прусский король, который так отличался во время

революции 1848 г., окончательно сошел с ума. Сначала был назначен регентом, а после стал и королем Вильгельм, знаменитый «картечный принц», прославившийся расстрелами демократов в 1849 и в 1850 г.г. На первых порах он вынужден был затянуть либеральную песнь, но уже очень скоро между ним и палатой депутатов возник конфликт по вопросу об организации армии. Правительство хотело увеличить кадры армии и требовало установления новых налогов, либеральная буржуазия требовала определенных гарантий и контроля. На почве этого бюджетного конфликта возникли споры по вопросу о тактике, Лассаль, который все еще тесно был связан лично с демократическими и прогрессивными кругами буржуазии, настаивал на более решительной тактике. Так как всякая конституция есть только выражение фактического соотношения сил в данном обществе, то необходимо двинуть в поход против правительства, во главе которого стал тогда Бисмарк, решительный и умный реакционер, новую общественную силу.

Что эта за новая общественная сила, Лассаль показал в специальном докладе, который он прочитал для рабочих. Посвященный изложению «связи современной исторической эпохи с идеей рабочего сословия», он известен больше под названием «Программы рабочих». Это было в сущности изложение основных идей Коммунистического Манифеста, в значительной степени ослабленных и приноровленных к условиям тогдашней легальной действительности. Но в то же время это было первое со времени поражения революции 1848 г. открытое провозглашение необходимости организовать рабочий класс в самостоятельную политическую организацию, резко отграниченную от всех даже наиболее демократических буржуазных партий.

Выступление Лассаля шло на встречу тому самостоятельному движению среди рабочих, которое особенно интенсивно развивалось в Саксонии, где среди рабочих шла уже борьба между демократами и немногочисленными представителями «старой гвардии» рабочего движения 1848 г. Среди этих рабочих уже обсуждалась мысль о созыве общегерманского конгресса рабочих. Для этого в Лейпциге был

организован специальный комитет. Получив от него предложение высказаться по вопросу о целях и задачах рабочего движения, Лассаль развил свою программу в «Открытом письме», адресованном лейпцигскому комитету.

Подвергнув резкой критике программу буржуазной партии прогрессистов и средства, которые она предлагала для смягчения нужды рабочих, Лассаль выдвигает необходимость организации самостоятельной партии рабочего класса. Центральным политическим требованием для осуществления которого надо сосредоточить все силы, является завоевание всеобщего избирательного права. Что касается экономической программы, то Лассаль, опираясь на названный им «железным» закон заработной платы, показал, что никакими средствами нельзя повысить заработную плату выше определенного минимума. Он рекомендовал поэтому организацию, при помощи государственного кредита, производительных товариществ.

Для вас уже самих должно быть ясно, что Маркс не мог согласиться с таким планом. Попытка Лассаля привлечь на свою сторону Маркса окончилась неудачей. Были и еще другие причины, которые определились ясно только через несколько месяцев, когда Лассаль, желая добиться сейчас же крупного практического успеха, увлекся «реальной политикой» и, в своей борьбе с прогрессивной партией, чересчур сильно перегнул палку, унизившись до заигрывания с правительством.

Во всяком случае не подлежит никакому сомнению—и это было признано и самим Марксом,—что после продолжительного периода реакции от 1849 до 1862 г.г. именно Лассаль опять водрузил на германской почве рабочее знамя, что именно он является первым организатором немецкой рабочей партии. Это неоспоримая заслуга Лассаля.

Но в очень интенсивной, хотя и кратковременной—она длилась меньше двух лет,—организационной и политической работе Лассаля были коренные недостатки, которые еще больше должны были оттолкнуть Маркса и Энгельса, чем его недостаточная программа.

Прежде всего бросалось в глаза, что Лассаль не только не подчеркивал связи основанного им Всеобщего Германского Рабочего Союза со старым коммунистическим движением, но, наоборот, самым энергичным образом отрицал ее. Заимствуя все основные идеи из «Коммунистического Манифеста» и других работ Маркса, он старательно избегал всякой ссылки на них. И только в одном из последних своих произведений он цитирует Маркса, но не коммуниста, не революционера, а экономиста.

Лассаль об'яснял это тактическими соображениями. Он не хотел отпугивать еще недостаточно сознательные массы, которые надо было освободить от духовной опеки прогрессистов, а последние сплошь и рядом пускали в ход сказки о страшном призраке коммунизма.

Лассаль отличался большим тщеславием и любил всякий трезвон, парад и рекламу, которые так сильно действуют на неразвитые массы и отталкивают сознательных рабочих. Он любил, когда его изображали творцом немецкого рабочего движения. Но именно это отталкивало от него не только Маркса и Энгельса, но и всех ветеранов старого революционного движения. Характерно, что к нему из этих стариков присоединились только старые вейтлингианцы и фракционные противники Маркса. Прошел не один год, пока немецкие рабочие узнали, что их движение не началось только Лассалем. И чего не понимает Меринг, так это того, что Маркс и его друзья протестовали именно против этого желания ликвидировать все связи со старым революционным и подпольным движением. Это нежелание компрометировать себя старой нелегальной фирмой об'яснялось опять-таки слабостью Лассаля к «реальной политике».

Возьмем второй пункт разногласия—вопрос о всеобщем избирательном праве. Это требование было уже выставлено чартистами. Маркс и Энгельс тоже выставляли его, но они не могли согласиться с тем преувеличенным значением, которое придавал ему Лассаль, с теми доводами, которые он выдвигал. У него оно превращалось в какое-то чудодейственное средство, достаточное само по себе, чтобы, независимо от других изменений в государственной и экономиче-

ской жизни, доставить сейчас же власть рабочему классу. Кто из вас прочтет брошюры Лассаля, тот найдет в них наивное утверждение, что, сейчас же после завоевания всеобщего избирательного права, рабочие получат в парламенте чуть не 90% всех мест. Так наши народовольцы верили, что в учредительном собрании, которое будет созвано после ряда удачных покушений, крестьяне, составляющие подавляющее большинство в стране, будут иметь такое же большинство, Лассаль не понимал, что нужен еще ряд очень важных условий, чтобы превратить всеобщее избирательное право из орудия обмана народных масс в орудие их классового воспитания.

Не менее глубоко было и разногласие по вопросу о производительных ассоциациях. Для Маркса и Энгельса они были тогда уже только подчиненным средством, имеющим очень ограниченное значение, и то больше показательное, как пример, что предприниматель или капиталист не является безусловно необходимым фактором в производстве. Но видеть в производительных ассоциациях способ постепенно овладеть общественными средствами производства значило забывать, что для этого необходимо предварительно овладеть политической властью, чтобы, как это было указано в Манифесте, уже после этого провести ряд соответствующих мероприятий.

Так же резко расходились Маркс и Энгельс с Лассалем и по вопросу о роли профсоюзов. Переоценивая до крайней степени значение производительных ассоциаций, Лассаль считал совершенно бесполезной организацию профсоюзов и в этом отношении возвращался ко взглядам старых утопистов, которые были подвергнуты уже самой основательной критике в «Нищете философии» Маркса.

Не менее глубоки и практически еще более важны были разногласия в области тактики. Обвинять Маркса в том, как это делает Меринг, что он переоценивал значение прогрессистов, что он возлагал слишком большие надежды на буржуазию, мы не имеем никакого основания. Я уже читал в прошлый раз характеристику прусской буржуазии, написанную Марксом на основании опыта революции 1848 г. Мы

только что видели, какой резкой критике он подверг буржуазную демократию в полемике с Фогтом. Не в том, следовательно, дело, что Маркс, оторванный от родины, еще верил в прогрессивность прусской буржуазии, а Лассаль, лучше знакомый с прусской действительностью, уже разочаровался в ней. Разногласие заключалось в тактике по отношению к этой буржуазии. Точно так же, как во время войны между капиталистическими державами, нужно было в борьбе между прогрессивной буржуазией и Бисмарком найти, выработать такую тактику, которая бы не превращала социалистов в холопов одной из борющихся сил. Тут нужны были особая выдержка и сугубая осторожность. А именно Лассаль забывал в своей борьбе с прусскими прогрессистами, что имеется еще прусский феодализм, прусское юнкерство, которое не менее враждебно относилось к рабочим, чем буржуазия. Он бил и хлестал с полным основанием прогрессистов, но не мог удержаться в необходимых пределах и только компрометировал свое дело, обращаясь с комплиментами по адресу властей предержащих. Лассаль не стеснялся даже прибегать к совершенно недопустимым компромиссам. Так, когда в одном городе арестовали рабочих, он рекомендовал им обратиться с просьбой о помиловании к Бисмарку, который-де наверное, в пику либералам, освободит их. Рабочие отказались последовать совету Лассаля. Если взять его речи, в особенности за первую половину 1864 г., то мы найдем не мало таких промахов. Не говорю уже о переговорах с Бисмарком, которые Лассаль вел без ведома рабочей организации, рискуя нанести непоправимый вред не только своей политической репутации, но и делу, которому он служил. Можно было, приводя пример из русских условий, подвергать беспощадной критике Милюкова, но было бы непростительной ошибкой, вернее — преступлением, заигрывать со Столыпиным или Горемыкиным.

Таковы были те разногласия, которые мешали Марксу и Энгельсу поддерживать авторитетом своего имени агитацию Лассаля. Но в то же время надо подчеркнуть, что, отказав в своей поддержке Лассалю, они в то же время отка-

зались выступить против него публично и в том же направлении действовали на своих товарищей, работавших в Германии, как, например, на Либкнехта. А между тем Лассаль, очень ценивший их нейтралитет, с каждым днем все больше скатывался по наклонной плоскости. Либкнехт и другие товарищи, как из Берлина, так и из Рейнской провинции, убеждали Маркса выступить против ложной тактики Лассаля. Весьма вероятно, что дело дошло бы до открытого разрыва, если бы Лассаль не был убит 30-го августа 1864 г. А через четыре недели после его смерти, 28-го сентября 1864 г., был основан Первый Интернационал, который дал возможность Марксу вернуться к непосредственной революционной работе, на этот раз в международном масштабе. В виду огромного значения истории Первого Интернационала и выдающейся роли, которую в нем играл Маркс, мне придется ей посвятить две лекции.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Кризис 1857-8 гг.—Рост рабочего движения в Англии, Франции и Германии.—Лондонская международная выставка в 1862 г.—Гражданская война в Америке—Хлопковый голод.—Польское восстание.—Основание Первого Интернационала.—Роль Маркса.—Учредительный манифест.

В прошлый раз, товарищи, я указывал вам, что понадобилось почти десять лет, пока революционное движение, рабочее движение, которое потерпело поражение в 1848—1849 году, начало оправляться. Я показал вам, что начало этого под'ема связано с кризисом 1857—1858 гг., который приобрел уже вполне всемирный характер и даже докатился в довольно сильной форме до Москвы, до России. Я указал вам, каким образом Европа, до того времени сохранявшая наружное спокойствие, вынуждена была вновь, в лице своих правящих классов, взяться на свой манер за решение всех тех вопросов, которые были поставлены на очередь революцией 1848 года и не были ею решены. В первую очередь пришлось заняться национальным вопросом, вопросом об об'единении Италии, вопросом об об'единении Германии. Я указал вам тогда мельком, и теперь опять прибавлю, что все то революционное движение, которое в 1848—1849 годах, в сущности говоря, ограничилось только Западной Европой, которое, не захватив целиком Англии, во всяком случае в достаточной степени отразилось на ней, совсем не затронуло самой большой части Европы—России и далеких Соединенных Штатов. К концу пятидесятых годов в общую бучу влезают Россия и Соединенные Штаты. В России злободневным вопросом становится вопрос об уничтожении крепостного права. Это так назыв. эпоха великих реформ. Эпоха, когда у нас начинается революционное движение, которое к началу 60-х годов уже приобретает форму революционных подпольных обществ, из которых самым выдающимся была так называемая первая «Земля и Воля». По другой стороне Атлантического океана, в Соединенных Штатах, стал на очереди вопрос об уничтожении рабства. И вот этот вопрос еще

в большей степени, чем российский, показал, насколько мир, когда-то ограничивавшийся частью Европы, теперь стал действительно интернациональным. Совершенно далекий вопрос, вопрос, касавшийся только Соединенных Штатов, вопрос об уничтожении рабства, оказался крайне насущным и важным для самой Европы. Настолько важным вопросом, что Маркс, в предисловии к первому тому «Капитала», говорит, что война за уничтожение рабства в Америке послужила набатным колоколом для нового рабочего движения в Западной Европе. На общие политические события, которые являлись результатом этого сильного экономического потрясения, я уже указывал в прошлый раз. Сегодня я хочу остановиться несколько подробнее на самом рабочем движении.

Я начну с главной страны рабочего движения—с Англии. В Англии в 1863 году от старого революционного чартистского движения ничего не осталось, чартизм был мертв. Некоторые историки говорят о том, что чартизм умер еще в 1848 году после знаменитого опыта неудавшейся демонстрации. Но в действительности чартизм переживал еще раз период расцвета в 50-х годах во время крымской войны. Имея во главе своей Эрнеста Джонса, прекрасного оратора и блестящего публициста, поставившего, при помощи Маркса и его друзей, лучший социалистический орган того времени, чартизм в состоянии был использовать недовольство рабочих масс во время крымской войны, особенно усилившееся, когда война совершенно неожиданно затянулась. Были месяцы, когда «Народная Газета», центральный орган чартистов, являлась одной из самых влиятельных газет. Особенное внимание обратили на себя великолепные статьи Маркса, направленные против Гладстона и в особенности против Пальмерстона. Но это был только временный под'ем. Уже очень скоро после окончания войны чартисты лишились своего органа. Причиной явились не только вновь разгоревшиеся фракционные раздоры между Джонсом и его противниками. Были более существенные причины.

Первая—это колоссальный расцвет английской промышленности, который начался уже с конца 1849 года. Ма-

ленькие заминки, которые были за это время, заминки в отдельных отраслях промышленности, нисколько не нарушали общего расцвета всей промышленности в целом. Огромная масса безработных, которая была в конце 40-х годов, совершенно растворилась в этом общем промышленном разливе. Можно сказать, что английская промышленность за многие десятки лет, почти за сотни лет, начиная с первой половины XVIII столетия не нуждалась так сильно в рабочих. Второй причиной было то обстоятельство, что, начиная с 1850 г., а в особенности с 1851 до 1855 г., идет огромная эмиграционная волна из Англии в Соединенные Штаты и в далекую Австралию, где открыты богатейшие золотые россыпи. В течение нескольких лет извлечено было около 2 миллионов рабочих, которые ушли навсегда из Англии. Как всегда в таких случаях, уходили не дети, не старики, а уходили наиболее здоровые, энергичные и сильные элементы. Таким образом, рабочее движение, а вместе с ним и чартистское, теряло тот резерв, из которого оно всегда черпало свои силы. Это две основных причины. К ним прибавляется ряд других, второстепенных причин.

По мере того, как ослаблялась организация чартистская, ослаблялась и связь, которая существовала между различными формами движения. Еще в 40-х годах шла борьба между профессиональным движением и чартистским движением. Но и другие формы рабочего движения старались обособиться, отделиться от общего ствола. Эти развивались на почве известных исторических условий рабочего движения, как, например, кооперативы. Еще в 50-х годах выявляется эта особенность английского рабочего движения. Вы часто встречаетесь в его истории с различными специальными организациями, которые начинают вдруг быстро развиваться и иногда даже в организацию со многими сотнями тысяч членов. Одна, например, ставит целью борьбу с пьянством. Организация чартистская шла по линии наименьшего сопротивления. Прежде она пробовала вести борьбу с алкоголем в рамках партийных организаций. Теперь она ставит это, как особую цель, основывает специальные общества по всей Англии и таким образом отвлекает от общего рабочего

движения ряд батальонов. Это движение в Англии называлось титоталеровским, от слова «титоталер», что значит — пьющий только чай. Затем другое движение — кооперативное, во главе которого стояли так называемые христианские социалисты. В чартистском движении мы уже встречали попов. Я в беседе указывал на известного революционера попа Стефенса. Это был один из наиболее популярных ораторов в 40-х годах. После он значительно поправел. К нему примыкает ряд других таких элементов из среды филантропов и благожелателей, идущих в рабочую среду проповедовать практическое христианство. Они указывают на крушение чартистского движения, как политического, и выдвигают в первую очередь устройство кооперативных обществ. Так как это движение неопасно для господствующих классов, то ему помогают даже члены правительственной партии. К нему примыкают и некоторые представители интеллигенции, которая сочувствует страданиям рабочего класса. Таким образом, отделяется теперь и эта новая ветвь рабочего движения, которая преследует свою особую цель.

Я не буду перечислять всех таких форм и остановлюсь только на профессиональном движении. Это движение к началу 50-х годов не встречает, правда, таких благоприятных условий развития, как кооперативное движение, как движение по борьбе с алкоголизмом. Но оно все же наталкивается на меньшее сопротивление, чем старое чартистское движение. В 1851 году основывается первый в Англии прочный всеанглийский профессиональный союз машиностроительных рабочих. Во главе этого союза становится пара энергичных рабочих, которым удается побороть отличавший английское профессиональное движение чисто цеховой дух, привычку устраивать профсоюзы, ограничиваясь пределами одного или двух графств, одной или двух губерний. Не надо, конечно, забывать об особенностях английской промышленности. Вы не можете сделать из текстильного союза всеанглийского союза в нашем смысле слова по той простой причине, что главная масса текстильной промышленности в несравненно большей степени, чем у нас, сосредоточивается в Англии на малом клочке земли. Почти

вся масса английских текстильных рабочих скучена в двух графствах. И понятно, что тут губернский союз почти совпадает с нашими всероссийским союзом. Ведь, и у нас текстильная промышленность сосредоточена главным образом в Московской и Иваново-Вознесенской губ. Главная беда английских профсоюзов заключалась не в их местной ограниченности, а в цеховой. Каждая отдельная профессия в пределах одной промышленности, как, например, текстильной, норовит организоваться в отдельный союз. Поэтому, хотя профдвижение и начало сильно развиваться в пятидесятых годах, оно не в состоянии было создать организационных форм, направленных для борьбы с предпринимателями в широком масштабе. Пока промышленность переживала пору расцвета, огромная масса рабочих легко добивалась повышения заработной платы. Больше того—предприниматели шли им на встречу, конкурируя друг с другом, чтобы перехватить рабочих, которых было слишком мало для потребностей различных новых отраслей промышленности. Как раз в эти годы капиталисты стараются привлечь в Англию континентальных рабочих—немцев, французов, бельгийцев.

При этих условиях профессиональное движение, хотя и росло, оставалось все же на низком уровне развития. Отдельные профсоюзы, возникшие в различных подразделениях одной и то же отрасли промышленности, оставались раз'единичными не только в пределах всей страны, но и в границах одного города. Не существовало еще даже местных советов.

Кризис 1857—58 гг. внес и в эту сферу крупные изменения. Я вам уже только что сообщил, что наиболее организованным профсоюзом был союз машиностроительных рабочих, наиболее квалифицированных. Вместе с текстильной промышленностью, производство машин принадлежало к числу тех, котоые работали не только на внутренний рынок. Начиная с 50-х годов, обе становятся привилегированными отраслями промышленности, пользующимися монополией на всемирном рынке, квалифицированные рабочие в них легко добиваются уступок со стороны предпринимателей, получающих огромную прибыль. Таким образом, в этих

двух отраслях промышленности уже тогда начали создаваться условия «гражданского мира» между предпринимателями и рабочими. Влияние кризиса, несмотря на его остроту, быстро проходит. Расстояние между квалифицированными и неквалифицированными рабочими увеличивается, а это в свою очередь ослабляет стачечное движение в этих отраслях промышленности.

Но не все рабочие были так спокойны. Кризис особенно сильно отразился на строительной промышленности и на строительных рабочих, которые с этого времени выдвигаются на первый план в борьбе английского рабочего класса, как в тридцатых и сороковых годах, в эпоху чартизма, текстильщики, в пятидесятых—машиностроительные рабочие.

Развитие капитализма повлекло за собой необычайный рост городского населения, а следовательно и спрос на квартиры. Отсюда необычайный расцвет строительной промышленности. Если в начале сороковых годов Англия была охвачена железнодорожной горячкой, то в начале пятидесятых ее сменяет строительная горячка. Дома строятся тысячами. Они в полном смысле слова выбрасывались на рынок, как всякий другой товар. Строительное дело, по своей технической организации, оставалось еще на ступени мануфактуры, но уже попало в руки крупных капиталистов.

Английский подрядчик-строитель арендовал большой участок земли и застраивал его сотнями домов, которые он после сдавал в аренду или продавал. Английские дома не похожи на наши, обыкновенно—это маленькие кирпичные домики, построенные по одному образцу, иногда в два и два с половиной этажа, которые по вместимости не больше московской квартиры в 4—5 комнат, с той только разницей, что эти комнаты поставлены одна над другой. Правда, это дает возможность некоторым, особенно континентальным экономистам, рассказывать басни об английских рабочих, которые занимают целый дом. В действительности, эти домики переполнены жильцами не меньше любой ночлежки.

Развитие этой строительной промышленности вытянуло из деревень огромную массу рабочих. Вам известно, что это довольно сложная промышленность, для которой требуются

самые разнообразные рабочие. Тут и деревообделочники, плотники, маляры, каменщики, обойщики, одним словом, все те рабочие, которые принимают участие не только в постройке домов, но и в их отделке и убранстве. С развитием строительного дела тесно связано развитие мебельного, обойного и художественного ремесла. Тот же сильный рост городского населения дал толчок развитию крупной промышленности в сапожном и портняжном деле.

Так вот, кризис 1857—58 гг. особенно сильно отразился на этих новых отраслях капиталистического производства. Он оставил без работы огромные массы рабочих, создал резервную армию безработных, которая давила на занятых рабочих. Предприниматели решили воспользоваться этим и со своей стороны произвести нажим на рабочих, понизить заработную плату и увеличить рабочее время. К великому их удивлению, рабочие ответили на это в 1859 г. массовой забастовкой. Это была одна из самых крупных забастовок в Лондоне. К еще большему удивлению предпринимателей, забастовка строительных рабочих встретила поддержку со стороны других категорий рабочих всех вновь возникших отраслей промышленности. Эта забастовка строительных рабочих в 1859 г. привлекла к себе в Европе не меньшее внимание, чем происходившие тогда крупные политические события. Даже в московских газетах и журналах я находил более подробные корреспонденции об этой забастовке, чем я иногда нахожу в советских газетах о некоторых забастовках, происходящих в Западной Европе. В связи с этой забастовкой происходил ряд собраний и митингов. Среди ораторов мы часто встречаем фамилию К р е м е р а. На митинге в Гайдпарке он заявил, что забастовка строительных рабочих есть первая стычка между экономией труда и экономией капитала. Кроме него развивают большую агитационную работу и другие рабочие, как Оджер. Выпускаются прокламации. Должен сказать, что знаменитый разговор в I-м томе «Капитала» между рабочим и капиталистом,—одна из самых блестящих страниц в Капитале,—есть местами почти буквальное повторение прокламации, выпущенной рабочими во время забастовки 1859—60 года.

В результате этой забастовки, которая через некоторое время закончилась компромиссом, в Лондоне организовался впервые совет профессиональных союзов. Во главе этого совета стояли три главных лица: Оджер, Кремер и Гоуэлль. Все это рабочие, которых вы встретите в первом генеральном совете Первого Интернационала. Уже в 1861 году лондонский совет профес. союзов является одной из влиятельнейших организаций. Он в то же время превращается, как и наши первые советы, в политическую организацию. Он старается откликаться на все те события, которые занимают рабочих. По его примеру, в некоторых местах Англии и Шотландии образуются соответствующие советы профсоюзов, так что в 1862 году в Англии имеются уже опять классовые рабочие организации. В первом ряду стоят, как политические и экономические центры, советы профессиональных союзов.

Посмотрим теперь на Францию. Во Франции кризис действует не менее свирепо. Он отразился сильно не только на текстильной промышленности, он повлиял и на все те отрасли производства, которыми славится парижская промышленность. Я вам уже говорил, что и война, которую затеял Наполеон в 1859 году, была одним из средств отвлечь в сторону это недовольство рабочих. К началу 60-х годов этот кризис особенно отражается на парижской промышленности, на промышленности, которая носит совершенно особый характер: это промышленность так называемого художественного ремесла. Но Париж был также крупным городским центром, сильно развивавшимся в 50-х годах, быстро перестраивавшимся. Одной из крупных реформ, которую проводил Наполеон, была перестройка целого ряда парижских кварталов, уничтожение старых узких улиц и превращение их в широкие, на которых невозможна была бы постройка баррикад. Это так называемая гаусманизация Парижа, ибо во главе этого дела стоял префект города Гаусман, который систематически в течение нескольких лет перестраивал город. Это привело к тому же следствию, что и в Лондоне: к скоплению огромной массы строительных рабочих. Именно

они со всеми их разнообразными подразделениями от чернорабочих до высококвалифицированных, с одной стороны, и рабочие, занятые в производстве предметов роскоши, представители художественного ремесла — с другой — доставили главные кадры для нового массового рабочего движения, развернувшегося с начала шестидесятых годов. Когда вы знакомитесь подробно с историей Первого Интернационала во Франции, вы сейчас же замечаете, что большинство его членов, и среди них наиболее выдающиеся, вышли из среды квалифицированных рабочих строительной промышленности и художественного ремесла.

С оживлением рабочего движения в начале шестидесятых годов просыпаются опять к жизни старые социалистические группы. В первую очередь приходится отметить прудонизм. Сам Прудон был еще в это время жив. Одно время он сидел в тюрьме, эмигрировал в Бельгию и оказывал известное влияние на рабочее движение, как непосредственно, так и через своих последователей. Но тот прудонизм, который проповедовался им в начале шестидесятых годов, был уже несколько иного рода, чем тот, который он развивал, когда с ним полемизировал Маркс.

Теперь это была совсем мирная теория, приспособленная к легальному рабочему движению. Прудонисты ставили себе целью улучшить положение рабочих, при чем средства, которые предлагались, были главным образом приспособлены к положению ремесленников. Во главе их стояло удешевление кредита, если возможно—даровой кредит, а для этого рекомендовалась организация кредитных товариществ, члены которых помогали бы взаимно друг другу, обменивались бы взаимно услугами. Отсюда название, которое вы встречали вероятно в русских книжках—мютюэлисты, взаимники. Общества взаимопомощи, никаких стачек, легализация рабочих обществ, даровой кредит, отказ от непосредственной политической борьбы, желание добиться улучшения своего положения путем одной только экономической борьбы, при чем эта борьба никогда не мыслится, как борьба, направленная против основ капиталистического

строя,—так можно резюмировать программу тогдашних мютюэлистов, которые в некоторых отношениях были умереннее своего учителя.

Рядом с этой группой мы находим еще более правую, во главе которой стояли—употребляя хорошо известный москвичам термин—тогдашние зубатовцы. Они старались купить рабочих при помощи материальных подачек. Лидером был один журналист Арман Леви, когда-то тесно связанный с польской эмиграцией, воспитатель детей польского поэта Мицкевича. Он находился в близких сношениях с тем самым принцем Плон-Плоном, которого мы уже знаем, как покровителя господина Фогта.

Третья—самая немногочисленная, но зато состоявшая из революционеров—была группа бланкистов, которые тогда возобновили свою работу, как среди рабочих, так и среди интеллигенции, среди студенчества и литературной братии. В числе этой молодежи мы встречаем Поля Лафарга и Шарля Лонге. И тот, и другой после стали зятьями Маркса.

Вертелся в этих кружках и до сих пор еще живущий Клемансо. Все эти молодые люди и рабочие находились под сильным влиянием самого Бланки, который, правда, сидел тогда в тюрьме, но поддерживал оживленные сношения с волей и имел свидания с представителями этой молодежи. Бланкисты являлись самыми непримиримыми врагами наполеоновской империи и ярыми подпольщиками.

Таково было положение рабочего движения в Англии и во Франции к 1862 г., когда произошел ряд событий, вызвавших более тесное сближение между французскими и английскими рабочими. Внешним поводом послужило устройство всемирной выставки в Лондоне. Такой международный базар являлся продуктом новой стадии капиталистического производства, той крупной промышленности, которая превратила отдельные страны в части мирового хозяйства. Первая выставка была устроена после февральской революции, в Лондоне в 1851 г. Вторая—в Париже в 1855 г. Третья—опять в Лондоне.

В связи с этой выставкой началась в Париже агитация среди рабочих. Группа французских зубатовцев или, если

хотите, ушаковцев, пользуясь связями Армана Леви, обратилась к председателю той комиссии, которая должна была организовать французский отдел на лондонской выставке. Этим председателем был все тот же Плон-Плон. Он устроил выдачу субсидий для отправки рабочей делегации на лондонскую выставку.

На этой почве завязались споры по всем парижским мастерским. Бланкисты, конечно, высказались самым резким образом против такой подачки от правительства. Но другая группа, среди которой преобладали мютюэлисты, держалась другого взгляда. Они выдвинули меньшевистскую тактику. Необходимо использовать эту легальную возможность. Деньги даются вообще на отправку рабочих. Потребуем, чтобы делегация не назначалась сверху, а выбиралась по мастерским. Мы используем эти выборы для агитации и постараемся провести своих кандидатов.

Одержала верх точка зрения этой группы, во главе которой стояли два рабочих, Толэн и Перрашон. Выборы по мастерским были разрешены, и прошли почти все члены второй группы. Бланкисты бойкотировали выборы, а зубатовцы поголовно провалились. Так организовалась рабочая делегация из Парижа. Характерно, что и из Германии тогда тоже была отправлена делегация в Лондон, связанная с той группой рабочих, которая взяла на себя организацию рабочего с'езда и обратилась к Лассалю.

Таким образом, всемирная выставка в Лондоне создала возможность встречи французских, английских и немецких рабочих. И она действительно произошла. Некоторые историки Интернационала ведут начало его со времени этого собрания. Я уже рекомендовал вам книгу тов. Стеклова по истории Интернационала. Посмотрим, что он пишет об этой встрече.

«Поводом к сближению и сговору английских и континентальных рабочих послужила всемирная выставка 1862 г. в Лондоне..... 5-го августа 1862 г. состоялся торжественный приём семидесяти делегатов от французских рабочих их английскими товарищами, при чем в речах высказана была мысль о необходимости установить международную связь

между пролетариями, имеющими, как люди, граждане и трудящиеся, одинаковые интересы и стремления».

К сожалению, это только легенда. На самом деле это собрание, как я уже давно показал, носило совершенно другой характер. Оно происходило при участии и с одобрения представителей буржуазии и правящих классов. И речи, которые на нем говорились, не обидели ни одного предпринимателя и не обеспокоили ни одного полицейского, так как со стороны английских капиталистов в нем приняли участие как раз те, которые во время стачки строительных рабочих являлись лидерами подрядчиков. Достаточно сказать, что английские профессионалисты демонстративно не приняли никакого участия в этом митинге. Вот почему его никоим образом нельзя рассматривать, как исходный пункт Интернационала.

Верно только одно: если приехали рабочие из Франции и Германии, они в Лондоне должны были встретиться с французскими и немецкими рабочими, которые эмигрировали после 1848 г. А местом, где встречались рабочие различных национальностей в пятидесятых и шестидесятых годах, было знакомое уже всем вам просветительное рабочее общество, основанное в феврале 1840 г. Шаппером и его товарищами. Столовка и чайная этого общества расположены были как раз в квартале, где и тогда, и позже селились иностранцы. Он служил таким центром и в более поздние годы до самой империалистической войны, одной из первых жертв которой явилось на 74 году от роду немецкое рабочее общество. Я убедился лично в этом, когда приезжал в Лондон для работы в Британском музее в 1909 и 1910 гг. Не было еще другого такого места, где можно было бы встретить так много иностранных рабочих. Английское правительство поспешило закрыть этот клуб сейчас же после об'явления войны.

Там несомненно познакомились некоторые члены французской делегации со старыми французскими эмигрантами, как и немецкие рабочие из Лейпцига и Берлина со своими старыми товарищами. Но это были, конечно, только случай-

ные связи, которые, сами по себе, так же мало могли привести к основанию Интернационала, как и собрание 5-го августа, которому т. Стеклов придает, вслед за другими историками, такое большое значение.

Но тут на помощь явились два очень важных события. Первым из них является гражданская война в Соединенных Штатах. Я уже говорил вам о том, что в порядке дня стоял вопрос об уничтожении рабства. Он настолько обострился и привел к такому сильному конфликту между Южными и Северными Штатами, что первые для сохранения рабства решили отложиться и сделаться самостоятельной республикой. В результате вспыхнула война, которая повлекла за собой неожиданные и неприятные последствия для всего капиталистического мира. Южные Штаты являлись тогда почти монопольным производителем хлопка для хлопчато-бумажной промышленности всего мира. Египетский хлопок тогда еще не играл никакой роли, и совсем не было ни остиндского, ни туркестанского хлопка. Таким образом, Европа внезапно осталась без хлопка. Как раз тогда, когда вся промышленность вообще уже совершенно оправилась после кризиса 1857—58 г.г., в таком важном отделе текстильной промышленности, как хлопчато-бумажная, разразился жесточайший кризис, от которого пострадала не только английская, но и французская, и германская, и даже наша молодая хлопчато-бумажная промышленность, как это показывает пример Прохоровки, потерпевшей тогда сильные убытки. Недостаток в хлопке или хлопковый голод, как его обычно называют, привел к сильному вздорожанию и всех других сортов сырья в текстильной промышленности. Крупные капиталисты, конечно, пострадали меньше всех, но мелкие и средние капиталисты, поспешили закрыть свои фабрики. Десятки, даже сотни тысяч рабочих в Европе были обречены на голодную смерть.

Правительства ограничились жалкими подачками. Английские рабочие, которые только недавно, во время забастовки строительных рабочих, показали пример солидарности, взялись и теперь за дело организации помощи. Инициатива принадлежала лондонскому совету профсоюзов.

Был организован специальный комитет, среди членов которого мы встречаем опять знакомые уже нам имена. Во Франции тоже организовался специальный комитет с той же целью. Во главе его стояли представители той группы, которая провела выборы рабочей делегации для лондонской выставки. Между обоими комитетами завязались сношения. Таким образом, английские и французские рабочие получили новое доказательство того, какая тесная связь существует между интересами рабочих различных стран. Гражданская война в Соединенных Штатах оказались таким образом причиной сильнейшего потрясения всей экономической жизни Европы и с одинаковой силой ударила по английским, французским, немецким и даже русским рабочим в Московской и Владимирской губерниях. Поэтому Маркс в предисловии к первому тому «Капитала» пишет, что американская гражданская война в XIX столетии сыграла по отношению к рабочему классу такую же роль набатного колокола, как в XVIII столетии американская война за независимость против Англии по отношению к французской буржуазии и великой французской революции.

А тут случилось и другое событие, которое опять-таки одинаково интересовало рабочих различных стран. В России только что пало крепостное право. Пришлось провести ряд реформ и в других отраслях государственной и экономической жизни. А вместе с тем усиливалось и революционное движение, выставлявшее более радикальные требования. Зашевелились и окраины, в том числе Польша. Царское правительство ухватилось за этот повод, чтобы одним ударом справиться не только с внешней, но и с внутренней крамолой. Оно провоцирует восстание в Польше и в то же время, при помощи Каткова и других продажных писак, разжигает великорусский квасной патриотизм. Для подавления польского восстания командируются знаменитый вешатель Муравьев и подобные ему звери.

В Западной Европе, где русский царизм пользовался всеобщей ненавистью, восставшие поляки вызывают, как и в 1831 г., живейшее сочувствие. Правительства, как во Франции, так и в Англии, предоставляют полную свободу дей-

ствия защитникам польских повстанцев, чтобы дать известный выход накопившемуся недовольству рабочих. Устраивается ряд собраний и организуется комитет во Франции, во главе которого мы встречаем все тех же Толэна и Перрашона. В Англии во главе движения в пользу поляков становятся со стороны рабочих Кремер и Оджер, а со стороны радикальной интеллигенции профессор Бизли.

Уже в апреле 1863 г. они созывают огромный митинг в Лондоне, где выступает с речью в защиту поляков Кремер. Председательствует профессор Бизли. Собрание принимает резолюцию, в которой постановляется произвести совместно с французскими рабочими давление на свои правительства с целью добиться интервенции в пользу поляков. Решено было устроить международный митинг. Он состоялся в Лондоне 22-го июля 1863 г. Председательствует все тот же Бизли. От английских рабочих выступали Оджер и Кремер, от французских—Толэн. Все они доказывают необходимость восстановления независимой Польши. Ни слова о каких-нибудь других делах. Но на другой день состоялось новое собрание, о котором историки Интернационала обычно ничего не говорят. Оно было устроено по инициативе лондонского совета профсоюзов, на этот раз без участия буржуазных элементов. Оджер доказывал необходимость более тесной связи между английскими и континентальными рабочими. Вопрос был поставлен практически. Я уже говорил вам, что английским рабочим приходилось считаться с большой конкурренцией как французских и бельгийских, так и, в особенности, немецких рабочих. В начале шестидесятых годов хлебопекарный промысел, в котором окончательно возобладали крупные предприятия, обслуживался в значительной степени немецкими рабочими. В строительной, мебельной и художественной промышленности работали многочисленные французы. Поэтому английские профессионалисты особенно дорожили всякой возможностью повлиять на приезжавших в Англию иностранных рабочих, а это легче всего было достигнуть при помощи организации, которая бы об'единила рабочих различных национальностей.

Решено было, что английские рабочие пошлют соответственный адрес французским рабочим. Прошло почти три месяца, пока проект этого адреса был представлен для одобрения лондонским профессионалистам. Он написан был, главным образом, Оджером, наверное, вспомнившим своего коллегу по ремеслу, Томаса Гарон, который в конце XVIII столетия посылал такой же адрес сочувствия французским революционерам.

К этому времени польское восстание было уже подавлено царскими палачами с неслыханной жестокостью. Адрес почти не упоминает о нем. Чтобы дать вам представление о его характере, я прочту вам маленькую выдержку.

«Братство народов крайне необходимо в интересах рабочих. Ибо каждый раз, когда мы пытаемся улучшить свое положение путем сокращения рабочего дня или повышения заработной платы, капиталисты грозят нам привлечением французских, бельгийских, немецких рабочих, которые могут выполнить нашу работу за более низкую плату. К сожалению, эта угроза часто приводится в исполнение. В этом, конечно, виновата не злая воля наших континентальных товарищей, а исключительно отсутствие правильных связей между наемными рабочими разных стран. Надо, однако, надеяться, что такому положению скоро наступит конец, так как наше стремление поднять низко оплачиваемых рабочих на один уровень с более высоко оплачиваемыми, помешает вскоре предпринимателям пользоваться одними из нас против других с целью возможного понижения нашего жизненного уровня в соответствии с их торгашеским духом».

Адрес был переведен на французский язык профессором Бизли и отправлен в Париж только в ноябре 1863 г. В Париже он послужил материалом для агитации по мастерским. Но ответ французских рабочих сильно запоздал. Дело в том, что в Париже готовились к предстоявшим в марте 1864 года дополнительным выборам в законодательный корпус, как называлась тогда палата депутатов. И вот группа рабочих, во главе которых мы находим опять Толэна и Перрашона, выдвигают крайне

важный вопрос: должны ли рабочие выставить своего собственного кандидата или ограничиться поддержкой радикальных кандидатов. Другими словами, следует ли отмежеваться от буржуазной оппозиции и выступить с особой платформой или итти в хвосте буржуазных партий. Вопрос этот горячо обсуждался в конце 1863 и начале 1864 г. Решено было выступить отдельно и выставить кандидатуру Толэна. В связи с этим принято было также мотивировать этот откол от буржуазной демократии в особой платформе, которая получила, по числу подписей, название «Манифеста шестидесяти».

В своей теоретической части, в критике, которой он подвергает буржуазный строй, этот манифест стоит целиком на точке зрения Прудона. Но он в то же время круто отступает от политической программы учителя и выдвигает необходимость особой политической организации для рабочих и выставления классовых кандидатур, чтобы отстаивать в парламенте интересы рабочих.

Прудон горячо приветствовал «Манифест шестидесяти» и написал по его поводу книгу, которая является одной из его лучших работ. Он работал над нею в последние месяцы своей жизни и не дожил до выхода ее в свет. Книжка эта носит заглавие «О политической способности рабочего класса». Прудон впервые признает за рабочим классом право на самостоятельную классовую организацию. Он приветствует новую программу парижских рабочих, как лучшее свидетельство тех огромных политических способностей, которые скрываются в среде рабочего класса. Несмотря на то, что он остается на своей старой точке зрения и по вопросу о стачках, и по вопросу об ассоциациях взаимопомощи, книга эта больше всего напоминает его первое сочинение «О собственности» и по духу протеста против буржуазного общества, и по своему пролетарскому уклону. Эта апология рабочего класса стала одной из любимых книг французских рабочих. И когда вам рассказывают о влиянии прудонизма в эпоху Первого Интернационала, то не надо забывать, что это было влияние той формы прудонизма, которая сложилась после опубликования «Манифеста шестидесяти». В

этой же форме прудонизм оказал большое влияние и на взгляды революционной интеллигенции в России. Посмертная книга Прудона была переведена на русский язык известным нашим публицистом Ник. Михайловским, который многому научился из нее.

Прошел почти год, пока парижские рабочие составили ответный адрес. Выбрана была специальная делегация, чтобы отвезти его в Лондон. Для приема этой делегации было 28-го сентября 1864 г. устроено собрание в зале святого Мартина, тогда очень известном помещении в центре города. Председательствовал Бизли. Зал был переполнен. Сначала Оджер прочитал адрес английских рабочих. Ответный адрес французов был прочитан Толэном. Вот маленькая выдержка.

«Промышленный прогресс, разделение труда, свобода торговли—вот три фактора, которые должны приковать к себе наше внимание, ибо они обещают весьма существенно изменить экономическую жизнь общества. Вынужденные силою вещей и потребностями времени, капиталисты об'единились в могущественные финансовые и промышленные союзы. Если мы не примем мер обороны, мы будем беспощадно раздавлены. Мы, рабочие всех стран, должны об'единиться и поставить непреодолимую преграду порядку вещей, угрожающему разделить человечество на массу голодных и озверелых людей, с одной стороны, и на клику денежных тузов и откормленных китайских болванов, с другой. Будем помогать друг другу в достижении нашей цели».

Французские рабочие даже привезли с собой проект такой организации. В Лондоне учреждается центральная комиссия из представителей всех стран, а во всех главных городах Европы создаются подкомиссии, находящиеся в сношениях с этой центральной комиссией, которая ставит на обсуждение их те или иные вопросы. Центр подытоживает результаты обсуждения. Для окончательного установления формы организации должен быть созван международный конгресс в Бельгии.

Вы меня спросите, товарищи: а где же Маркс, какое участие принимал он во всем этом? Никакого. Я нарочно

так подробно рассказал вам, как подготовлялся день 28-го сентября 1864 г., день, с которого мы начинаем историю Первого Интернационала, чтобы вы знали, что от первого шага до последнего, сделанного на этом собрании, это дело самих рабочих. Я до сих пор мог ни разу даже не упомянуть имени Маркса. И все же в этот знаменательный день он сидел в качестве приглашенного в гости на трибуне. Каким же образом он попал на это собрание? Ответ на этот вопрос дает нам маленькая записка, которую я случайно нашел среди разных бумаг Маркса:

«Господину Марксу. Милостивый государь. Комитет по организации митинга просит вас почтительно не отказать в своем присутствии. Пред'явление настоящей записки даст вам доступ в ту комнату, где в семь с половиной часов соберется комитет.

Преданный вам К р е м е р».

Когда я нашел это письмо, я задал себе вопрос—что побудило Кремера пригласить именно Маркса? Почему не получили этого приглашения многие другие эмигранты, наполнявшие тогда Лондон, более близкие к французам или к англичанам? Почему он был выбран в комитет будущего международного общества?

На этот счет можно строить только предположения. Самым вероятным является следующее. Я уже указывал вам на роль, которую играло немецкое общество рабочих, как центральное место, где встречались в Лондоне рабочие различных национальностей. Еще в большей степени оно сделалось таким центром, когда сами английские рабочие пришли к взгляду, что необходимо связаться с немцами для ослабления вредных последствий конкурренции рабочих, которых предприниматели привлекали через разных агентов в Лондон. Отсюда и тесные личные связи с членами бывшего Союза Коммунистов—Эккариусом, Леснером и Пфендером. Первые два были заняты в портняжном деле, третий, как маляр и живописец, в строительной промышленности. Все они принимали деятельное участие в лондонском профессиональном движении и были хорошо знакомы с организаторами и руководителями лондонского совета проф-

союзов. Вам уже не трудно догадаться, что таким путем стал известен и Оджеру и Кремеру доктор Маркс, который, как раз во время дела с г. Фогтом, опять возобновил сношения с немецким рабочим обществом.

Настоящая роль Маркса, который, как вы видите, не был основателем Первого Интернационала, но стал действительно очень скоро его главным духовным руководителем, начинается только после его основания. Вы видели, что выбранный на собрании 28-го сентября комитет в сущности не получил никаких директив. Не было ни программы, ни устава, ни даже имени. В Лондоне тогда уже существовало такое международное общество «Всеобщая Лига», которая предложила свое гостеприимство комитету. И когда вы читаете протокол первого его собрания, вы находите там и представителей этой Лиги, очень благожелательных буржуа. Новому комитету представители Лиги предлагали вовсе не основывать нового общества, другие говорили об организации нового международного общества, в которое могли бы входить не только рабочие, в которое могли бы войти все, кому дорого международное об'единение, улучшение экономического и политического положения трудящихся масс. И только благодаря настоянию двух рабочих, Эккариуса и Витлока, бывшего чартиста, решено было присвоить новому обществу название «Международного общества рабочих». Это предложение было поддержано англичанами, среди которых было несколько чартистов, членов старого «Общества рабочих», колыбели чартистской партии.

Новое название сразу определило отличительный характер нового международного общества. Оно сейчас же отшатнуло от него тех добрых буржуа, которые сидели во Всеобщей Лиге. Комитету предложено было искать себе другое помещение. К счастью, членам комитета удалось найти маленькую комнату недалеко от немецкого рабочего общества в квартале, где жили эмигранты и иностранные рабочие.

Как только окрестили общество, взялись за составление программы и статутов. Чтобы понять, что за этим последовало, вам нужно представить себе картину заседания исполнительного комитета в Петрограде или Москве, на котором

происходит борьба между несколькими фракциями или партиями. Лучший способ при проведении своей резолюции— это обеспечить себе большинство. Это прекрасно знает член любого районного комитета. Это знали не менее хорошо и члены комитета Интернационала. И уже, конечно, по дороге на заседание не забывали захватить с собой приятелей. Беда была только в том, что комитет состоял из самых разнообразных элементов.

Там были в первую голову англичане, сами распадавшиеся на несколько групп. Среди них были профессионалисты, старые чартисты, были даже старые оуэнисты, последователи великого утописта Оуэна. Были французы, очень плохо разбиравшиеся в экономических вопросах, но считавшиеся специалистами по части революции. Были итальянцы, тогда очень влиятельные, потому что во главе их стоял весьма популярный среди англичан старый революционер Мадзини, ярый республиканец и в то же время верующий человек. Были и польские эмигранты, для которых на первом плане стоял польский вопрос.

Было, наконец, и несколько немцев, правда, все бывшие члены Союза Коммунистов — Экариус, Лесснер, Лохнер, Пфендер и, наконец, Маркс.

Представлены были разные проекты. Кроме уже известного нам французского, еще итальянский, построенный по такому же типу. В подкомиссии, в которой принял участие Маркс, он защищал свои тезисы и, в конце концов, ему предложено было представить свой проект пленуму комитета. И вот на четвертом заседании—запомните, что это происходило 1-го ноября 1864 г.,—проект Маркса, с незначительными редакционными изменениями, был принят подавляющим большинством.

Как же это случилось? Должен с самого начала сказать вам, с риском скомпрометировать в ваших глазах Маркса, что без компромиссов, без соглашательства, дело не обошлось. Компромисс состоял в том, как пишет сам Маркс в своем письме к Энгельсу, что ему «пришлось ввести в устав и программу несколько таких словечек, как «право», «прав-

ственность» и «справедливость», но он их так вставил, что они не могут принести вреда».

Но не в этом заключается секрет удачи Маркса, секрет того, что ему удалось в таком разнородном собрании добиться почти единогласного признания своих тезисов. Секрет заключается в том необычайном мастерстве,—и это признавал даже такой враг Маркса, как Бакунин,—с которым написан учредительный Манифест Интернационала. Как признается Маркс в том же самом письме к Энгельсу, было в высшей степени трудно так повернуть дело, чтобы наши, т.-е. коммунистические, взгляды облечь в такую форму, которая сделала бы их приемлемыми для тогдашней ступени развития рабочего движения. Говорить смелым и революционным языком Коммунистического Манифеста нельзя было. Нужно было стараться быть по существу резким, но по форме умеренным. И Маркс действительно справился с этой задачей самым блестящим образом.

Учредительный адрес или Манифест был написан через семнадцать лет после Коммунистического Манифеста. Автором обоих документов был один и тот же человек, но сильно отличались между собою не только эпохи, когда они были писаны, но и организации, для которых и от имени которых они были писаны. Коммунистический Манифест был составлен по поручению маленькой группы революционеров и коммунистов для еще очень молодого рабочего движения. Но и тогда уже коммунисты подчеркивали, что они не выставляют никаких особых принципов, которые они желали бы навязать рабочему движению, что они стараются только выделить в этом движении общие, независимые от национальности, интересы пролетариата всех стран.

В 1864 году рабочее движение сильно разрослось, стало более массовым, но сильно отставало, по степени развития классового самосознания, от маленького революционного авангарда 1848 года. Отстал в неменьшей степени и новый генеральный штаб этого движения, от имени которого писал теперь Маркс. Надо было писать новый Манифест, считаясь с тогдашним уровнем развития рабочего движения и его руководителей, но в то же время не отказываясь ни от одно-

го из принципиальных положений, выставленных в Коммунистическом Манифесте.

Вам хорошо известна, товарищи, выдвинутая Коминтерном тактика единого фронта. Так вот Маркс в своем новом манифесте дал классический образец применения этой тактики. Он формулировал в нем требования и подчеркнул все пункты, на которых могли и должны были об'единиться рабочие массы, на основе которых могло бы дальше развиваться классовое движение рабочих. Из формулированных Марксом непосредственных классовых требований пролетариата логически вытекали и дальнейшие требования Коммунистического Манифеста.

И во всех этих отношениях Маркс имел, конечно, колоссальнейшее преимущество и пред Мадзини, и пред французскими революционерами, и пред английскими социалистами, сидевшими в комитете Интернационала. Он сам тоже, не изменяя своих основных принципов, проделал за эти семнадцать лет огромную работу. К этому времени он уже закончил первый набросок своего гигантского труда и занимался окончательной отделкой первого тома «Капитала». Маркс был тогда единственным человеком в мире, который так основательно изучил положение рабочего класса, понял так глубоко весь механизм капиталистического общества. Во всей Англии не было ни одного человека, который дал себе труд так основательно изучить все отчеты английских фабричных инспекторов и труды парламентских комиссий, исследовавших положение различных отраслей промышленности и различных категорий городского и сельского пролетариата. Марксу это дело было несравненно лучше известно, чем рабочим членам комитета. Если там сидели булочники, которые прекрасно знали положение дел в своем ремесле, если там сидели сапожники, которые лучше всего знали, где жмет им сапог, если там были плотники и маляры, великолепно знавшие положение строительных рабочих, то там был один только Маркс, знавший на зубок положение самых различных категорий рабочего класса и умевший поставить это положение в связь с общими законами капиталистического производства.

Великое искусство агитатора сказывается в самом построении манифеста. Как в Коммунистическом Манифесте Маркс исходит из основного факта всего исторического развития, всего политического движения, — борьбы классов,—так в новом манифесте он тоже начинает не с общих фраз, не с высоких материй, а с фактов, характеризующих положение рабочего класса.

«Весьма важен тот факт, что с 1848 по 1864 год нужда рабочего класса не уменьшалась, а между тем этот период по развитию промышленности и росту торговли не имеет себе равного в истории».

И Маркс, ссылаясь на речь Гладстона в палате общин, показывает, что, несмотря на увеличение торговли Великобритании с 1843 года в три раза, человеческая жизнь в девяти случаях из десяти представляет упорную борьбу за одну только возможность существования. Оказывается, что преступники и ссыльные питаются лучше, чем многие категории рабочих.

Ссылаясь все время на исследования парламентских комиссий, Маркс рисует картину недоедания, вырождения, болезненности огромных масс рабочего класса. А на ряду с этим баснословный рост богатства имущих классов.

И Маркс делает вывод, что, вопреки утверждениям буржуазных экономистов, ни усовершенствование машин, ни приложение науки к промышленности, ни развитие новых путей сообщения, ни открытие новых колоний, ни эмиграция, ни создание новых рынков, ни свобода торговли не способны уничтожить бедствия рабочего класса. Отсюда следует заключение, как и в Коммунистическом Манифесте, что до тех пор, пока общественный строй будет покоиться на старых основах, всякое новое развитие производительной силы труда только расширит и углубит ту пропасть, которая разделяет теперь различные классы, и еще ярче выявит существующий между ними антагонизм.

Указав причины, которые способствовали поражению рабочего класса в 1848 г. и вызвали у него апатию,

характеризующую десятилетие 1849—1859 г.г., Маркс выдвигает и несколько завоеваний, сделанных рабочими в течение этого периода.

Во-первых, закон о десятичасовом рабочем дне. Он доказал, вопреки всем утверждениям прихвостней капитала, что сокращение рабочего времени не только не повредило развитию производительности труда, но, наоборот, повысило ее. Кроме того, он знаменовал победу принципа вмешательства государства в область экономических отношений над старым принципом свободной конкурренции. И Маркс опять делает вывод, как и в Коммунистическом Манифесте, о необходимости для рабочего класса подвергнуть производство контролю и руководству всего общества, а именно такое общественное производство и есть основной принцип политической экономии рабочего класса. Таким образом, закон о десятичасовом рабочем дне был не только практическим успехом. Он знаменовал также победу политической экономии рабочего класса над политической экономией буржуазии.

Другое достижение—это кооперативные фабрики, основанные по инициативе рабочих. Но, в отличие от Лассаля, для которого производительные ассоциации являлись исходным пунктом преобразования всего общества, Маркс не преувеличивает их практического значения. Наоборот, он выдвигает их опять-таки только для того, чтобы показать широким массам рабочих, что производство в большом масштабе и в полном соответствии с требованиями науки может итти и развиваться и без класса капиталистов, эксплоатирующих класс «рабочих рук», что средства производства вовсе не должны составлять чью-нибудь монополию и превращаться в орудие насилия и порабощения, что наемный труд, как и труд крепостной, не есть нечто вечное, а наоборот переходная и низшая форма производства, которая должна уступить общественному производству. И, сделав все эти коммунистические выводы, Маркс указывает, что, пока эти производительные ассоциации ограничиваются небольшим кругом рабочих, они не в состоянии даже хоть несколько облегчить положение рабочего класса.

Кооперативное производство должно быть распространено на всю страну. И, поставив таким образом задачу превращения капиталистического производства в социалистическое, Маркс сейчас же замечает, что такому превращению будут всеми силами мешать господствующие классы, землевладельцы и капиталисты будут пользоваться своей политической властью, чтобы отстаивать свои экономические привилегии. Поэтому, первый долг рабочего класса заключается в завоевании политической власти, а для этого необходимо организовать всюду рабочие партии. В распоряжении рабочих находится один фактор успеха. Это их масса, численность. Но эта масса только тогда сильна, когда она сплочена, об'единена, когда она руководится знанием, наукой. Без сплоченности, без солидарности, без взаимной поддержки в борьбе за освобождение, без национальной и интернациональной организации—рабочие осуждены на поражение. Руководствуясь этими соображениями, прибавляет Маркс, рабочие разных стран решили основать международное общество рабочих.

Вы видите, с каким поразительным искусством Маркс, как он сам говорит, резко по существу, но умеренно по форме, сделал из фактического положения рабочего класса все основные выводы Коммунистического Манифеста: классовая организация пролетариата, свержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти, уничтожение наемного труда, переход всех средств производства в собственность всего общества.

Но Маркс—и этим он заканчивает учредительный манифест—выдвигает еще другую весьма важную политическую задачу. Рабочий класс не должен замыкаться в узкую сферу национальной политики. Он должен самым внимательным образом следить за всеми вопросами внешней политики. Если успех всего дела его освобождения зависит от братской солидарности рабочих всех стран, то он не может выполнить свое назначение, если господствующие классы, руководящие внешней политикой, будут, пользуясь национальными предрассудками, натравлять рабочих одной страны против рабочих других стран и проливать в своих разбойничьих

войнах кровь и расточать достояние народа. Пора поэтому рабочим познакомиться со всеми таинствами международной политики. Они должны наблюдать за дипломатическими действиями своих правительств, сопротивляться им в случае нужды всеми средствами и соединиться в одном общем протесте против преступных замыслов правительств. Пора покончить с таким положением, при котором в отношениях между отдельными народами дозволяется обман, грабеж, воровство, т.-е. нарушаются все те правила, которые считаются обязательными в отношениях между отдельными людьми.

Я изложил вам основные идеи этого замечательного манифеста. В следующий раз я остановлюсь на статутах и основных положениях, потому что именно вокруг них завязалась бешеная борьба между Бакуниным и Марксом.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Устав Первого Интернационала.— Лондонская конференция. — Женевский конгресс.—Докладная записка Маркса.—Международные конгрессы в Лозанне и Брюсселе.— Бакунин и Маркс.—Базельский конгресс.— Франко-прусская война.—Коммуна. —Борьба между Марксом и Бакуниным.—Гаагский конгресс.

В прошлый раз, товарищи, я остановился довольно подробно на истории основания Интернационала и его учредительного манифеста. Сегодня я вас познакомлю с уставом Интернационала. Он также написан Марксом и состоит из двух частей: принципиальной и организационной.

Вы видели, с каким искусством Маркс ввел в учредительный манифест Интернационала основные принципы коммунизма. Но еще важнее и несравненно труднее было ввести их в устав Интернационала. Учредительный манифест преследовал только одну цель: об'яснить, какие мотивы побудили рабочих, собравшихся 28-го сентября 1864 г., основать Интернационал. Но он не был еще программой, он был только вступлением к ней, он был только торжественным возвещением всему миру—и это особенно резко подчеркнуто в его названии—что основался новый международный союз, союз рабочих.

Марксу удалось с неменьшим мастерством решить и вторую задачу—формулировать общие задачи рабочего движения в различных странах. Я сейчас прочту вам эту формулировку.

«Принимая во внимание, что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса, что борьба за освобождение рабочего класса означает не борьбу за классовые привиллегии и монополии, а борьбу за равные права и обязанности и уничтожение всякого классового господства.

«Что экономическое подчинение монопольному обладателю средств производства, т.-е. источников жизни, составляет основную причину рабства во всех его видах, соци-

альной нужды, духовного унижения и политической зависимости.

«Что, поэтому, экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство.

«Что все усилия, направленные к достижению этой великой цели, оставались до сих пор безуспешными вследствие недостатка единодушия между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза между рабочими классами различных стран.

«Что освобождение рабочего класса есть не местная только или национальная, а специальная задача, обнимающая все страны, в которых существует современное общество, задача, которая может быть разрешена лишь путем взаимного, практического и теоретического, содействия наиболее передовых стран.

«Что возобновление движения рабочих классов в наиболее промышленных странах, возбуждая новые надежды, дает, вместе с тем, торжественное предостережение против повторения старых ошибок и заставляет стремиться к немедленному об'единению всех, пока еще разрозненных, усилий».

Если вы внимательно перечтете эти пункты, то вы, вероятно, припомните несколько положений в программе нашей партии, которые являются буквальным повторением формулированных Марксом тезисов. То же самое вы заметите, если возьмете старые программы английской, французской, немецкой партий. И в них некоторые пункты, особенно во французской и в Эрфуртской, являются буквальным повторением вводных положений устава Первого Интернационала.

Конечно, члены временного комитета Интернационала вкладывали неодинаковый смысл в некоторые из этих тезисов. Я приведу пару примеров. Что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса— с этим одинаково соглашались англичане, немцы и французы, но каждый толковал их по своему. Английские профессионалисты и бывшие чартисты видели в этом положе-

нии протест против постоянной опеки со стороны средних классов, подчеркивание необходимости самостоятельной рабочей организации. Французы, которые тогда были сильно настроены против интеллигенции, понимали этот тезис в том смысле, что он предупреждает против предательской интеллигенции, что рабочие могут обойтись без ее помощи. Вероятно только немцы, члены старого Союза Коммунистов, понимали, какие выводы вытекают из этого положения. Если рабочий класс может только сам освободить себя, то всякая коалиция с буржуазией, всякое соглашательство с классом капиталистов, находится в резком противоречии с этим принципом. И точно также подчеркивалось, что речь идет об освобождении не той или иной группы рабочих, а рабочего к л а с с а, что освобождение может быть только делом не той или иной группы рабочих, а всего рабочего класса, следовательно, предполагает к л а с с о в у ю организацию пролетариата. Из того положения, что монопольный захват средств производства капиталистами есть основная причина экономического порабощения, само собой вытекал вывод, что необходимо было уничтожить эту монополию. И этот вывод подчеркивался еще требованием уничтожения всякого классового господства, что невозможно без уничтожения разделения общества на классы.

В уставе неповторено то положение, которое высказано в учредительном манифесте. Мы не найдем в нем прямого указания на то, что для осуществления всех поставленных им себе целей пролетариат должен овладеть политической властью. Вместо него мы находим другую формулировку. В уставе сказано только, что экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой п о л и т и ч е с к о е д в и ж е н и е д о л ж н о б ы т ь п о д ч и н е н о, к а к с р е д с т в о.

Так как именно это положение явилось после исходным пунктом самых ожесточенных разногласий в Первом Интернационале, то на нем необходимо остановиться.

Что оно означало? Великой целью рабочего движения является экономическое освобождение рабочего класса, оно

может быть осуществлено только путем экспроприации монополистов средств производства, уничтожением всякого классового господства. Но каким путем эта цель будет осуществлена? Следует ли избегать политической борьбы, как это проповедовали чистые социалисты и анархисты?

Нет, отвечает формулированный Марксом тезис. Политическая борьба рабочего класса так же необходима, как и его экономическая борьба. Необходима политическая организация, неизбежно должно развиваться политическое движение рабочего класса, но эта борьба не является чем-то самодовлеющим, как у буржуазной демократии, у радикальной интеллигенции, которые выдвигают на первый план изменение политических форм, завоевание республики, но слышать не хотят об основной задаче. Поэтому Маркс подчеркивает, что политическое движение является для рабочего класса только с р е д с т в о м для достижения его великой ц е л и, что оно является п о д ч и н е н н ы м движением. Конечно, эта формулировка не была так отчетлива, как формулировка, данная в Коммунистическом Манифесте или даже в учредительном манифесте, где сказано, что завоевание политической власти сделалось великой обязанностью рабочего класса.

Правда, для английских членов Интернационала данная Марксом формулировка была ясна. Устав написан был на английском языке, и Маркс воспользовался терминами, которые были хорошо известны бывшим чартистам и оуэнистам, сидевшим в комитете. Вы помните, что чартисты выступали против оуэнистов, которые признавали только «великую цель» и слышать не хотели о политической борьбе. Когда чартисты выставили хартию с ее знаменитыми шестью пунктами, оуэнисты их упрекали, что они совершенно забыли социализм. Тогда чартисты со своей стороны подчеркнули, что и для них политическая борьба не есть главная цель. И уже тогда употребили буквально ту же формулировку, которую более, чем через двадцать лет, повторил Маркс. Для нас, отвечали чартисты оуэнистам, политическая борьба есть только средство, а не самоцель. Таким образом, формулировка в самом комитете не

вызывала никаких сомнений. Только через несколько лет, когда начались горячие споры между бакунистами и их противниками по вопросу о политической борьбе, этот пункт послужил яблоком раздора. Бакунисты доказывали, что первоначально в уставе слов «как средство» не было, что Маркс нарочно вставил их после, чтобы ввести, таким образом, в устав контрабандой свое понимание. И, действительно, если выбросить слова «как средство», этот пункт получает другое значение. А во французском тексте именно эти слова были пропущены.

Произошло маленькое недоразумение, которое легко было бы раз'яснить, но которое в пылу фракционной борьбы привело к дикому обвинению Маркса в фальсификации, подделке устава Интернационала. Когда сделан был перевод устава на французский язык для распространения его во Франции, то в легальном издании были выброшены слова «как средство». Французский текст гласит так: «экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой политическое движение должно быть подчинено». Это считали необходимым, чтобы не возбуждать внимания бонапартовской полиции, которая очень подозрительно относилась ко всякому политическому движению среди рабочих. И она действительно вначале считала французских интернационалистов, выражаясь нашими старыми терминами, не «политиками», а «экономистами». И так же относились к ним бланкисты, которые, как «политики», ругали бедных интернационалистов, именно как «экономистов».

Беда еще усугубилась тем, что французский перевод устава был в этом искаженном виде перепечатан во французской Швейцарии и отсюда распространился по тем странам, где больше знали французский язык, т.-е. в Италии, Испании и Бельгии. Вы увидите после, что на первом международном конгрессе, который утвердил временный устав Интернационала, каждая нация принимала их в том тексте, который имела перед собой. Первый Интернационал был слишком беден, чтобы напечатать свой устав на трех языках. Даже английский текст, хотя вместе с учредитель-

ным манифестом он составляет меньше печатного листа, был напечатан только в одной тысяче экземпляров, которые разошлись так же быстро, как у нас теперь расходятся издания в десять или даже двадцать пять тысяч экземпляров. Гильом, один из наиболее злостных противников Маркса, самым усердным образом обвинявший его в подлоге, в своей истории Интернационала уверяет, что он впервые увидел английский текст со словами «как средство» только в 1905 г.! Конечно, при желании он мог и раньше убедиться, что Маркс не был фальсификатором, но дело вряд ли бы от этого изменилось. Мы хорошо знаем, что можно разодраться вдрызг по вопросам тактики даже тогда, когда, повидимому, стоят на почве одной и той же программы.

Но в уставе есть еще один пункт, против которого, правда, анархисты не протестовали, но который с точки зрения марксизма вызывает сомнения. Я уже в прошлый раз говорил вам, что Маркс вынужден был, чтобы добиться единогласия среди разнородных элементов, входивших в комитет, пойти на некоторые уступки. Но они сделаны были не в учредительном манифесте, а в уставе. Вы сейчас увидите, в чем они состояли.

После того, как Маркс кончил изложение принципов, на основе которых члены комитета, избранного митингом 28-го сентября 1864 г., решили основать Международное Общество рабочих, он продолжает:

«Они об'являют, что это Международное Общество, равно как и все примыкающие к нему общества и лица, будут признавать правду, справедливость и нравственность, как основу своих отношений как между собой, так и ко всем людям, независимо от расы, религии или национальности.

«Они считают долгом человека добиваться прав человека и гражданина не только для себя самих, но и для всякого человека, исполняющего свои обязанности. Нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей».

В чем же именно заключаются те уступки, которые сделал Маркс? Вспомните, что сам он писал по этому поводу Энгельсу. «Все мои предложения приняты были подко-

миссией. Меня только обязали во введении к уставу вставить пару фраз с «обязанностями» и «правами», а также «правду, нравственность и справедливость», но все это так размещено, что не может принести никакого вреда».

И, действительно, во всем этом нет особенной беды. Ничего страшного нет ни в слове правда, ни в слове справедливость, ни в слове нравственность, если только помнить, что ни правда, ни справедливость, ни нравственность не являются чем-то вечным и неизменным, чем-то совершенно самостоятельным и независимым от социальных условий. Марксизм не отрицает ни правды, ни справедливости, ни нравственности, он только доказывает, что развитие этих понятий определяется историческим развитием, что различные классы вкладывают в них различное содержание.

Беда была бы в том случае, если бы Маркс вынужден был повторить декларацию французских и английских социалистов, если бы его заставили доказывать, что нужно добиваться социализма, потому что этого требует правда, справедливость и нравственность, а не потому, как он это великолепно изложил в учредительном манифесте, что это неизбежно и логически вытекает из самих условий, созданных капитализмом, из того положения, которое в них занимает рабочий класс. В том как эти слова были размещены Марксом, они только констатировали, что члены Международного Общества Рабочих берут на себя обязанность руководиться во взаимных отношениях правдой, справедливостью и нравственностью, т.-е. не [illegible] друг друга, не изменять своему классу, не обманывать друг друга, поступать по-товарищески. Из принципиального обоснования требований социализма, какими эти понятия служили для утопистов, они в руках Маркса превратились в основные правила поведения для пролетарской организации.

Но в разбираемом нами пункте сказано, что эти же принципы должны служить основой отношений членов Интернационала и ко всем людям, независимо от расы, религии и национальности. И это было не менее целесообразно. Нужно вспомнить, что в это время еще свирепствовала

гражданская война в Соединенных Штатах, прекратившаяся после 1863 г. в войну за уничтожение рабства, что немногим перед этим было окончательно задавлено польское восстание, что царские войска в это время заканчивали покорение Кавказа, что в целом ряде государств не прекращались религиозные преследования, что даже в Англии евреи только в конце пятидесятых годов получили политические права, а в других европейских государствах, не только в России, они еще не пользовались в полной мере даже гражданскими правами. Буржуазия не сумела еще осуществить «вечные» принципы нравственности и справедливости даже по отношению к представителям своего же класса, в собственной стране, и уже совершенно без всяких церемоний нарушала их, если речь шла о какой-нибудь другой стране или национальности.

Гораздо больше возражений вызывает второй пункт о правах и обязанностях. Ни с того, ни с сего каждому члену Общества вменяется в обязанность добиваться прав человека и гражданина. Конечно, не только для себя, но и для других. От этой прибавки оно, однако, не становится яснее. Несмотря на все дипломатическое искусство Маркса, именно здесь он вынужден был сделать большую уступку представителям французской революционной эмиграции, вошедшим в комитет.

Позвольте мне, товарищи, напомнить некоторые факты из истории великой французской революции. Одним из первых ее актов было провозглашение прав человека и гражданина. В своей борьбе против дворянства и абсолютизма, устанавливавших для себя привилегии и возлагавших на других только обязанности, революционная буржуазия выдвинула требования равенства, братства и свободы, требования, чтобы за каждым человеком и гражданином был признан ряд неотъемлемых прав. Среди них вы найдете и священное, неприкосновенное право собственности, которое тоже очень бесцеремонно нарушалось аристократией и королевской властью, поскольку речь шла о собственности третьего сословия.

Якобинцы только внесли несколько поправок в эту декларацию прав человека и гражданина, которые оставили в неприкосновенности пункт о собственности, но сделали ее более радикальной в политическом отношении, освятив право восстания народа и подчеркнув братство всех народов. В этой своей форме она известна под именем декларации прав 1793 года или Робеспьера и стала программой французских революционеров с начала 1830 г.

А, с другой стороны, приверженцы Мадзини, как мы видели, настаивали на принятии его программы. В своей знаменитой книжке «Об обязанностях человека», которая была переведена на английский язык и пользовалась большой популярностью и среди английских рабочих, Мадзини, согласно своему лозунгу «Бог и Народ», выдвигал, в противоположность французским материалистам с их декларацией прав человека, основанных на требованиях разума и природы, как основное положение своей идеалистической этики, понятие долга, обязанностей человека, вложенных в него богом.

Теперь вы поймете, откуда взялась формула Маркса: нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав. Вынужденный ввести требование декларации прав, он использовал спор между французами и итальянцами, чтобы в своей формулировке подчеркнуть отличие этого требования от старого требования буржуазии. Пролетариат тоже требует себе прав, но с самого начала заявляет, что не признает прав за отдельным человеком без обязанностей по отношению к обществу.

Когда через несколько лет устав был пересмотрен, Маркс предложил исключить только слова, в которых говорится о декларации прав. Что же касается положения: «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав», то оно осталось и после вошло в виде «равных прав и равных обязанностей» в Эрфуртскую программу.

Перейдем теперь к рассмотрению самого устава. Я прочту вам его главные пункты.

«Общество основано, чтобы создать центральный пункт сообщений и сотрудничества для рабочих обществ, суще-

ствующих в различных странах и стремящихся к одной цели, именно: к защите, развитию и полному освобождению рабочего класса. Это общество называется Международным Обществом Рабочих. В 1865 г. должен быть созван в Бельгии международный конгресс рабочих из представителей всех тех рабочих обществ, которые присоединяются к Интернационалу. Конгресс должен будет провозгласить перед лицом Европы общие требования рабочего класса, принять в окончательной форме устав общества, рассмотреть средства, необходимые для его успешного действия, и назначить центральный совет общества. Конгресс должен собираться каждый год. Центральный совет имеет свое местопребывание в Лондоне и состоит из рабочих различных стран, представленных в Международном Обществе. Он выбирает из своей среды всех должностных лиц, необходимых для ведения дел: президента, казначея, главного секретаря, особых секретарей для сношений с отдельными странами. Центральный совет ежегодно сообщает конгрессу отчет о своей годичной деятельности. Назначаемый конгрессом, он имеет право кооптации. В экстренных случаях он может созвать конгресс до наступления годичного срока.

Центральный совет должен действовать, как международная агентура для сношений между различными, связанными друг с другом, обществами так, чтобы рабочие каждой страны всегда имели сведения о движении их класса во всех других странах, чтобы, одновременно и по общему плану, можно было предпринять исследование социального положения различных стран Европы, чтобы вопросы, имеющие общий интерес, возбужденные одним обществом, могли обсуждаться всеми другими обществами, чтобы в том случае, когда потребуется немедленное практическое действие—например, при международных столкновениях,—все примыкающие общества могли действовать одновременно и солидарно. Центральный совет, когда это окажется нужным, может, по собственной инициативе, обращаться с предложеннями к различным национальным или местным обществам. Так как успех рабочего движе-

ния в каждой стране может быть обеспечен только их союзом и единодушием, так как, с другой стороны, деятельность центрального совета существенно облегчится в том случае, когда он будет иметь дело лишь с немногими национальными центрами, а не с многочисленными и разрозненными мелкими обществами, то члены Международного Общества Рабочих всеми силами должны стремиться, каждый в своей стране,—к об'единению существующих в ней рабочих обществ в один национальный союз с центральным органом управления».

Основные принципы этого устава были после утверждены с'ездом. Одно из существенных изменений, которое было внесено, это отмена, по инициативе Маркса, должности президента центрального или, как его после называли, генерального совета. Опыт Всеобщего Германского Рабочего Союза, основанного Лассалем, показал, к каким неудобствам ведет это совершенно ненужное учреждение. Генеральный совет выбирал для ведения собрания председателя, и для ведения текущих дел собирались секретари отдельных стран вместе с генеральным секретарем.

Устав Интернационала был после неоднократно использован в истории международного рабочего движения. Я не могу останавливаться подробно на всех изменениях, которые были внесены в него в течение восьми лет, но, в основных чертах своих, он оставался неизменным. К концу Первого Интернационала были только расширены полномочия генерального совета.

Насущной задачей временного совета являлся созыв международного с'езда. По этому поводу возникли горячие прения и споры. Маркс настаивал на том, чтобы сделаны были сначала все подготовительные работы, чтобы дать время отдельным странам познакомиться с задачами Интернационала и хоть несколько организоваться. Наоборот, англичане, которые ставили на первый план интересы своего профдвижения, настаивали на скорейшем созыве конгресса. Их союзниками являлись французские эмигранты в центральном совете.

Дело кончилось компромиссом. В 1865 г. созван был не конгресс, а конференция. Она состоялась в Лондоне и, главным образом, занимались выслушиванием докладов и составлением порядка дня будущего конгресса. Представлены были Швейцария, Англия, Бельгия, Франция. Дела обстояли неважно. Конгресс решено было созвать в мае 1866 года.

Но еще хуже обстояло дело с немцами, хотя в Германии уже существовал тогда Всеобщий Рабочий Союз. Лассаль был убит на дуэли 30-го августа 1864 года, согласно уставу Союза вместо него стал президентом Бернгард Беккер, неспособный и мало влиятельный человек. Гораздо большим влиянием пользовался Швейцер, редактор центрального органа Союза—«Социал-Демократ». Но уже очень скоро между ним и вошедшим в редакцию В. Либкнехтом возникли крупные разногласия по вопросам внутренней политики. Маркс и Энгельс, которые согласились сотрудничать в газете, скоро вынуждены были публично отказаться от всякого участия в ней. Покойный Меринг пытался защищать Швейцера и доказывал, что Маркс и Энгельс в данном случае были не совсем правы. Но Меринг сильно ошибается. Все факты говорят против него.

Вы уже видели, что в тактике Лассаля были изрядные изъяны, что он позволял себе недопустимые приемы в сношениях с правящей кликой. Швейцер пошел еще дальше. Он поместил в газете ряд статей, о которых даже Меринг говорит, что они производили весьма невыгодное впечатление своим подхалимством по адресу Бисмарка, но он старается оправдать его, доказывал, что этой тактики требовали условия легальной борьбы. Либкнехт, мол, как старый революционер, не мог приспособиться и натравливал на Швейцера своих старых друзей и учителей. Таким образом, Швейцер вынужден был расстаться с Либкнехтом, на сторону которого стали, однако, не только Маркс и Энгельс, но и старые противники последних, как Гесс, которые тоже не могли примириться с тактикой Швейцера. Как у нас, во время споров между партийцами и ликвидаторами, последних с легкой руки Ленина окре-

стили «столыпинской» рабочей партией, так и тогда старые подпольщики окрестили партию Швейцера «бисмарковской».

Как бы то ни было, в то время, как собралась лондонская конференция, друзья Маркса в Германии остались без всякого органа и только приступали к основанию собственной организации. Лассальянцы же до поры до времени и слышать не хотели об Интернационале. В результате этого раскола немцы в первые годы принимали участие в Интернационале только через посредство старых эмигрантов в Англии и Швейцарии.

Из докладов на лондонской конференции выяснилось, что финансы Интернационала находились в самом плачевном состоянии. Оказалось, что за целый год собрано было всего триста наших довоенных рублей. Все обороты кассы, все доходы за целый год составили около 33 фунтов стерлингов. На такую сумму трудно вести большое хозяйство. Едва хватало на оплату помещения и самых необходимых расходов.

При спорах по вопросу о порядке дня обнаружились опять разногласия, которые возникали уже прежде, между французами, жившими в Лондоне, и французами, представлявшими парижскую организацию. Последние были теперь против постановки вопроса о независимости Польши, как чисто-политического вопроса. Наоборот, французские эмигранты, поддержанные некоторыми англичанами, настаивали на внесении в порядок дня пункта о религии, ибо они требовали беспощадной борьбы с религиозным суеверием. Маркс высказался против. Он вполне основательно думал, что если уже на первом конгрессе поставить этот пункт, то, при слабой связи, которая только что начала устанавливаться между рабочими различных стран, и при неразвитости рабочего движения, это приведет только к ненужным трениям. Он, однако, остался в меньшинстве.

Прошел еще целый год, пока был созван первый конгресс. Его пришлось еще раз отложить до сентября 1866 г. За это время произошел ряд событий, о которых необходимо сказать несколько слов. Для Англии этот год был

временем самой интенсивной политической борьбы. Английские профсоюзы, во главе которых стояли те рабочие, которые заседали в центральном совете, вели упорную борьбу за расширение избирательного права. Повторяю, вся эта борьба шла под руководством Интернационала. Маркс употреблял все усилия, чтобы английские рабочие не повторяли старых ошибок и вели эту борьбу самостоятельно, не вступая в коалицию с радикалами. Но уже к началу 1866 года выявилось снова то самое, что уже так часто вредило английскому рабочему движению в эпоху чартизма и что вредит ему до сих пор. Так как целью поставлено было завоевание всеобщего избирательного права, то вожди рабочих, отчасти и в силу финансовых соображений, вошли в соглашение с наиболее радикальной частью буржуазной демократии, которая тоже выставляла требование всеобщего избирательного права. Организован был общий комитет, который должен был руководить борьбой. В него входили и такие почтенные люди, как профессор Бизли, искренние демократы, но входили также представители так называемых свободных профессий, адвокаты и судьи, представители мелкой и средней, в особенности, торговой буржуазии, которые с самого начала склонялись к компромиссу. Борьба велась на английский манер. Устраивались митинги, демонстрации. В июле 1866 года Лондон был свидетелем такой колоссальной демонстрации, которой он не видел и в эпоху чартизма. Напором толпы в Гайд-парке, к которому обычно направляется демонстрация, заканчивающаяся там рядом митингов, сломана была решетка. После этого правительство пришло к заключению, что пора сделать уступку.

Вы помните, что после июльской революции в Англии тоже происходило сильное движение в пользу парламентской реформы. Кончилось дело компромиссом, рабочие были обмануты самым беспардонным образом, избирательные права получила только промышленная буржуазия. Так и теперь, когда правительство увидело, что оно должно уступить, что настроение городских рабочих сильно поднялось, оно предложило компромисс—новое расширение

избирательного права, которое охватывало бы всех городских рабочих.

Надо сказать, что всеобщее избирательное право вообще означало только мужское избирательное право. О распространении избирательного права на женщин никто тогда и не думал. И вот рабочим предложили следующий компромисс, на который сейчас же согласились и буржуазные члены комитета избирательной реформы. Он состоял в том, что избирательное право предоставляется всем рабочим, имеющим квартиру хотя бы в одну комнату, за которую они платят не менее определенной суммы. Таким образом, право голоса получали почти все городские рабочие, за исключением тех, которые снимали угол у других—а таких уже и тогда было очень много,—но зато все сельские рабочие оставались бесправными, как и прежде. Этот ловкий трюк был придуман вождем английских консерваторов Дизраэли, и на него согласились буржуазные реформисты, уговорившие и рабочих принять эту уступку с тем, чтобы, после выборов нового парламента, потребовать нового расширения избирательного права. Но сельским рабочим пришлось еще прождать 20 лет, до 1885 г., и только под впечатлением русской революции 1905 года получили, наконец, право голоса и рабочие, не имеющие собственной квартиры.

В Германии в 1865—1866 г.г. происходили не менее важные события. Там разгорелась жестокая борьба между Пруссией и Австрией. Спорный вопрос заключался в том, кому будет принадлежать гегемония в Германии. Бисмарк ставил себе целью выбросить окончательно Австрию из Германского Союза, превратить Пруссию в становой хребет Германии, хотя и сокращенной, ибо она лишалась всех немецких провинций, отходивших к Австрии. Я уже касался этого вопроса, когда рассказывал вам о разногласиях между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лассалем—с другой.

Спор между Австрией и Пруссией кончился войной. В две—три недели Пруссия, не постеснявшаяся вступить в союз с Италией против немецкого же государства, разбила самым основательным образом Австрию и присоеди-

нила к себе, аннектировала, ряд мелких немецких государств, помогавших Австрии: Ганноверское королевство, вольный город Франкфурт, герцогство Гессенское и др. Австрия была окончательно выброшена из германского об'единения. Организован был Северо-Германский Союз с Пруссией во главе. Чтобы завоевать симпатии рабочих и мелкого люда, Бисмарк ввел всеобщее избирательное право.

Во Франции Наполеон вынужден был сделать некоторые уступки. Были отменены некоторые статьи уголовного кодекса, направленные против коалиций, устраиваемых рабочими. Преследования против экономических организаций, особенно против кооперации и обществ взаимопомощи, ослабли. Среди рабочих начало крепнуть умеренное крыло, усиленно старавшееся использовать легальные возможности. С другой стороны, развивались бланкистские организации, вступившие в жестокую полемику с интернационалистами, которых они упрекали в отказе от всякой революционной борьбы и кокетничаньи с бонапартовским правительством.

В Швейцарии, во всех ее частях, французской, немецкой и итальянской, рабочие заняты были своими местными делами, и только эмигранты и выходцы из других стран интересовались Интернационалом. Немецкая секция, во главе с Беккером, издававшая журнал «Предвестник», играла в то же время и роль заграничного центра для той части немецких рабочих, которые, в отличие от лассальянцев, примыкали к Интернационалу.

Конгресс собрался в Женеве в сентябре 1866 года, уже после того, как Пруссия победила Австрию, а английские рабочие одержали свою, казалось, большую политическую победу над буржуазией. Начался конгресс большим скандалом. Кроме прудонистов, из Франции приехали бланкисты, которые добивались участия в работах конгресса. Все это были почти исключительно студенты, весьма революционно настроенные, среди них был и будущий комиссар юстиции Парижской Коммуны Прото. Действовали они весьма настойчиво, хотя не имели никакого мандата. В конце концов их весьма невежливо вытолкнули. Расска-

зывают, что их даже хотели утопить в Женевском озере, но это относится к числу сказок. Правда, дело не обошлось без тумаков руками и ногами, как это иногда водится у французов, которые во фракционной борьбе не всегда ограничиваются одними только резолюциями об исключении, как это делают более кроткие славяне.

Когда удалось, наконец, приступить к работам, то главный бой произошел между прудонистами и делегацией центрального совета, состоявшей из Эккариуса и английских рабочих. Сам Маркс приехать не мог: он был тогда занят окончательной обработкой первого тома «Капитала», да и самая поездка для него, как для больного человека, находившегося к тому же под бдительным надзором французских и немецких шпионов, была бы очень затруднительна. Но Маркс написал для делегации подробную докладную записку по всем пунктам порядка дня.

Французские делегаты представили свой подробный доклад, который явился изложением экономических идей Прудона. Они высказались самым резким образом против женского труда, доказывая, что женщине отведено самой природой место у домашнего очага, что она должна заботиться о семье, а не ходить на фабрику. Выступая определенно против стачек и профсоюзов, они отстаивали кооперацию и в особенности организацию обмена на началах взаимности. Первым условием для этого явились бы договоры, заключаемые между отдельными кооперациями, и устройство дарового кредита. Они настаивали на том, чтобы конгресс утвердил даже организацию международного кредита, но им удалось только добиться резолюции, которая рекомендовала всем секциям Интернационала заняться изучением вопроса о кредите и об'единении всех кредитных рабочих обществ. Они восставали даже против законодательного ограничения рабочего дня.

Против них выступили лондонцы вместе с немецкими делегатами. По каждому пункту дня они выдвигали в виде резолюции соответственную часть марксова доклада, который во главу угла ставил все вопросы, вытекающие из требований рабочего класса.

Доклад настаивал, что вся деятельность Интернационала должна заключаться в об'единении, в обобщении разрозненных усилий рабочего класса, борющегося за свои интересы. Необходимо создать такую связь, при которой рабочие различных стран будут не только чувствовать себя товарищами в борьбе, но и действовать, как члены одной освободительной армии. Нужно организовать международную помощь при стачках, мешать замене местных рабочих заграничными, что так любят практиковать предприниматели.

Как одну из важнейших задач, Маркс выдвинул также статистическое обследование положения рабочего класса всех стран, предпринятое по собственной инициативе рабочих. Все собранные материалы должны были посылаться генеральному совету для обработки. Маркс указал в кратких чертах и на главные вопросы такой рабочей анкеты.

Горячие прения вызвал вопрос о профессиональных союзах. Французы возражали и против стачек, и против всякой организации сопротивления предпринимателю. Рабочие должны искать спасения только в кооперациях. Лондонские делегаты противопоставили им, в виде резолюции, всю часть доклада Маркса о профсоюзах. Она была принята с'ездом, но и с ней случилось то же недоразумение, что и с другими постановлениями Первого Интернационала. Точный текст ее долго не был известен, немцы знали ее по не совсем удовлетворительному переводу, сделанному в «Предвестнике» Беккера, французы в еще худшем переводе. Я напечатал ее впервые в переводе с английского оригинала в 1914 году в «Современном Мире».

Все, что сказано было Марксом в «Нищете философии» и в «Коммунистическом Манифесте» о профсоюзах, как основной ячейке классовой организации пролетариата, повторено в резолюции в еще более определенной форме. Кроме того, указаны современные задачи профсоюзов и недостатки, которые присущи им, если они превращаются в узко-цеховые организации. На ней стоит остановиться несколько подробнее.

Как возникли профсоюзы? Как развивались они? Они являются результатом борьбы между капиталом и наемным трудом. В этой борьбе рабочие находятся в очень невыгодных условиях. Капитал есть концентрированная, сосредоточенная в руках отдельного капиталиста, общественная сила, тогда как рабочий располагает только своей индивидуальной рабочей силой. Поэтому не может быть и речи о каком-нибудь свободном договоре между капиталистом и рабочим. Когда прудонисты болтали о свободном и справедливом договоре, они просто не понимали механизма капиталистического процесса производства. Договор между капиталом и трудом не может быть заключен на справедливых условиях, справедливых даже в смысле такого общества, которое собственность на материальные средства жизни и труда помещает на одной стороне, а живую производительную энергию—на другой. За единичным капиталистом стоит сила общества. Этой силе рабочие могут противопоставить только свою численность, единственную общественную силу, которую имеют в своем распоряжении рабочие. Но сила числа, массы нарушается раз'единением рабочих. Оно создается и поддерживается их неизбежной конкурренцией друг с другом. Необходимо было поэтому в первую голову устранить эту конкурренцию между рабочими. Так вот—из самопроизвольных попыток рабочих устранить или, по крайней мере, умерить эту конкурренцию с целью добиться таких условий договора, которые помогли бы им подняться выше положения простых рабов, именно из этих попыток возникли профсоюзы. Их непосредственная задача ограничивалась обыденными нуждами, изысканием средств для воспрепятствования постоянным захватам капитала, одним словом, вопросами заработной платы и рабочего времени. Вопреки утверждениям прудонистов, эта деятельность не только вполне законна, но и необходима. Она неизбежна, пока существует современная система производства. Напротив, она должна быть обобщена путем образования и соединения профсоюзов во всех странах.

Но они играют еще другую, не менее важную роль, которую прудонисты в 1866 году понимали так же мало, как их учитель еще в 1847 году. Бессознательно для самих себя, профессиональные союзы служили и служат формирующими центрами организации для рабочего класса, как средневековые муниципии и коммуны—для буржуазии. И если они необходимы для партизанской войны между капиталом и трудом, то они еще более важны, как организованные факторы уничтожения самой системы наемного труда.

К сожалению, профсоюзы не вполне выяснили себе эту задачу. Слишком исключительно поглощенные местной и непосредственной борьбой с капиталом, профсоюзы не вполне еще поняли силу своей деятельности, направленной против самой системы наемного рабства. Они поэтому держались и держатся чересчур вдали от общих и политических движений.

Маркс указывает на признаки, которые показывают, что профсоюзы, повидимому, пробуждаются к некоторому пониманию своей исторической миссии. Такими признаками являются участие английских профсоюзов в борьбе за всеобщее избирательное право, резолюция, принятая на их конференции в Шеффильде и рекомендующая всем профсоюзам присоединиться к Интернационалу.

В заключение Маркс, который до сих пор полемизировал, главным образом, против прудонистов, обращается против чистых трэд-юнионистов, которые хотели ограничить задачи профсоюзов только вопросами заработной платы и рабочего времени. Помимо своих первоначальных задач, они должны учиться действовать сознательно, как организующие центры рабочего класса, в интересах его полного освобождения. Они должны помогать всякому социальному и политическому движению, стремящемуся к этой цели. Смотря на себя, как на борцов и представителей всего рабочего класса, и действуя соответственно этому, они должны привлекать в свои ряды всех рабочих. Они должны заботливо блюсти интересы рабочих в наихудше оплачиваемых отраслях промышленности, как, например, сельскохозяйственных рабочих, которые исключительными усло-

виями обречены на бессилие. Профсоюзы должны убедить весь мир, что их усилия не только не являются узкими и эгоистичными, но, наоборот, направлены на освобождение угнетенных миллионов.

Вообще прения по вопросу о профсоюзах на Женевском конгрессе представляли большой интерес. Лондонские делегаты очень умело защищали свою позицию. Для них резолюция сама являлась только выводом из большого доклада Маркса, который, к сожалению, был тогда известен только им. Дело в том, что, когда в центральном совете обсуждались все вопросы, которые должны были быть поставлены в порядке дня будущего конгресса, то и там обнаружились крупные разногласия. Маркс поэтому прочитал в совете подробный доклад, в котором выяснил значение профсоюзов в условиях капиталистического процесса производства. Он воспользовался этим случаем, чтобы изложить своим слушателям в популярной форме свою новую теорию стоимости и прибавочной стоимости, чтобы об'яснить им зависимость между заработной платой, прибылью и ценами товаров. Протоколы этих заседаний центрального совета производят глубокое впечатление своей серьезностью, которой могло бы позавидовать самое ученое буржуазное учреждение. И в то же время весь авторитет этой науки, все ее новые приобретения отдавались на службу рабочему классу.

Лондонские делегаты с неменьшим искусством защищали и резолюцию Маркса о восьмичасовом рабочем дне. В противоположность французам, они доказывали, вместе с Марксом, что «предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения и освобождения рабочего класса должны оставаться бесплодными, является законодательное ограничение рабочего дня. Необходимо восстановить здоровье и физическую энергию рабочего класса, т.-е. огромного большинства каждой нации, а также обеспечить им возможность духовного (интеллектуального) развития, социального общения и политической деятельности. Конгресс, по предложению центрального совета, устанавливал восемь часов труда, как законодательный

предел рабочего дня. Так как это ограничение является требованием рабочих в Северо-Американских Соединенных Штатах, то конгресс превращает это требование в общую платформу рабочего класса всего мира. Ночной труд дозволяется только в исключительных случаях, в отраслях производства или отдельных профессиях, точно названных в законе. Но тенденцией должно служить уничтожение всякого ночного труда.

К сожалению, в докладной записке Маркса вопрос о женском труде не был рассмотрен подробно. Он считал достаточным сказать, что весь параграф о сокращении рабочего дня относится одинаково ко всем взрослым рабочим, мужчинам и женщинам, с тем ограничением, что последние не допускаются ни к какому ночному труду, а равно и ко всякому труду, губительному для женского организма или подвергающему его действию ядовитых и вообще вредных веществ. А так как большинство французов и швейцарцев выступали очень горячо против применения женского труда, то конгресс принял и тезисы Маркса, и резолюцию французов. Выходило, таким образом, что лучше всего запретить женский труд, но, пока он практикуется, его необходимо поставить в те пределы, которые указал Маркс.

Зато прошли целиком и без всяких прудонистских дополнений тезисы Маркса о труде детей и подростков. В них сказано было, что тенденция современной промышленности привлекать к сотрудничеству в великом деле общественного производства детей и подростков обоего пола, есть тенденция прогрессивная, здоровая и законная, хотя при господстве капитала она превращается в ужасное зло. В рационально-устроенном обществе, по мнению Маркса, всякий ребенок, начиная с девяти лет, должен быть производительным работником. Точно так же, как ни один физически здоровый взрослый человек не может быть освобожден от подчинения закону природы: работать, чтобы иметь возможность есть, и работать не только умственно, но и физически. В связи с этим вопросом Маркс предлагает целую программу соединения физического труда с умственным. В нее входят: общее духовное развитие, физическое

развитие и политехническое, дающее детям знакомство с научными основами всех производственных процессов.

В своей докладной записке Маркс затронул и вопрос о кооперациях. Он воспользовался этим случаем, чтобы не только подвергнуть критике иллюзии чистых кооператоров, но и подчеркнуть основное условие успешности кооперативного движения. Как и в учредительном манифесте, он отдает предпочтение не потребительным кооперациям, а производительным. «Но не от кооперации, каких бы то ни было, прибавляет он, можно ожидать устранения капиталистического строя. Для этого необходимы широкие, коренные изменения, распространяющиеся на целое общество. Такие изменения возможны лишь через посредство организованной общественной силы—государственной власти, которая из рук капиталистов и землевладельцев должна предварительно перейти в руки рабочего класса». Мы видим, что и здесь Маркс снова выдвигает необходимость завоевания политической власти рабочим классом.

Проект устава, с которым вы уже знакомы, был принят без всяких изменений. Попытка французов, которые уже поднимали этот вопрос на лондонской конференции, придать слову «рабочий» ограничительное толкование только в смысле физического труда и исключить, таким образом, представителей умственного труда или интеллигенцию, встретила сильный отпор. Английские делегаты заявили, что если бы принято было предложение французов, то в первую очередь пришлось бы исключить Маркса, так много сделавшего для Интернационала.

Женевский конгресс сыграл колоссальнейшую роль, как орудие пропаганды. Все резолюции его, формулировавшие основные требования рабочего класса и написанные почти исключительно Марксом, вошли в практическую программу-минимум всех рабочих партий. Конгресс встретил горячий отклик во всех странах вплоть до нашей России, где уже в 1865 году в «Современнике» подробно цитируется учредительный манифест Интернационала, как документ, написанный Марксом. Именно после женевского конгресса, давшего сильный толчок развитию международного рабо-

чего движения, Интернационал сразу завоевал себе популярность. На него обратили свое внимание некоторые буржуазно-демократические организации, чтобы использовать его для своих целей.

Уже на следующем конгрессе, в Лозанне, завязалась борьба из-за участия в конгрессе нового международного общества, «Лиги мира и свободы», который должен был собраться в Женеве. Победили сторонники участия. Только на следующем конгрессе в Брюсселе одержала верх точка зрения генерального совета, и решено было предложить Лиге присоединиться к Интернационалу, а членам ее вступить в его секцию.

И на этих двух конгрессах Маркс не участвовал. Еще не успел закончить свои работы лозаннский конгресс, как вышел первый том «Капитала». На следующем конгрессе в Брюсселе в 1868 году, по предложению немецкой делегации, была принята резолюция, рекомендовавшая рабочим всех стран изучение «Капитала». Она указывала, что Марксу принадлежит огромная заслуга: он был «первым экономистом, который подверг капитал научному анализу и свел его к основным элементам».

На брюссельском конгрессе обсуждались, между прочим, вопросы о влиянии машин на положение рабочего класса, о стачках и о земельной собственности. Резолюции приняты были в компромиссном духе, но зато впервые, против французов, победила точка зрения социализма или, как говорили тогда, коллективизма. Признана была необходимость перехода в общественную собственность средств транспорта и сообщения, а также земли, но в окончательной форме эта резолюция была принята только на следующем конгрессе в Базеле в 1869 году.

Центральным политическим вопросом, занимающим Интернационал, становится уже с лозаннского конгресса вопрос о войне и средствах, которые следует применить в борьбе с ней. Дело было вот в чем. После войны 1866 года, после победы Пруссии над Австрией, во всей Европе начало укрепляться мнение, что, как неизбежное следствие этой войны, должна в ближайшем будущем вспыхнуть война

между Францией и Пруссией. В 1867 году отношения между этими странами начали обостряться. Положение Наполеона уже сильно заколебалось после больших неудач в области всяких колониальных авантюр, которыми он хотел, как говорится, поднять свой престиж. Под указку финансовых тузов он затеял экспедицию в Мексику, которая вызвала против него сильнейшее раздражение в Северо-Американских Соединенных Штатах, очень ревниво относившихся ко всякой попытке европейских держав вмешиваться в американские дела. Затея Наполеона кончилась позорнейшей неудачей. Нужно было поправить дело в Европе. Но и тут его преследовали неудачи. Вынужденный делать уступки во внутренней политике, он надеялся какой-нибудь удачной аннексией в Европе округлить владения Франции и, таким образом, укрепить свое положение. В 1867 году возникло так наз. Люксембургское дело. После всяких неудачных попыток заполучить что-нибудь на левом берегу Рейна, Наполеон попробовал купить у Голландии великое герцогство Люксембургское, до 1866 года принадлежавшее к Германскому Союзу, но верховным главой которого был голландский король. В герцогстве прежде стоял прусский гарнизон, который должен был оттуда уйти. Известие о сделке между Наполеоном и Голландией вызвало большое возбуждение среди немецких патриотов. В воздухе запахло войной, и Наполеон, считая, что он еще не совсем готов к ней, пошел на попятный. Престиж его опять жестоко пострадал, и он вынужден был опять сделать уступки все более нараставшей оппозиции.

Ко времени брюссельского конгресса положение в Европе настолько обострилось, что войны ждали со дня на день. Все были уверены, что она вспыхнет, как только Франция или Пруссия закончат свои приготовления и найдут удобный повод. Для рабочего движения, которое с каждым днем все больше развивалось, в особенности на континенте, возникал все больше тревожный вопрос, как помешать этой войне, которая, как все это хорошо понимали, нанесет сильный удар и французским, и немецким рабочим. Понятно поэтому, что Интернационал, кото-

рый в 1868 году вырос уже в крупную силу и стоял во главе международного рабочего движения, не мог не заняться вплотную этим вопросом. После горячих дебатов на брюссельском конгрессе, во время которых одни настаивали, что в случае войны необходимо будет устроить всеобщую стачку, а другие доказывали, что только социализм может положить конец войне, принята была компромиссная и довольно сумбурная резолюция.

Так как к лету 1869 года призрак войны временно исчез, то на базельском конгрессе на первый план стали экономические и социальные вопросы. Впервые стал ребром и вопрос, который уже затронут был в Брюсселе— вопрос об обобществлении всех средств производства. На этот раз окончательно победили противники частной собственности на землю. Прудонисты потерпели полное поражение. Но на этом же с'езде возникли новые разногласия. На базельском с'езде впервые появляется, как представитель особого течения, хорошо известный многим из вас наш русский соотечественник Бакунин.

Откуда он взялся? Мы уже встречали его в начале сороковых годов в Берлине, знаем, что он прошел ту же философскую школу, которую проходили Маркс и Энгельс, что в начале революции 1848 года он стал на сторону тех немецких эмигрантов в Париже, которые организовали революционный легион для вторжения в Германию. Во время самой революции он старался в Чехии об'единить славянских революционеров, принял после участие в восстании саксонских революционеров в Дрездене, был арестован, приговорен к смертной казни, но выдан Николаю, который посадил его в Шлиссельбург. Через несколько лет, уже при Александре II, он отправлен был в Сибирь, откуда бежал через Японию и Америку в Европу. Это было в 1862 году. Сначала он бросился в русские дела, вступил в союз с Герценом, написал несколько брошюр о славянских и русских делах, в которых опять доказывал необходимость революционного об'единения славян, пробовал весьма неудачно принять участие в польском восстании. В 1864 году встретился в Лондоне с Марксом, от которого узнал об

основании Интернационала, обещал принять участие, но, уехав в Италию, занялся совсем другим делом. Как и в 1848 году, он думал, что Маркс чересчур преувеличивает значение рабочего класса, что интеллигенция, студенчество, представители буржуазной демократии, особенно из разночинцев, являются более революционным элементом. Пока Интернационал боролся с первыми трудностями и постепенно превращался в самую влиятельную международную организацию, Бакунин в Италии старался организовать свое революционное общество. Переехав в Швейцарию, он вступил в буржуазную лигу мира и свободы, был даже избран в ее центральный совет. Только в 1868 году он выступил из нее, но, вместо того, чтобы вступить в Интернационал, основал с товарищами новое общество «Международный Союз Социальной Демократии» или, как его обыкновенно называют, «Альянс», что по-французски означает союз.

Новое общество выступало очень революционно. Оно об'являло беспощадную войну богу и государству. Оно требовало от своих членов, чтобы они были атеистами. Экономическая программа не отличалась особой ясностью. Она требовала экономического и социального уравнения всех классов, вместо того, чтобы стремиться к уничтожению всяких классов. Несмотря на всю свою революционность, новое общество не выставило даже последовательной социалистической программы и ограничилось только требованием отмены наследственного права. Чтобы не отпугивать выходцев из других классов, оно отказалось подчеркнуть резко свой определенный классовый характер.

Новое общество обратилось в генеральный совет с просьбой принять его в Интернационал, но принять, как особое общество, со своим уставом, со своей программой.

Мы подходим теперь к самому щекотливому пункту. Так как Маркс пользовался большим влиянием в генеральном совете, то его делают обыкновенно ответственным за все решения, принятые советом. Это не совсем верно. Но в данном случае Маркс действительно несет главную ответственность. Так вот, если верить не только сторон-

никам Бакунина, но и некоторым марксистам, выступающим в качестве заступников большого путаника, но очень искреннего революционера, Маркс поступил слишком круто, настояв на самом решительном отказе. Чтобы вы поняли суть спора, представьте себе такую картину. В Коминтерн обращается только что отделившаяся от обыкновенного демократического общества организация с просьбой принять ее, но оставить за ней право существовать в виде параллельного общества с особой программой и даже с правом собирать свой особый конгресс. Им ответили бы, и вполне резонно: конечно, лучше поздно, чем никогда, но если вы, наконец, убедились, что зря путались с буржуазией, то милости просим, вступайте, но расчустите предварительно свою организацию и распределитесь по нашим секциям. Нужно быть очень сердобольным человеком, чтобы увидеть в таком ответе доказательство какой-то особенной злости и личной неприязни к этим хорошим людям, но весьма плохим музыкантам.

А теперь прибавьте еще следующее обстоятельство. Вместе с программой нового союза Бакунин послал еще отдельное письмо Марксу, почти через четыре года после того, как он ему писал из Италии, где он обещал работать для Интернационала. Оказалось, что он не только не исполнил своего обещания, но, наоборот, отдал все свои силы буржуазному движению. Правда, он писал теперь Марксу, что лучше, чем когда-либо прежде, он понимает, как прав был Маркс, выбрав большую дорогу экономической революции и осменвая тех, которые блуждали по тропинкам национальных или чисто политических предприятий. И он еще с большим пафосом прибавлял: «Со времени торжественного и публичного прости, которое я сказал буржуа на бернском конгрессе, я не знаю теперь другого общества, другой среды, кроме мира рабочих. Моим отечеством будет теперь Интернационал, одним из главных основателей которого ты являешься. Ты видишь, следовательно, дорогой друг, что я—твой ученик, и я горжусь этим».

Письмо это всегда вызывает слезы умиления у друзей Бакунина и чувство негодования по адресу бессердечного

Маркса, который так жестоко оттолкнул протянутую ему руку. Даже Меринг прибавляет, что нет никаких оснований сомневаться в искренности этих уверений.

Я не хочу подвергать сомнению искренность Бакунина. Но я опять прошу вас попробовать стать в положение Маркса. Он был человек резкий, но и Меринг должен признать, что он проявлял по отношению к Бакунину до конца 1868 года большую терпимость. Но всему есть предел. Стоит только внимательно перечитать письмо Бакунина, и вы поймете, почему Марксу это сентиментальное письмо показалось мало убедительным. Оно писано было не мальчиком, а человеком, которому уже давно пошел шестой десяток, который уже раз присоединился к «миру рабочих», но только для того, чтобы сейчас же о нем забыть и уйти в «мир буржуазии». И вот теперь, разочаровавшись после четырех лет возни с ней, желая опять выйти на широкую дорогу, присоединиться к Интернационалу, он выставляет ни с чем несоразмерные притязания. Маркс, который в 1864 году чересчур доверчиво отнесся к Бакунину, теперь, понятно, сразу насторожился и оказался прав.

Когда генеральный совет категорически отказал Бакунину в его просьбе, то последний сообщил, что его общество решило распустить свою организацию и превратить свои секции в секции Интернационала, но с сохранением своей теоретической программы. Генеральный совет согласился допустить секции бывшего Альянса только на общих основаниях.

Казалось бы, все хорошо кончилось. Но это только казалось. Уже очень скоро у Маркса явились основательные подозрения, что Бакунин просто обманул генеральный совет, что, распустив свое общество официально, он на деле сохранил его центральную организацию, чтобы посредством ее овладеть Интернационалом. Именно тут и заключается сущность всего спора. Мы готовы допустить, что Маркс был злой человек, Бакунин—человек добрый, пусть даже ангел. Не в этом дело, хотя мы уже давно знали, что за Бакуниным велись всякие грехи. Все люди грешны. Защитники Бакунина должны дать ясный ответ: суще-

ствовала ли действительно такая тайная организация или нет, позволил себе Бакунин надуть генеральный совет или нет, уверяя, что он распустил свое общество?

Несмотря на мою слепую любовь к Марксу, в которой меня обвиняет Меринг, я согласился бы с ним, что Бакунина злостно оклеветали, если бы старый друг Бакунина и историк Интернационала Гильом, теперь уже покойный, доказал, что всего этого не было. Но, к сожалению, Альянс продолжал существовать и вел все время упорную борьбу с Интернационалом. Наш милый и добрый Бакунин в этой борьбе пускал в ход все средства, которые считал необходимыми для достижения своей цели. Я не буду упрекать его за это. Смешно, однако, когда его поклонники стараются превратить его в человека, который в своей деятельности никогда не прибегал к рискованным средствам, который, как уверяет один из его наиболее бестолковых защитников, никогда не имел задних мыслей.

В чем же заключалась та цель, ради осуществления которой Бакунин считал хорошими все средства? Разрушение буржуазного общества, социальная революция—вот к чему стремился Бакунин. Но, ведь, и Маркс ставил себе ту же самую цель. Значит, разногласия лежали в другой области. И действительно Маркс и Бакунин резко расходились по вопросу о способах достижения этой цели.

Сперва разрушить, а там уже все само собой образуется, и чем скорее, тем лучше. Достаточно поднять революционных интеллигентов и озлобленных нуждою рабочих. Для этого нужно иметь группу, состоящую из решительных людей с революционным бесом в теле, Вот в сущности все учение Бакунина, которое с первого взгляда напоминает учение Вейтлинга. Но это только кажется, как имеется только чисто-внешнее сходство и с учением Бланки. Дело в том, что Бакунин и слышать не хотел о завоевании политической власти пролетариатом. Он отрицал всякую политическую борьбу, поскольку ее приходилось вести на почве существующего буржуазного общества, поскольку речь шла о создании более благоприятных условий для классовой организации пролетариата. Поэтому, Маркс и

все, кто, вместе с ним, считали необходимым вести политическую борьбу, организовать пролетариат для завоевания политической власти, в глазах Бакунина и его приверженцев, были самыми заскорузлыми оппортунистами, задерживающими наступление социальной революции. Поэтому бакунисты с радостью ухватились за случай изобразить Маркса человеком, который, для проведения своих идей, не постеснялся подделать устав Интернационала. И публично, и в особенности в циркулярах и письмах, бакунисты ругали Маркса последними словами, не стесняясь ни антисемитскими выходками, ни такими благоглупостями, как обвинение Маркса в том, что он является агентом Бисмарка.

У Бакунина были связи в Италии и в Швейцарии. Особенно в последней, и именно во французской ее части он приобрел много сторонников. Я не могу останавливаться подробно на причинах этого явления. Это нас завело бы слишком далеко в сторону от нашей главной темы. Скажу только, что наибольший успех имела его пропаганда там среди пришлых рабочих и ремесленников часовщиков, сильно страдавших от конкурренции развивавшегося крупного производства.

На базельский конгресс Бакунин явился, имея уже за собой значительную группу. Как часто бывает в таких случаях, первый бой загорелся по совсем другому вопросу. Бакунин, так ярко выступавший против всякого оппортунизма, особенно сильно отстаивал, как требование данного момента, отмену права наследования. Делегаты генерального совета, руководясь запиской Маркса, доказывали, что такая мера, как это уже было указано в Коммунистическом Манифесте, имеет значение только, как переходная мера, которую пролетариат осуществит, захватив политическую власть. Пока же можно добиваться только повышения налога на наследство и ограничения прав завещания. Но Бакунин не считался ни с логикой, ни с условиями. Для него было важно агитационное значение этого требования. В конце концов ни одна резолюция не собрала достаточного большинства. Другой конфликт возник между Бакуниным

и старым Либкнехтом. Дело в том, что базельский конгресс был первым, на котором появилась новая значительная группа из Германии. К этому времени Вильгельм Либкнехт и Август Бебель уже успели, после ожесточенной фракционной борьбы со Швейцером, организовать особую партию, которая на своем учредительном с'езде в Эйзенахе приняла программу Интернационала. В центральном органе этой партии деятельность Бакунина в обществе «Лига мира и свободы» была подвергнута резкой критике, и очень обстоятельно изложены его старые панславистские взгляды. Сам Меринг указывает, что Маркс очень долго высказывался против этой критики, но, как мы это видели уже в случае с Фогтом, его считали ответственным за все акты марксистов, к числу которых относились Либкнехт и Бебель. Бакунин воспользовался с'ездом, чтобы сосчитаться с Либкнехтом. Дело кончилось примирением, но только на время.

Следующий конгресс должен был происходить в Германии, в Майнце, но ему не суждено было собраться. Сейчас же после базельского конгресса политическая атмосфера настолько сгустилась, что можно было каждый день ждать взрыва военной грозы. Бисмарк, один из величайших плутов во всемирной истории, ловко обошел своего бывшего учителя, Наполеона, и, великолепно подготовившись к войне, обернул дело так, что нападающей стороной перед лицом всего мира выступила Франция.

Война действительно разразилась совершенно неожиданно. Помешать ей ни французские, ни немецкие рабочие не были в состоянии. Генеральный совет через несколько дней после об'явления войны опубликовал написанное Марксом воззвание.

Оно начинается цитатой из учредительного манифеста Интернационала, в которой осуждается «внешняя политика, играющая на национальных предрассудках, преследующая преступные планы и растрачивающая кровь и достояние народа в разбойнических войнах».

Следует обвинительный акт против Наполеона. Маркс дает сжатую картину его борьбы с Интернационалом, ко-

торая еще более усилилась после того, как французские интернационалисты развернули ожесточенную агитацию против Наполеона. Как бы ни окончилась война, прибавляет Маркс, смертный час второй империи в Париже уже пробил. Она кончится, как и началась, пародией.

Но виновен ли только один Наполеон? Нисколько. Виновны все европейские правительства. Надо помнить, что именно правительства и господствующие классы Европы помогали Бонапарту в течение 18 лет разыгрывать комедию восстановленной империи.

Но сильней всего обрушивается немец Маркс на свою родину. С немецкой стороны война является оборонительной. Но кто поставил Германию в необходимость обороняться? Кто вызвал в Наполеоне искушение напасть на Германию? Пруссия. Она заключила соглашение с Наполеоном против Австрии. Если бы Пруссия была побеждена, Франция наводнила бы своими солдатами Германию. А что сделала она после своей победы над Австрией? Вместо того, чтобы противопоставить порабощенной Франции свободную Германию, она, напротив, не только сохранила все прелести старого прусского режима, но еще привила к нему все характерные черты бонапартистского режима.

Первый, решающий фазис войны закончился поразительно быстро. Французская армия оказалась совершенно неподготовленной. Вопреки хвастливому заявлению военного министра, что все приготовлено до последней пуговицы, оказалось, что если действительно пуговицы имелись, то не было ничего того, что ими застегивалось. В каких-нибудь шесть недель французская регулярная армия была разбита в пух и прах, и уже 2-го сентября Наполеон сдал и себя, и большую крепость Седан пруссакам. А 4-го сентября в Париже уже была провозглашена республика. Вопреки заявлению Пруссии, что она воюет только с империей, война продолжалась. Начинался второй ее фазис, более упорный и продолжительный.

Сейчас же после провозглашения республики во Франции генеральный совет опубликовал свой второй манифест по поводу войны. Он был написан опять-таки Марксом и

представляет одно из его гениальнейших произведений как по глубине анализа текущего момента, так и по силе и остроте исторического предвидения. Для вас интересно будет знать, что он был подписан Марксом не только в качестве секретаря генерального совета для Германии, но и для России, так как незадолго перед этим образовалась русская секция Интернационала в Швейцарии, просившая Маркса представлять ее в генеральном совете.

Вы помните, что уже в первом манифесте Маркс предсказал, что война эта кончится гибелью второй империи. Ссылкой на это пророчество начинается второй манифест. Но не менее основательной оказалось и сделанная прежде Марксом критика прусской политики. Так называемая оборонительная война уже выродилась в войну против французского народа. Уже задолго до падения Седана и сдачи в плен Наполеона, как только выявилось невероятное разложение бонапартовской армии, прусская военная камарилья высказалась за политику завоевания. Маркс подвергает беспощадной критике и лицемерное поведение немецкой либеральной буржуазии. Пользуясь указаниями Энгельса, который, в качестве специалиста, внимательно следил за ходом войны и еще в первой половине августа предсказал падение Седана, Маркс разбирает военные аргументы, которыми прусские генералы и Бисмарк старались оправдать присоединение Эльзаса и Лотарингии к Германии.

Высказываясь самым резким образом против всяких аннексий и контрибуций, он доказывает, что такой насильнический мир приведет к прямо противоположным результатам. Следствием этого мира будет новая война, Франция захочет отыграться и будет для этого искать союза с Россией, таким образом, царская Россия, потерявшая свою гегемонию после крымской войны, снова станет вершительницей судеб Европы. Этот гениальный прогноз, предсказание хода европейской истории, явившийся великолепным практическим доказательством теоретической истины материалистического понимания истории, заканчивается следующими словами:

«Думают ли германские патриоты всерьез, что они свободу и мир Германии действительно гарантируют тем, что бросают Францию в об'ятия России? Если счастье немецкого оружия, опьянение успехом и династическая интрига приведут к территориальному ограблению Франции, тогда для Германии остаются открытыми две дороги. Она рискует превратиться в сознательное орудие прусских завоевательных планов,—политика, которая находится в согласии с традициями Гогенцоллернов,—или должна, по истечении короткого времени, опять готовиться к новой «оборонительной» войне, но не к какой-нибудь новомодной, «локализованной» войне, а к войне рас, к войне с союзными славянами и романцами. Это и есть тот мир, который «гарантируют» Германии скорбные главою патриоты буржуазии». Предсказание, которое исполнилось буквально и исполнение которого увидели еще собственными глазами не менее скорбные главой современные немецкие патриоты.

Манифест заканчивается изложением практических задач, которые диктовались тогда рабочему классу. Немецким рабочим рекомендуется требовать почетного мира и признания Французской республики. Французским рабочим, которые находились в еще более затруднительном положении, Маркс советует смотреть в оба за буржуазными республиканцами и использовать республику для того, чтобы быстро развить свою классовую организацию и добиться своего освобождения.

Ближайшие события вполне оправдали недоверие Маркса к французским республиканцам. Их гнусное поведение и готовность скорее вступить в соглашение с Бисмарком, чем сделать малейшую уступку рабочему классу, привели к провозглашению Коммуны. После трех месяцев героической борьбы, этот первый опыт диктатуры пролетариата, произведенный при самых неблагоприятных условиях, кончился неудачей. Генеральный совет не в состоянии был оказать необходимую помощь французам. Париж был отрезан французскими и немецкими войсками от всей остальной Франции и всего мира. Коммуна, правда, вызывала всеобщее сочувствие, и мы можем с гордостью сказать, что ее

судьба нашла живейший отклик и в нашей стране, где еще в апреле и мае 1871 года группа революционеров, во главе с Гончаровым, издавала листовки с призывом последовать примеру французских коммунаров.

Маркс, который во время Коммуны старался поддержать сношения с Парижем, как это показывает найденное мною письмо к Варлену, одному из наиболее выдающихся французских интернационалистов и мученику Коммуны, написал, по поручению генерального совета, манифест. Он выступил в защиту оклеветанных всей буржуазной прессой коммунаров и показал, что Парижская Коммуна является новым крупным этапом в развитии пролетарского движения, что она представляет прообраз того пролетарского государства, которое возьмет на себя осуществление коммунизма. Уже на основании опыта революции 1848 года Маркс пришел к выводу, что рабочий класс, захватив политическую власть, не может просто овладеть буржуазным государственным аппаратом, что ему придется сломать всю эту бюрократическую и полицейскую машину. Опыт Коммуны окончательно убедил его в этом. Она показала, что пролетариат, овладев властью, вынужден создавать свой государственный аппарат, приспособленный к его собственным потребностям. Но тот же опыт Коммуны показал, что пролетарское государство не может ограничиваться рамками одного, даже центрального города. Власть пролетариата должна распространиться на всю страну, чтобы иметь шансы укрепиться, и на ряд капиталистических стран, чтобы одержать окончательную победу.

Бакунин и его приверженцы, наоборот, сделали из опыта Коммуны другие выводы. Они продолжали еще более страстно воевать против всякой политики и государства, рекомендуя устраивать при первом удобном случае «коммуны» в отдельных городах, чтобы увлечь своим примером других.

Поражение Коммуны имело очень неблагоприятные последствия для самого Интернационала. Французское рабочее движение замерло на несколько лет. В Интернационале оно было представлено только многочисленными беглецами

Коммуны в Англии и Франции, среди которых свирепствовала самая ожесточенная фракционная борьба, переносившаяся и в генеральный совет.

Сильный удар нанесен был и немецкому рабочему движению. Бебель и Либкнехт, протестовавшие против аннексии Эльзаса и Лотарингии и солидаризовавшиеся с Парижской Коммуной, были арестованы и приговорены к заключению в крепость. Швейцер, потерявший доверие своей партии, вынужден был уйти из нее. Приверженцы Либкнехта и Бебеля, так называемые эйзенахцы, продолжали работать отдельно от лассальянцев и начали сближаться только после того, как правительство обрушилось с одинаковой свирепостью на обе враждующие партии. Таким образом Интернационал потерял сразу свою опору в двух крупнейших странах на континенте Европы.

Но и в самом английском рабочем движении произошел перелом. Война на континенте между двумя наиболее развитыми в промышленном отношении странами принесла английской буржуазии не меньше выгод, чем последняя европейская война американской. Она в состоянии была теперь уделить из своих сверхприбылей известную часть многочисленным рабочим в главных отраслях промышленности. Профсоюзы получили большую свободу действий. Были отменены направленные против них некоторые старые законы. Все это оказало свое влияние и на некоторых членов генерального совета, игравшего большую роль в профдвижении. По мере того, как Интернационал становился радикальнее, многие из них становились все умереннее и умереннее. Они продолжали состоять только формально членами генерального совета, используя свое звание в то же время в личных интересах. Коммуна и вызванные ею ожесточенные нападки на Интернационал испугали их. Хотя манифест по поводу Парижской Коммуны написан был Марксом по поручению генерального совета, эти члены поспешили отречься от солидарности с ним. На этой почве произошел раскол в английской секции Интернационала.

При таких условиях созвана была, наконец, в сентябре 1871 года, конференция Интернационала в Лондоне. Ей

пришлось заниматься главным образом двумя вопросами: первым из них являлся все тот же спорный вопрос о политической борьбе. Между прочим, одним из поводов, которые заставили конференцию заняться им, послужило усердно повторявшееся бакунистами обвинение Маркса, что он нарочно подделал устав Интернационала, чтобы навязать ему свое мнение. Резолюция на этот раз дала ответ, который не мог уже вызвать никаких сомнений и означал полное поражение бакунистов.

Так как она, вероятно, многим из вас неизвестна, то, в виду особой ее важности, я позволю себе прочитать ее заключительную часть.

«Принимая во внимание необузданную реакцию, которая насильственно подавляет освободительное движение рабочих и хочет путем грубой силы сохранить разделение на классы и вытекающее из него политическое господство имущих классов;

«что эта организация пролетариата в политическую партию необходима, чтобы обеспечить торжество социальной революции и ее конечной цели: уничтожения классов;

«что об'единение рабочих сил уже достигнуто экономической борьбой и должно служить также рычагом в руках рабочего класса в борьбе против политической власти эксплоататоров;

«конференция напоминает всем членам Интернационала, что в боевом плане рабочего класса его экономическое движение и политическая деятельность связаны между собой неразрывно».

Но конференции пришлось заняться бакунистами и по другому поводу. В генеральном совете все более укреплялось убеждение, что, вопреки всем уверениям Бакунина, его тайное общество продолжает существовать. Конференция поэтому приняла резолюцию, которая запрещала в рамках Интернационала организацию всякого другого общества с особой программой. В связи с этим она опять приняла к сведению заявление бакунистов, что Альянс распущен, и об'явила этот инцидент исчерпанным.

Но было еще одно постановление, которое должно было особенно обеспокоить Бакунина и его русских приверженцев. Конференция решила заявить самым категорическим образом, что Интернационал не имеет ничего общего с делом Нечаева, который обманным образом присвоил себе и использовал имя Интернационала.

Это решение направлено было исключительно против Бакунина, который, как всем известно было, давно уже связался с Нечаевым, русским революционером, бежавшим в марте 1869 года за границу. Осенью этого же года он вернулся в Россию с полномочиями от Бакунина и здесь в Москве организовал особую группу. Заподозрев студента Иванова в желании выдать организацию, он его, при помощи некоторых товарищей, убил недалеко от Петровско-Разумовской Академии и опять скрылся за границу. Арестованные в связи с этим делом члены его новой организации, а также многие связанные с ним по работе среди питерского студенчества в 1868—1869 г., были преданы суду летом 1871 года. Именно это дело известно под названием Нечаевского. На суде были опубликованы многие документы, которые были использованы представителями обвинительной власти, безбожно путавшими общество Бакунина и его русскую ветвь с Интернационалом. Но достаточно сравнить эти документы с писаниями Бакунина, чтобы узнать их настоящего автора. От таких же воззваний, писаных Бакуниным для западных своих товарищей, они отличаются только большей откровенностью, и там, где они поправлялись и дополнялись Нечаевым, большей топорностью и аляповатостью изложения.

Обыкновенно изображают дело так, что Бакунин поддался влиянию Нечаева, который обошел его кругом и использовал для своих целей. Действительно. Нечаев, мало образованный человек, отрицавший, как совершенно бесплодную, всякую теоретическую работу, был человеком исключительной энергии, с железной волей, беззаветно преданным своему делу революционером, доказавшим после и на суде, и в тюрьме свое непоколебимое мужество и непримиримую ненависть к угнетателям и эксплоататорам

народа. Готовый на все, считая хорошими все средства для достижения главной цели, которой он посвятил свою жизнь, он никогда не унижался до них, когда речь шла о его личности. В этом отношении он стоит несравненно выше Бакунина, который шел на всякие сделки и во имя личных целей. В этом отношении превосходство Нечаева не подлежит никакому сомнению, и все показывает, что это прекрасно сознавал и сам Бакунин, высоко ценивший и уважавший Нечаева, человека, который в умственном отношении стоял значительно ниже его.

Но из всего этого было бы наивно делать вывод, что Нечаев навязал Бакунину и свои собственные революционные взгляды. Наоборот. Он сам был учеником Бакунина. Но там, где наш апостол разрушения оказывался непоследовательным человеком и неустойчивым революционером. Нечаев отличался железной последовательностью и делал все практические выводы из теоретических посылок своего учителя. Когда Бакунин ему сказал, что не может отказаться от взятой им работы—это был перевод «Капитала. — потому, что получил аванс, Нечаев предложил ему освободить его от этого обязательства и сделал это очень просто: от имени революционного комитета «Народной Расправы» написал посреднику между Бакуниным и издателем, чтобы он, если не хочет быть убитым, оставил Бакунина в покое. Если Бакунин все время выдвигал люмпен-пролетариат, как настоящего носителя социальной революции, против крупно-промышленного пролетариата, если особенно пригодным элементом для вовлечения в ряды революционной армии он считал уголовных преступников и разбойников, то Нечаев вполне последовательно пришел к заключению, что необходимо организовать в Швейцарии решительных людей для устройства экспроприаций. Бакунин в конце концов разошелся со своим учеником, но не принципиально, а только потому, что его испугала прямолинейность Нечаева. Но, и разошедшись с ним, он не осмелился сделать это публично, ибо в руках Нечаева было чересчур много компрометировавших его документов.

Сейчас же после лондонской конференции началась еще более ожесточенная склока. Бакунисты об'явили открытую войну генеральному совету, обвиняя его в подтасовке конференции и навязывании всему Интернационалу догмата о необходимости организации пролетариата в особую партию для завоевания политической власти. Они требовали созыва с'езда, который окончательно решил бы этот вопрос.

Этот с'езд, к которому обе стороны готовились самым усердным образом, собрался в сентябре 1872 года. На нем в первый раз принял личное участие Маркс. Бакунина не было. По главному принципиальному вопросу была подтверждена резолюция конференции с одним маленьким прибавлением, заимствованным почти буквально из учредительного манифеста Интернационала. Оно гласило: «Так как владельцы земли и капитала пользуются всегда своими политическими привиллегиями, чтобы защищать и увековечивать свои экономические монополии и порабощать труд, то завоевание политической власти составляет великую обязанность пролетариата».

Особая комиссия, рассмотревшая все документы по делу Альянса и пришедшая к заключению, что это общество продолжало существовать, как тайное, внутри Интернационала, предложила исключить Бакунина и Гильома. Предложение было принято.

В резолюции об исключении Бакунина сказано, что он исключен кроме того и за один «личный факт». Речь шла о том факте, который я прежде упомянул в связи с Нечаевым. Я лично тоже думаю, что было достаточно оснований исключить Бакунина только по одним политическим причинам. Но смешно превращать эту печальную историю, в которой Бакунин является жертвой только своей собственной бесхарактерности, в повод для страшных обвинений против Маркса. Еще более смешно, когда дело изображают так. Бакунин, как это делают и многие другие литераторы, взял у издателя аванс и не отработал его. Разве это мошенничество? Конечно, нет. Но когда защитники Бакунина, а к числу их присоединился после и Меринг, говорят, что

Маркс не должен был ставить это Бакунину в вину, то они или не понимают, или забывают, что речь шла не о том, вернул ли Бакунин или нет полученный аванс, а о чем-то более серьезном. Меринг, как это с ним часто случалось, стал на точку зрения литератора. Ведь много писателей, пишет он, остались должны своим издателям, получив от них задатки. Конечно, это не особенно похвально, прибавляет он, но за такие проступки еще не вешают виновных в них. Он этим засвидетельствовал лишь, что он так же мало понимал основной спор, происходивший на гаагском конгрессе, и его заключительную сцену, как и анархисты. Там, где Бакунин и его приятели видели, если и легкомысленный, то все-же простительный проступок, от которого пострадал только издатель, там члены комиссии, имевшие в распоряжении все документы, видели преступное злоупотребление именем революционной рабочей организации, которую все ставили в связь с Интернационалом, для своих личных целей, для того, чтобы освободиться от выполнения своего денежного обязательства. Если бы документ, который был в руках комиссии,—он был и в моих руках,—был опубликован в свое время, он доставил бы величайшее удовлетворение всему буржуазному миру. Он писан был Нечаевым, но его содержание не только не стояло в противоречии с принципами Бакунина, но и вполне соответствовало им. Надо еще прибавить, что Бакунин разошелся с Нечаевым не из-за этого дела, а потому, что, как ему казалось, Нечаев готов был и на него самого смотреть, как на орудие для достижения своих революционных целей. Достаточно прочитать письма Бакунина к друзьям, чтобы видеть, как мало церемонился он, возводя на своих противников—в том числе и Маркса—не политические обвинения, на что он имел полное право, а именно личные. Мы знаем теперь, что Бакунин был автором знаменитого руководства для революционеров, которое приписывалось Нечаеву и вызвало, после опубликования на процессе, всеобщее возмущение в рядах революционеров. А друзья Бакунина упорно отрицали его авторство и сваливали его все на того же Нечаева

Гаагский конгресс закончился предложением Энгельса перенести местопребывание генерального совета в Америку, в Нью-Йорк. Я уже указывал вам, что к этому времени Интернационал потерял свою опору не только во Франции, где с 1872 года один только факт принадлежности к Интернационалу об'явлен был преступлением, не только в Германии, но и в Англии. Предполагалось, что это перенесение центра Интернационала будет только временным. Оказалось, однако, что гаагский конгресс был последним конгрессом, имевшим значение в истории Интернационала. В 1876 году генеральный совет в Нью-Йорке опубликовал извещение о том, что Первый Интернационал прекратил свое существование.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Переезд Энгельса в Лондон.— Его роль в генеральном совете.— Болезнь Маркса.—Энгельс, как его заместитель.—„Анти-Дюринг".—Последние годы Маркса и его интерес к России.— Энгельс, как издатель литературного наследства Маркса.— Роль Энгельса в эпоху Второго Интернационала.—Смерть Энгельса.

Мы в прошлый раз закончили изложение истории Интернационала. Я почти ничего не говорил о роли Энгельса. А что она вас очень интересует, я знаю по запискам, которые получал от своих слушателей, в партклубах. По поводу Энгельса всегда спрашивают, правда ли, что он был фабрикантом. А так как в последнее время это слово «фабрикант» опять ожило в связи с новой экономической политикой, и им даже начали злоупотреблять, пуская его в ход против коммунистов-хозяйственников, то я остановлюсь на этом вопросе. Из песни слова не выкинешь. Энгельс, как вы уже слышали от меня в самом начале, происходил из родовитой фабрикантской семьи и был сам фабрикантом. Основание Интернационала совершилось без него, и до начала 1870 г. он принимал только незначительное и косвенное участие. За эти годы он написал несколько статей для английских рабочих журналов. Я не говорю о той помощи, которую он все время оказывал Марксу, для которого первые годы Интернационала были опять годами горькой нужды. Если бы не помощь Энгельса и маленькое наследство, оставленное Марксу его старым другом Вильгельмом Вольфом, которому он посвятил «Капитал», Маркс вряд ли справился бы с этой нуждой и наверное не мог бы обработать для печати свой главный труд. Среди его писем вы найдете трогательное письмо к Энгельсу, в котором он извещает своего друга, что он, наконец, закончил корректуру последнего листа.

«Наконец-то,—пишет он,—этот том закончен. Только т е б е я обязан тем, что это стало возможным. Без твоей самоотверженной помощи я не мог бы никак проделать эту колоссальную работу для всех трех томов. Я глубочайше благодарю тебя и обнимаю».

Я только что сказал, что Энгельс и сам был фабрикантом. Надо прибавить, однако, что он стал им на короткое время. Когда умер его отец в 1860 году, он продолжал еще несколько лет оставаться простым служащим. Только в 1864 году он стал компаньоном и одним из директоров фабрики. Все это время он старался избавиться от своего «собачьего занятия». Но его останавливала мысль не только о себе, но и о Марксе. В этом отношении опять-таки очень любопытны его письма к Марксу в 1868 году, в которых он сообщает ему, что ведет переговоры о выходе из фирмы, но хочет это сделать на таких условиях, чтобы обеспечить и себя, и друга. Наконец, ему удалось заключить договор со своим компаньоном, и в 1869 году он расстался, наконец, со своей фабрикой, на условиях, давших ему возможность обеспечить и Маркса, который с тех пор окончательно избавился от угнетавшей его нужды. Но Энгельсу удалось только в сентябре 1870 года переехать в Лондон.

Для Маркса это была не только личная радость, но и значительное облегчение в той колоссальной работе, которую он выполнял для генерального совета. Приходилось ведь иметь дело с бесконечным количеством представителей различных наций, сноситься с ними лично и письменно. А Энгельс, который еще в молодости отличался необыкновенными способностями по части изучения языков, писал и, как шутили его приятели, заикался чуть ли не на двенадцати языках. Это был таким образом великолепный работник по части корреспонденции с разными странами, который, в течение многолетней своей торговой службы, приучился, не в пример Марксу, вносить в это дело строгий порядок.

Энгельс немедленно взялся за эту работу, как только сделался членом генерального совета. Но он взял на себя и другую часть работы, чтобы избавить от нее Маркса, здоровье которого было уже надорвано чрезмерным трудом и лишениями. Человек энергичный, давно уже привыкший к такой деятельности, Энгельс сразу же, как это видно из протоколов генерального совета, стал одним из прилежнейших его членов.

Но это обстоятельство имело и обратную сторону. Энгельс переехал в Лондон, когда уже началась борьба с бакунистами, которая нашла свое отражение и в генеральном совете. Кроме того, к этому времени, как вы видели, и среди самих англичан шел большой разброд. Одним словом, это была пора большой принципиальной и тактической склоки.

Но вы, товарищи, прекрасно знаете, и из опыта московской организации, и из опыта отдельных районов, что в таких случаях эти политические разногласия иногда осложняются и усиливаются личными свойствами враждующих. Бывает и так, что некоторые члены организации размещаются по различным группам или платформам не столько в силу принципиальных разногласий, сколько в силу личных отношений к тому или другому, как у нас любят иногда ни к селу, ни к городу выражаться, вождю или влиятельному члену той или иной группы. Симпатии и антипатии к определенному лицу переносятся часто товарищами, у которых голос сердца заглушает голос разума, на те учения, принципы, представителем которых он является. Как бы то ни было, всякая такая принципиальная борьба всегда осложняется примесью личных разногласий.

Если такая склока завязывается в районе, то, вы знаете, делу иногда можно помочь временным перемещением. Но это средство хорошо действует в пределах района, в пределах губернии, даже в пределах страны, и совсем неприменимо в пределах Интернационала. Вообще такой способ разрешения противоречий, как перемещение с одного места на другое, имеет очень ограниченное значение. Гораздо лучше поскорее изжить такое противоречие либо путем соглашения, либо путем разделения.

Я уже говорил о тех об'ективных причинах, которые вызвали разброд в английской части Интернационала. Чего не понимают или не могут понять некоторые историки Интернационала, и в особенности историки английского рабочего движения, так это то, что генеральный совет, руководивший от 1864 до 1873 года международным рабочим движением, служил в то же время и руководящим органом английского рабочего движения. И если междуна-

родные дела влияли на английские, то, наоборот, всякая перемена в английском рабочем движении не могла не отражаться на международных функциях генерального совета. Я уже указывал в прошлый раз, как в результате тех уступок, которые получены были английскими рабочими в 1867—1871 г.г.—избирательное право для городских рабочих и легализация профсоюзов—среди профессионалистов, сидевших в генеральном совете, усилилось соглашательское течение. К ним склонялся и Эккариус, к этому времени ставший сравнительно зажиточным человеком и, как это случается нередко и с рабочими, сделавшийся гораздо терпимее к буржуазии. Но, кроме Эккариуса, был и ряд других членов генерального совета, разошедшихся после с Марксом.

И вот тут надо сказать, что, поскольку речь шла не только о принципиальных разногласиях, а о личных условиях, создавших это расхождение, то оно объясняется именно появлением в генеральном совете Энгельса, с тех пор очень часто замещавшего Маркса. Прошло почти двадцать лет с тех пор, как Энгельс уехал в Манчестер и таким образом оторвался от рабочего движения.

Маркс все это время оставался в Лондоне, поддерживал сношения с чартистами, работал в их органах, принимал участие и в немецких рабочих кружках и в эмигрантской жизни. Он встречался с товарищами, читал лекции, часто ругался с ними, и довольно свирепо, ругались и они с ним, но отношения к «отцу» Марксу были теплые, товарищеские, проникнутые любовью, как мы это видим из всех воспоминаний, даже писаных теми, которые разошлись с Марксом политически. Особенно теплые отношения установились между рабочими и Марксом в эпоху Интернационала. Члены генерального совета, наблюдавшие Маркса и на его бедной квартире, видевшие его нужду—а он жил не лучше многих английских рабочих,—наблюдавшие его в генеральном совете, знавшие его готовность бросить все свои занятия, любимый научный труд, чтобы отдать свое время, свои силы рабочему классу, относились к нему с глубочайшим уважением. Без всякого вознаграждения, отказываясь от всех показных преимуществ, уклоняясь от всякого почетного звания, он работал, не покладаючи рук.

С Энгельсом дело обстояло иначе, английские члены генерального совета его совершенно не знали. Так же мало знали его и другие члены. Только немецкие товарищи помнили о нем, да и то не все, но и среди них Энгельс еще должен был завоевать себе положение. А для других это был богатый человек, фабрикант из Манчестера, о котором рассказывали, что двадцать пять лет назад он написал хорошую книгу об английских рабочих на немецком языке. Двадцать лет вращавшийся почти исключительно в буржуазном обществе, среди биржевых волков и промышленных коршунов, Энгельс, всегда отличавшийся особенной выдержкой в личном обращении, научился еще больше хорошим манерам. Всегда одетый с иголочки, ровный, холодный по внешности, всегда вежливый, с военными замашками, он не скажет ни одного крепкого словца, но от него так и веет сухостью и холодом.

Таким описывают Энгельса знавшие его лично люди еще в сороковых годах. Мы знаем, что и в редакции «Новой Рейнской Газеты», во время отлучек Маркса, у Энгельса происходили сильные размолвки с товарищами, которым он иногда слишком чувствительно давал знать свое умственное превосходство. Менее вспыльчивый, чем Маркс, он был гораздо более нетерпим в личных отношениях, и отталкивал от себя многих рабочих, в отличие от Вильгельма Вольфа и Маркса, которые оба являлись идеальными наставниками и товарищами.

Только постепенно Энгельс приспособился к новой обстановке, освобождаясь от своих старых привычек. А пока он, как раз в эти трудные годы, когда ему часто приходилось замещать Маркса, своими личными качествами не в малой степени обострил отношения, в особенности в генеральном совете. Этим можно об'яснить, почему не только Эккариус, но и такие старые сотрудники Маркса, как Юнг, бывший долго генеральным секретарем Интернационала и тесно связанный лично с Марксом, который очень охотно и в очень деликатной форме помогал ему нести его трудные обязанности, постепенно отходят.

Не обошлось дело и без обычных в таком случае сплетен и сплетен. Многие, как я уже сказал, именно потому, что они не имели никакого понятия об Энгельсе, не понимали, почему это Маркс так любит и расхваливает своего друга. Надо читать отвратительные и пошлейшие воспоминания Гайндмана, основателя английской социал-демократии, чтобы увидеть, насколько были извращены их об'яснения. У них выходило, что Маркс так дорожит связью с Энгельсом, потому что последний богат, потому, что он его кормит. Особенно гнусно вели себя некоторые англичане и среди них некий Смит, после выступавший в качестве переводчика на конгрессах Второго Интернационала и еще во время войны отличавшийся не меньше, чем Гайндман, своим социал-патриотизмом. Энгельс никогда не мог простить ему, как и другим, этой сплетнической кампании против Маркса и, как рассказывал Вандервельд, незадолго до своей смерти спустил с лестницы явившегося к нему Смита.

Но тогда, в начале семидесятых годов, эти сплетни распространялись самым злостным образом и среди немецких рабочих лассальянского толка, наезжавших в Лондон, и в особенности с исключением, после поражения Коммуны, многих молодых революционеров, для которых не существовало никакой истории. Именно они, в связи с той финансовой помощью, которую генеральный совет оказывал эмигрантам, подняли тем большую бучу, чем больше разрывались Маркс и Энгельс, чтобы организовать помощь коммунарам.

Но участие Энгельса обостряло раскол не только в Лондоне. Вы помните, что Бакунин и его приверженцы работали главным образом, кроме России, в романских странах —Италии, Испании, южной Франции, Португалии, во французской и итальянской Швейцарии. Италию Бакунин особенно ценил, потому что в ней преобладал люмпен-пролетариат, босяцкий пролетариат, в котором он видел главную революционную силу, там же была и беспардонная молодежь, не имевшая никакой надежды сделать себе карьеру в буржуазном обществе, там же процветал бандитизм или разбойничество, как форма, в которой выливался протест

бедного крестьянства. Иными словами, там были особенно развиты как раз те элементы—крестьянство, босая команда, разбойники, которым он придавал такое огромное значение и в России.

И вот всю главную переписку с этими странами вел именно Энгельс, и вел, как это можно видеть по некоторым сохранившимся черновикам, ибо аккуратный Энгельс оставлял себе копию, в духе беспощадной борьбы с бакунистами.

Знаменитая брошюра об Альянсе Бакунина, которая представляет собой доклад комиссии гаагского конгресса и самым резким образом бичует и разоблачает политику и тактику бакунистов, была написана Энгельсом и Лафаргом, который, после поражения Коммуны, бежал в Испанию и сам вступил в ожесточенную полемику с испанскими последователями Бакунина. Маркс принимал участие только в заключительной главе, хотя, конечно, политически солидаризировался со всем этим обвинительным актом против бакунизма.

После 1873 г. Маркс сходит с публичной арены. В этом году он закончил второе издание первого тома «Капитала» и редактировал французский перевод, последний выпуск которого вышел в 1875 г. Если прибавить к этому новое послесловие, написанное им к старой книжке о Союзе Коммунистов, и маленькую статью, написанную для итальянских товарищей, то это все, что Маркс опубликовал до 1880 г. Поскольку ему позволяло надорванное здоровье, он продолжал обрабатывать свой главный труд, первый набросок которого закончен был им еще в первой половине шестидесятых годов. Но ему так и не удалось окончательно подготовить к печати даже второй том, над которым он работал в это время. Мы знаем теперь, что последняя рукопись, которая вошла в этот том, написана в 1878 г. Всякая напряженная умственная работа грозила переутомленному мозгу ударом. Эти годы для семьи и для Энгельса проходят в постоянном опасении такого внезапного конца. Могучий организм, справлявшийся прежде со сверхчеловеческой работой, теперь уже обессилел и с несравненно большим трудом переносит всякие потрясения, нравственные и физические,—чем

в те годы, когда Маркса терзала и материальная нужда. Трогательная и внимательная заботливость Энгельса, делавшего все, что только можно было, чтобы поставить на ноги своего старого друга, мало помогала. Пред Марксом лежал в черновике огромный труд, за переработку которого он снова и снова принимался, как только получал маленькую передышку, как только исчезала непосредственная опасность смерти, как только врачи позволяли ему работать несколько часов в день. Его все время мучило сознание, что он уже не в состоянии справиться с этой работой. «Быть неработоспособным, говорил Маркс, это—смертельный приговор для всякого человека, который не хочет быть просто скотиной». После 1878 г. он вынужден бросить дальнейшую работу над «Капиталом» в надежде, что он сможет вернуться к ней в более благоприятное время. Надежда эта не оправдалась. Он все еще в состоянии читать, он продолжает делать для себя выписки, он внимательно следит за развитием международного рабочего движения, он принимает в нем деятельное идейное участие, отвечая на многочисленные запросы, поступающие к нему из разных стран. Список адресов, которые он заносит в особую книгу, приобретает особенно внушительные размеры к началу восьмидесятых годов. Вместе с Энгельсом, который в это время окончательно перенимает на себя всю главную работу, он опять становится сведущим человеком, экспертом для быстро развивающегося рабочего движения, в котором начинают окончательно побеждать идеи «Коммунистического Манифеста». Огромная заслуга в этом отношении принадлежит Энгельсу, который как раз в семидесятых годах, еще при жизни Маркса, развивает энергичную деятельность.

Когда говорят о борьбе марксистов и бакунистов в Первом Интернационале, то это большое преувеличение. Бакунистов было действительно немало, но и среди них были самые разнообразные элементы, об'единенные только борьбой против генерального совета. Несравненно хуже обстояло дело с марксистами. За Марксом и Энгельсом стояла только ничтожная кучка людей, знакомых с Коммунистическим Манифестом, понимавших во всем об'еме учение

марксизма. Опубликование «Капитала» на первых порах мало помогло в этом отношении. Для огромного большинства это была в полном смысле слова гранитная глыба, которую с усердием кусали, но и только. Достаточно познакомиться с писаниями немецких социал-демократов в первую половину семидесятых годов, даже с брошюрами Вильгельма Либкнехта, непосредственного ученика Маркса, чтобы видеть, как плохо обстояло дело с теоретическим изучением марксизма. Страницы центрального органа немецкой партии зачастую заполнялись самой причудливой окрошкой из различных социалистических систем. Метод Маркса и Энгельса, материалистическое понимание истории, учение о классовой борьбе,—все это оставалось книгой за семью печатями, и тот же Либкнехт настолько плохо разбирался в философии марксизма, что смешивал диалектический материализм Маркса и Энгельса с естественно-историческим материализмом Молешотта и Бюхнера.

И вот Энгельс берет на себя работу по защите и распространению идей марксизма, в то время, как Маркс, как мы видели, тщетно старается закончить «Капитал». Энгельс придирается то к какой-нибудь особенно поразившей его статье, то к какому-нибудь факту «текущего момента», чтобы на частном вопросе показать глубокое различие между научным социализмом и другими социалистическими системами или осветить какой-нибудь практический вопрос с точки зрения научного социализма, чтобы показать, как применять на практике его метод.

Так, когда известный немецкий прудонист Мюльбергер выступил в центральном органе немецкой социал-демократии со статьями о квартирном вопросе, Энгельс пользуется этим случаем, чтобы показать, какая пропасть отделяет марксизм от прудонизма и, кроме этого великолепного дополнения к книге Маркса «Нищета философии», дает марксистское освещение одного из важнейших факторов, определяющих положение рабочего класса.

Он переиздает свою старую работу с новым предисловием о «Крестьянской войне в Германии», чтобы дать молодым товарищам образец применения материалистиче-

ского понимания истории к одному из важнейших эпизодов истории Германии и немецкого крестьянства.

Возникает вопрос в рейхстаге о тех премиях, которыми прусские помещики хотят обеспечить свое прибыльное занятие спаивания народа водкой, и Энгельс в брошюре, которая так и называется «Прусский шнапс в немецком рейхстаге», не только разоблачает вожделения прусских юнкеров, но и пользуется этим случаем, чтобы выяснить историческую роль помещичьего землевладения и прусских юнкеров. Все эти работы Энгельса, в связи с его другими статьями по немецкой истории, дали после Каутскому и Мерингу возможность популяризовать и развить дальше основные мысли Энгельса в своих работах по немецкой истории.

Но самая крупная заслуга Энгельса—это его работы, относящиеся к 1876—77 г.г. В 1875 г. произошло об'единение лассальянцев и эйзенахцев на почве так называемой Готекой программы, которая представляла собой плохой компромисс между марксизмом и тем его извращением, которое носит имя лассальянства. Против этой программы Маркс и Энгельс протестовали самым энергичным образом не потому, что они были против об'единения, не потому, что они требовали непременно изменения программы в духе их указаний. Они совершенно резонно находили, что если безусловно необходимо об'единение, то нет никакой нужды принимать, как теоретическую основу этого об'единения, плохую программу, а что лучше всего было подождать с этим делом, ограничиваясь общей платформой для повседневной практической работы. Их точку зрения против Либкнехта разделяли Бебель и Бракке.

Но уже через несколько месяцев Маркс и Энгельс имели возможность убедиться, что по части теоретической подготовки об'единившиеся фракции стоят на одинаковом уровне. В партии, среди молодых ее членов, не только среди интеллигентов, но и среди рабочих, начало приобретать большую популярность учение известного немецкого философа и экономиста Евгения Дюринга. Он был одно время приват-доцентом берлинского университета и вы-

зывал к себе симпатии как своей личностью, так и необычной для немецкого профессора смелостью своих выступлений. Слепой человек, он читал лекции и по истории механики, и по политической экономии, и по философии. Это разнообразие знаний вызывало удивление, ибо всем было известно, что ему читают все необходимые ему книги вслух и что он все свои книги диктует. Это был во всяком случае выдающийся человек. Когда он выступил с резкой критикой старых социалистических учений, и, в особенности, Маркса, его лекции произвели большое впечатление. Студентам и рабочим казалось, как это казалось и нашим русским поклонникам Дюринга, что к ним говорит «голос жизни в области мысли». Дюринг подчеркивал значение активности, борьбы, протеста, выдвигал против экономического фактора фактор политический, упирал на значение силы, насилия в истории. В своей полемике он не стеснялся и ругал не только Маркса, но и Лассаля на все корки, не стыдясь пускать против него и такой неопровержимый довод, что Маркс был еврей.

Энгельс долго колебался, прежде чем выступить против Дюринга. Наконец, он уступил настояниям своих немецких друзей и выступил в 1877 г. в центральном органе партии «Вперед» с рядом статей, в которых подверг уничтожающей критике взгляды Дюринга, вызвав этим негодование среди части своих товарищей по партии. Во главе дюрингианцев были тогда Бернштейн, будущий теоретик ревизионизма, и Мост, будущий лидер немецких анархистов. На с'езде немецкой социал-демократии выступил с резкими нападками на Энгельса ряд делегатов, в том числе и старый лассальянец Вальтейх. Дело дошло до того, что чуть не прошла резолюция, которая запрещала печатать дальнейшие статьи в центральном органе той партии, которая считала своими учителями Маркса и Лассаля.

Скандал получился бы невероятный, но в конце концов нашелся один соглашатель, который предложил необыкновенно мудрую контр-резолюцию: статьи Энгельса продолжать печатать, но не в самом центральном органе, а в приложении к нему. На этом помирились.

Статьи эти были собраны в книгу и вышли отдельным изданием в 1878 году. Эта книга «Переворот в науке, совершенный Дюрингом», или, как мы ее обыкновенно называем, «Анти-Дюринг» — составила эпоху в истории марксизма. Только из нее молодое поколение, начавшее свою работу во второй половине семидесятых годов, узнало, что такое научный социализм, каковы его философские начала, каким он пользуется методом. «Анти-Дюринг» оказался лучшим введением и в изучение «Капитала». Достаточно познакомиться со статьями, которые писались тогда так называемыми марксистами, чтобы увидеть, какие несуразные выводы они делали из «Капитала», который они понимали и вкривь, и вкось. Приходится признать, что для распространения марксизма, как особого метода и особой системы, никакая книга, после «Капитала», не имела такого значения, как «Анти-Дюринг». Все молодые марксисты, выступавшие в начале восьмидесятых годов, воспитались на этой книге—Бернштейн, Каутский, Плеханов.

Но эта книга оказала влияние не только на партийные верхи. Уже в 1880 году Энгельс, по просьбе французских марксистов, выделил из нее несколько глав, переведенных на французский язык и составивших одно из наиболее известных произведений марксизма, распространенное не меньше, чем «Коммунистический Манифест». Это—хорошо известное и вам «Развитие социализма от утопии к науке». Она сейчас же была переведена на польский язык и через года через полтора после ее появления в отдельном немецком издании вышла и на русском языке. Все эти работы сделаны были Энгельсом еще при жизни Маркса, иногда принимавшего в них участие не только советами, но и непосредственно, как, например, в «Анти-Дюринге», для которого Маркс написал целую главу.

К началу восьмидесятых годов происходит перелом в европейском рабочем движении. Идеи марксизма, в значительной степени благодаря неутомимой работе Энгельса, его блестящим популяризаторским способностям, все больше завоевывают рабочее движение. В Германии, где социал-демократическая партия попадает в 1876 году под

действие закона против социалистов, после кратковременного замешательства, все больше одерживает верх марксистское течение. Как видно из воспоминаний Бебеля, лондонские старики сыграли в этом повороте большую роль, потребовав, под угрозой публичного протеста, прекращения того, что они называли «скандалом», и непримиримой борьбы со всякими попытками вступить в какое-нибудь соглашение с буржуазией.

Во Франции в 1879 году на марсельском конгрессе организуется новая рабочая партия с социалистической программой. Среди нее выделяется молодая марксистская группа, во главе которой становится бывший бакунист Жюль Гэд. В 1880 году решено было выработать новую программу. С этой целью Гэд и его товарищи совершают поездку в Лондон к Марксу, который принял деятельное участие в выработке этой программы. Не соглашаясь с некоторыми пунктами в практической части, на которых настаивали французы, в виду их местного агитационного значения, Маркс формулировал всю принципиальную часть. Он опять показал свое умение, вопреки утверждению Меринга, понять особенности французских условий и найти такую формулировку, которая была понятна всякому французу, но из которой с железной логикой вытекали основные принципы коммунизма. Французская программа послужила образцом для всех следующих программ—русской, австрийской и эрфуртской. Когда Гэд и Лафарг составили комментарий к этой программе, он был переведен Бернштейном на немецкий, а затем Плехановым и на русский язык под названием «Чего хотят социал-демократы». По этой книжке учились у нас первые русские марксисты, для которых она, на ряду с брошюрой Энгельса, служила введением в изучение программы и основной книжкой для преподавания в рабочих кружках.

Для французов же Маркс составил подробный вопросник, рабочую анкету для исследования положения рабочего класса. Он вышел анонимно, без подписи Маркса. В то время, как в анкете, которую он набросал в своей докладной записке женевскому конгрессу в 1866 году, заклю-

чается около полутора десятка вопросов, в новой анкете их свыше ста, до самых мелочей предусматривающих все условия жизни рабочего. Для того времени это одна из самых подробных анкет, которая могла быть составлена только таким глубоким знатоком рабочего вопроса, как Маркс. Она являлась новым доказательством его умения подходить к конкретным условиям, охватывать конкретную действительность, которая всегда отличала Маркса, несмотря на все обвинения его в любви к абстракции, отвлеченности. Умение анализировать действительность, делать на основании ее изучения общие выводы—еще не означает отвлечения от действительности, парения в высотах абстракции. К сожалению, анкета была напечатана на французском и сейчас же была переведена только на польский язык. На русском языке она опубликована была по моему предложению, в одном из профессиональных органов только в прошлом году.

Очень внимательно следили Энгельс и, в особенности, Маркс за русским революционным движением. Оба они изучили русский язык. Маркс приступил к этому изучению очень поздно, но он настолько основательно взялся за дело, что в состоянии был читать не только Добролюбова, Чернышевского, но и таких наших писателей, как Салтыков-Щедрин, которые особенно трудно даются иностранцу. Маркс уже в состоянии был читать русский перевод «Капитала». Вопреки уверению Меринга, что Маркс после гаагского конгресса потерял в значительной степени свою популярность в России, она, наоборот, продолжала расти. Как критик буржуазной политической экономии, он пользовался таким авторитетом, как ни в одной стране, даже в Германии, и оказал влияние на ряд русских ученых, определив направление их работ. Прямое и косвенное влияние Маркса мы находим и в трудах русских экономистов, как, например, Зибера, Янжула, Каблукова, Кауфмана, русских историков, как, например, Ковалевского, Лучицкого и др. Другие сочинения Маркса, кроме «Капитала», мало кому были известны. И о философии Маркса, о материалистическом понимании истории большинство не

имело никакого представления, или еще меньше, чем мы это видели в Германии в семидесятых годах.

Правда, тот факт, что Маркс придает преимущественное значение экономическим отношениям, был известен уже давно. Как я это показал еще в 1901 году, Ткачев, известный критик и один из обвиняемых по нечаевскому делу, уже в 1865 году перевел на русский язык знаменитое предисловие к книге «К критике политической экономии», в котором Маркс дал сжатое изложение материалистического понимания истории. Но Ткачев, как после Зибер и Николай—он, признавая решающее значение экономических условий, не имел никакого представления о том, в какой связи находится это экономическое толкование истории с учением о борьбе классов.

Уже в семидесятых годах Маркс и Энгельс оказывали непосредственное влияние на Лаврова, издававшего в Лондоне периодический журнал «Вперед». Последователи Лаврова в России, лавристы, не хуже, но и не лучше, чем это делали немецкие социал-демократы в семидесятых годах, относились с большим уважением к Марксу, хотя и умудрялись соединять марксизм со всякими идеалистическими учениями. Не меньшим авторитетом пользовался он и среди русских бакунистов, которые отбросили нечаевщину и приспособили учение Бакунина к русским условиям, превратив его в самобытное революционное народничество.

Сам Маркс, а вместе с ним и Энгельс, в конце семидесятых годов, выше всего ценили движение «Народной Воли». Рассматривая, как вы помните, царскую Россию, как главный оплот международной контр-революции, они приветствовали в героической борьбе народовольцев сильнейшее революционное движение, направленное против русского царизма. «Народная Воля» считала Маркса одним из величайших учителей социализма и признала это публично в одном специальном обращении к нему, представляющем огромный интерес.

Существует ряд рукописей Маркса, писем его, которые показывают, как внимательно изучал он русскую литературу, русские социально-экономические отношения. Его

близкие и родные даже протестовали против того усердия, с которым русские знакомые, как Николай—он (Даниельсон), посылали Марксу различные статистические материалы. Они хорошо знали, в каком он находится состоянии, и боялись, что это напряженное чтение, в котором он видел подготовительную работу для «Капитала», отразится неблагоприятно на его расшатанном организме. А как внимательно изучал он эти отношения, показывают замечания, сделанные им не только в тетрадях, но и в письмах к Николаю—ону, в которых мы находим интереснейшие соображения о России. Тщательно изучив русские данные о состоянии земледелия, он установил не только главные причины наших неурожаев, но и закон их периодичности,—выводы, которые подтвердились историей наших неурожаев до последнего, который пришлось переживать уже Советской России.

Маркс хотел ввести итоги своих работ в третий том «Капитала», где ему приходится обсуждать формы землевладения. Ему, к сожалению, это не удалось. Когда к нему обратилась в 1881 году Вера Засулич с письмом, в котором она просила Маркса ответить ей и товарищам на вопрос о судьбах русской общины, он взялся сейчас же за работу. Я до сих пор не знаю, получили ли Засулич и Плеханов этот ответ. Я могу только предполагать, что нет. Мне удалось найти черновик этого ответа. Он носит явственные следы надорванной работоспособности. Маркс несколько раз принимался за работу, черкал и перечеркивал, да так и бросил, вероятно, письмо неконченным. Оно скоро будет мною опубликовано.

Маркс успел еще вместе с Энгельсом снабдить предисловием новый русский перевод «Коммунистического Манифеста», сделанный, как они думали, Верой Засулич, но в действительности принадлежащий Плеханову.

Старушка история подшутила над Марксом и Бакуниным. Из той группы русских революционеров, которые составляли русскую ветвь Интернационала, выбравшую своим представителем в генеральном совете Маркса, ни один не сделался последовательным марксистом. Хуже

того, за исключением Лопатина, все они после, то в силу усталости и изношенности, которые часто выпадают на долю профессионального революционера, покинули революционное поприще, то стали ренегатами. Наоборот, именно из среды русских бакунистов—Плеханова, Засулич, Аксельрод, Дейч—вышли первые русские марксисты, для которых марксизм был не только экономическим учением, но и алгеброй революции.

Последние полтора года жизни Маркса были медленным умиранием. Перед ним лежал вчерне еще огромный труд, за который он принимался, как только получал маленькую передышку. В пору расцвета своих сил он создал в основных контурах модель, набросок, в котором нашли свое выражение основные законы капиталистического производства и обращения. Но он уже не в силах был превратить его в такой же живой организм, как первый том «Капитала», который так ярко и выпукло выявил весь механизм капиталистического процесса производства и развивающуюся на его основе борьбу капиталиста и рабочего.

И, когда измученному борьбой с болезнями, которые находили себе благоприятную почву в истощенном организме, когда больному Марксу судьба нанесла один за другим два таких удара, как смерть жены и дочери, он не выдержал. Свирепый Маркс был, как это ни странно, прекрасным семьянином и самым мягким человеком в личной жизни, поразительно напоминающим в этом отношении нашего Чернышевского. Когда вы будете читать письма Маркса к его старшей дочери, смерть которой произвела на него такое сильное впечатление, что близкие люди после этого ждали его смерти со дня на день, вы спросите себя, откуда у этого сурового человека бралось столько нежности и чуткости.

Я позволю себе маленькое отступление. Когда на девятом партийном с'езде устроили чествование тов. Ленина, члены с'езда заставили меня взять слово. Думаю, что они сделали это в расчете, что если я буду говорить, то буду, конечно, только хвалить. Я указал тогда на некоторые

черты товарища Ленина, которые делали его столь чуждым нашим западно-европейским товарищам. Я рассказал, между прочим, с каким удивлением слушал меня Виктор Адлер, когда я сообщил ему—речь шла о том, чтобы поскорее вызволить тов. Ленина и Зиновьева из затруднительного положения, в которое они попали в начале войны в Австрии,—что товарищ Ленин является великолепным семьянином и очень заботливым зятем. Незадолго перед этим вышла написанная специально для того, чтобы окончательно опорочить т. Ленина и большевиков, пакостная книжечка Мартова, в которой Ленин изображен был в качестве главаря банды разбойников и экспроприаторов, для которых не существует ни божеских, ни человеческих законов.

И точно так же, как с удивлением слушал мой рассказ о Ленине Виктор Адлер, так и всякие филистеры, не только простые обыватели, но и революционные новички, с удивлением читают последние страницы из жизни Маркса. Конечно, не хорошо, что революционер часть своих сил отдает не только революции. Настоящий революционер, думают эти, очень часто, рыцари на час, всю свою жизнь, все двадцать четыре часа в сутки, должен стоять на страже. Круглые сутки он либо пишет, либо принимает резолюции. Словом, это должен быть человек, состоящий только из той революционной стали, которой недоступны никакие человеческие чувства. Словом, как говорится в евангелии, жил Иоанн, не ел, не пил. Правда, и там прибавляется, что он все же питался акридами и диким медом, т.-е. лучше, чем многие партийные работники в 1918 и 1919 г. Но уже Иисус оказался не на высоте. Он изменил тактику. В евангелии сказано, что он и ел, и пил, и даже проклял смоковницу за то, что она была бесплодна. Иисус был, несмотря на это, крепче в своем бунтарстве, чем твердокаменный Петр, который, в силу политических соображений, три раза от него отрекся.

Надо судить по-человечески. Ведь, и вы, товарищи, когда читаете биографии людей, которых вы привыкли чтить и уважать, наверное радуетесь, когда узнаете, что

человек, к которому вы относитесь с таким почтением, такой же человек, как и другие, только умнее, образованнее, более полезный для революционного дела. Это только в старых, ложно-классических, как их называли, драмах и трагедиях люди изображаются героями: ходит—горы трещат, ногой стукнет—земля лопается, и ест и спит, как герой.

Так иногда изображают и Маркса, таким он является и у нашей славной, старой Клары Цеткин, которая вообще имеет склонность к высоким торжественным нотам. Когда так рисуют Маркса, забывают о том, что он сам в ответ на вопрос, какой его любимый лозунг, сказал: есмь человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Не чужды были ему и грехи, и он часто жалел, что бывал иногда чересчур доверчив к людям, а иногда чересчур несправедливым к некоторым. Что касается меня; то, при всей моей любви к Марксу, я еще могу простить ему, что он, как уроженец примозельского края, не мог отказаться от вина, но не могу простить ему, как не могу и вам, что он так много курил. Он сам говорил в шутку, что «Капитал» не принес ему столько дохода, чтобы покрыть расходы на табак, который он выкурил, пока писал свою книгу. А курил он по бедности сквернейший табак и выкурил не мало жизни и здоровья, нажив себе тот хронический бронхит, который особенно терзал его в последние годы жизни.

Маркс умер 14 марта 1883 года. И Энгельс был прав, когда писал в день его смерти другому старому товарищу Маркса, Зорге:

«Все явления, даже самые ужасные из них, совершающиеся по законам природы, чреваты утешением. Так и в данном случае. Искусство врачевания могло бы, может-быть, продлить ему пару лет растительного существования, жизнь беспомощного, лишь во славу искусства докторов, не сразу, а медленно умирающего существа; но такой жизни наш Маркс не перенес бы. Жить, имея перед собою ряд незаконченных работ, и испытывать муки Тантала при мысли о невозможности довести их до конца—было бы для него в тысячу раз тяжелее спокойной смерти.

«Смерть страшна не умирающему, а остающемуся в живых!»—имел он обыкновение повторять вместе с Эпикуром. И этого мощного гениального человека видеть развалиной, влачащей свое существование для вящей славы медицины и для насмешек над собою филистеров, которых он, во цвете своих сил, так часто беспощадно уничтожал—нет, в тысячу раз лучше то, что совершилось; нет, в тысячу раз лучше будет, когда мы его послезавтра снесем в могилу, в которой спит и его жена.

«По моему мнению, после всего пережитого, другого исхода не было; это я знаю лучше всех врачей.

«Пусть будет так. Человечество сделалось ниже на целую голову, при чем на самую гениальную из всех тех, какими оно располагало в последнее время.

«Движение пролетариата пойдет своим путем, но не будет уже центра, к которому в критические минуты спешили за помощью французы, русские, американцы и немцы, получавшие от него всегда ясные и верные советы; такие советы, которые мог дать только гений и человек, в совершенстве владеющий предметом».

На долю Энгельса выпали теперь крайне ответственные задачи. Блестящий писатель, считающийся одним из лучших немецких стилистов, всесторонне образованный человек и специалист в ряде областей человеческого знания, он, при жизни Маркса, невольно и добровольно отходил на задний план. «Я не могу отрицать, что я и прежде, и во время моих сорокалетних сношений с Марксом самостоятельно содействовал как обоснованию, так и, преимущественно, разработке теории. Но огромная часть основных руководящих мыслей, особенно в области истории и экономики, и их окончательная резкая формулировка принадлежат исключительно Марксу. То, что внес я, Маркс мог бы легко пополнить и без меня за исключением, может быть, двух-трех специальных отделов. А того, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать. Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и скорее всех нас. Маркс был гений, мы—в лучшем случае таланты. Без него

наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она справедливо называется его именем».

Энгельсу приходилось теперь, как он писал старому Беккеру, играть первую скрипку после того, как он всю жизнь играл вторую и только радовался, что у него такая великолепная первая скрипка, как Маркс. А играли они по нотам, которые легко разбирали только они оба. И вот первая, колоссальнейшей важности задача, которая выпала теперь на долю Энгельса, это был разбор литературного наследства Маркса. Вопреки пошленьким предположениям одного итальянского профессора, когда-то в письмах к Марксу рассыпавшегося в самых льстивых выражениях, а теперь осмелившегося печатно заявить, что Маркс, ссылаясь в первом томе «Капитала» на второй и третий том, только обманывал публику, оказалось, что в бумагах Маркса нашлись рукописи второго, третьего и четвертого томов. К сожалению, все это было оставлено в таком виде, что Энгельс, который не мог посвятить все свое время только этой работе, справился с нею лишь в течение одиннадцати лет. Маркс писал крайне неразборчиво, употребляя часто почти стенографические сокращения на свой собственный лад. Незадолго до смерти он сказал своей младшей дочери, когда ему уже ясно стало, что он не в состоянии закончить свою работу, что, может быть, Энгельс сделает еще что-нибудь из этих бумаг.

К счастью, Энгельс успел еще справиться с главной частью этой работы. Он издал второй и третий томы «Капитала». Я, по плану моих лекций, не могу останавливаться подробно на этой работе, как я отложил до другого курса изложение и первого тома «Капитала». Скажу только теперь, чтобы вы могли оценить значение этой работы Энгельса, что вряд ли без него кто-нибудь справился бы с ней. В ней имеются некоторые недостатки, но в том виде, как они напечатаны, на них приходится ставить не только имя Маркса. Есть только очень слабая надежда получить все рукописи в том виде, как их имел Энгельс, и мы, как и все последующие поколения, можем изучать остальные части «Капитала», кроме первого тома, только в обработке их Энгельсом.

Другая важная работа, которую он прежде больше выполнял, как сотрудник и помощник Маркса, теперь легла всей своей тяжестью исключительно на него. Если они прежде оба, и после смерти Первого Интернационала, играли роль старого генерального совета, то теперь весь этот труд по посредничеству и сношениям между различными социалистическими партиями, а также и труд консультанта, сведущего человека,—все это падало все более возрастающим бременем на одного Энгельса. Как раз после смерти Маркса начинается сильный рост международного рабочего движения, который уже в 1886 г. поставил на очередь организацию нового Интернационала. По и после 1889 г., когда в Париже собрался первый съезд, на котором был основан Второй Интернационал, остававшийся до 1900 г. без постоянного центрального бюро, Энгельс принимал самое деятельное участие в рабочем движении почти всех стран Европы как в качестве литератора, так и в качестве советчика. Старый генеральный совет, состоявший из многих членов, с рядом секретарей для отдельных стран, теперь олицетворялся в самом Энгельсе. Как только возникает в какой-нибудь стране новая марксистская группа, она сейчас же обращается за советом к Энгельсу, который, с его удивительным знанием языков, умудряется, иногда совершенно правильно, а иногда с ошибками, отвечать многим на их родном языке. Он следил внимательно за рабочим движением каждой страны по ее собственной литературе. Это отнимало у него много времени, но зато он укреплял этим влияние марксизма в этой стране, умело связывая его положения с особенностями ее. Нет буквально ни одной страны, которую он не обслуживал бы, как писатель, как участник ее центрального органа. Мы находим его статьи не только в немецких и австрийских органах, не только во французских, он находит время, чтобы снабдить предисловием польский перевод «Коммунистического Манифеста», он помогает своими советами и указаниями испанским и португальским, шведским и датским, болгарским и сербским марксистам.

Особенно следует подчеркнуть помощь, которую Энгельс оказывал молодому русскому марксизму. Зная русский язык, он мог знакомиться непосредственно с русской марксистской литературой, и только благодаря его влиянию группа «Освобождение Труда», несмотря на огромный престиж «Народной Воли», могла так быстро связаться с немецким марксизмом и справиться с тем недоверием, которое в Западной Европе и, в особенности, в Германии и Франции питали по отношению к рабочему движению и марксизму в такой азиатской стране, как Россия. В 1889 г. Плеханов специально ездил в Лондон к Энгельсу, чтобы познакомиться с ним и познакомить его с новым течением в русском революционном движении. Для первого русского марксистского журнала, который начала издавать группа «Освобждение Труда», Энгельс написал специальную работу о внешней политике русского царизма.

Энгельс очень скоро увидел плоды своей энергичной деятельности. Когда основан был Второй Интернационал, Энгельс не принял непосредственного участия в работах его конгрессов. Он избегал публичных выступлений и ограничивался тем, что являлся теперь советником тех своих учеников, которые во всех странах руководили этим движением и информировали его обо всем важном, стараясь использовать его авторитет. Некоторые партии завоевывали себе влияние и сохраняли его в Интернационале, благодаря авторитету Энгельса. Под конец его жизни такой способ сношений исключительно с вождями главной партии в стране приводил к некоторым неудобствам. В то время, как он сразу же восстал против увлечений французских марксистов в области крестьянского вопроса, отстаивая пролетарский характер программы, он уступил немецким товарищам, опасавшимся возобновления закона против социалистов, и смягчил свое введение к статьям Маркса о «Классовой борьбе во Франции», которые представляют, наоборот, блестящее приложение принципа непримиримой классовой борьбы и диктатуры пролетариата.

В предисловии к четвертому немецкому изданию «Коммунистического Манифеста», которое писано было им в

день первой международной маевки (в 1890 г.), Энгельс, указывая на рост международного рабочего движения, жалеет, что нет с ним рядом Маркса, чтобы видеть это собственными глазами. В то время, когда Маркс был известен только наиболее развитым верхушкам рабочего движения и так и не дожил до того, что называется широкой популярностью, Энгельс, хорошо знавший все значение рекламы, иногда тщетно боровшийся против замалчивания буржуазной прессой «Капитала» и ненавидевший всякое саморекламирование и парады не меньше своего друга, под конец жизни стал одним из самых популярных людей в международном рабочем движении. Он мог убедиться в этом, когда впервые уступил настояниям друзей и посетил в 1893 г. европейский континент. Массовые овации и встречи, организацию которых Лассаль рекомендовал не только как средство агитации, но и как средство выделять вождей, рекламировать их, поднимать их выше масс,— эти демонстрации принимали в 1893 г. грандиозный характер просто уже в силу колоссальных размеров рабочего движения в сравнении с 1863 годом. Такой же грандиозный характер носила овация, устроенная Энгельсу на международном конгрессе в Цюрихе, где он хотел быть только гостем и лишь под конец выступил с маленькой речью.

Не могу не упомянуть об одном эпизоде, который разыгрался на этом с'езде в присутствии Энгельса. Тогда в Интернационале пользовалась непропорционально большим влиянием польская социалистическая партия, которая выставляла напоказ свой марксизм и в то же время выдвигала лозунг независимости Польши, впадая все больше в вульгарный социал-патриотизм. Рядом с ней возникла другая, тоже марксистская группа, уже тогда заметившая уклон польской социалистической партии от пролетарской линии. Эта маленькая группа, во главе которой стояла Роза Люксембург, добивалась для себя доступа на цюрихский с'езд. Им отказали в этом. Плеханов тоже не поддержал их, ибо, как он мне рассказывал, в присутствии Энгельса это было безнадежным делом. Тут были, правда, и другие мотивы, и главным из них являлось то обстоятель-

ство, что группа Люксембург подчеркивала свою связь с польской организацией «Пролетариат», находившейся когда-то в союзе с «Народной Волей» и выступившей потому против группы «Освобождение Труда».

Как бы то ни было, группа Люксембург была совершенно изолирована. Сама она была удалена с конгресса. Этот удар ей пришлось перенести в присутствии всего Интернационала, в присутствии самого Энгельса. Она, как женщина, может быть, и всплакнула, но она не обиделась ни на Маркса, ни на Энгельса, ни на научный социализм, а еще более укрепилась в своем убеждении и сказала себе: «Мы убедим Интернационал, мы докажем им свою правоту». Именно это отличало Розу Люксембург от многих жалких интеллигентов. Попадая в пролетарскую партию, испытав ту или иную, кажущуюся или действительную несправедливость, они спешат уйти, чтобы начать скулить против этой партии и затем перейти в ряды буржуазии. Но партия не институт благородных девиц. Она состоит из живых людей, наносящих друг другу в сутолоке борьбы чувствительные удары. Это неприятно, но неизбежно и в национальном, и в международном масштабе. И Люксембург показала после цюрихского конгресса, на котором были и другие обиженные, ушедшие к анархистам или просто к буржуазии, что она настоящая ученица Маркса и Энгельса, представителей той настоящей революционной интеллигенции, вся роль которой состоит в том, чтобы помочь рабочему классу сознать самого себя и в меру сил и возможности сделать революционных рабочих не интеллигентами—упаси боже!—а интеллигентными рабочими.

Энгельс, в отличие от Маркса, сохранил свою работоспособность почти до 75 лет. Еще в марте 1895 г. он пишет Виктору Адлеру интересное письмо с указаниями, в каком порядке читать второй и третий томы «Капитала». Около этого же времени он написал интересное дополнение к третьему тому. Он собирался написать историю Первого Интернационала. И как раз в разгаре этой умственной работы его захватила жестокая болезнь, которая положила конец его жизни 5 августа 1895 г.

Маркс похоронен на Гайгетском кладбище в Лондоне, в одной общей могиле с женой и внуком. Она покрыта простым камнем. Когда Бебель писал Энгельсу, что он хочет предложить, чтобы на могиле Маркса был воздвигнут памятник, Энгельс ответил ему, что дочери Маркса высказываются решительно против. Когда умер Энгельс, уже начали практиковать сожжение умерших. Поэтому он завещал сжечь его тело и прах опустить в море. После его смерти возник спор, исполнять ли его волю или нет, ибо некоторые немецкие товарищи стояли на точке зрения тех, которые хотят превратить всю Красную площадь в кладбище да еще с памятниками. К счастью, другие товарищи настояли на том, чтобы воля покойного была выполнена. Тело Энгельса сожгли, а урну с его пеплом опустили в Северное море.

Оба друга оставили по себе памятник крепче всякого гранита, красноречивее всякой надгробной надписи — международное коммунистическое движение пролетариата, которое идет верными шагами под знаменами марксизма, революционного коммунизма, к торжеству всемирной социальной революции. Они оставили нам метод научного исследования, правила революционной стратегии и тактики. Они оставили неисчерпаемую сокровищницу знаний, которая до сих пор еще служит нам неистощимым источником для изучения и понимания окружающей нас действительности.

Одного только счастья не было им суждено. Оба они испытали наслаждение, которое доставляет освещающая гроза революции, оба принимали в ней деятельное участие, но это была революция буржуазная. Им не пришлось дожить до революции социальной, революции пролетарской. Но дух их веет над нашей революцией, и в приближающихся раскатах мировой социальной революции слышится брошенный ими 75 лет назад могучий призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ.—Введение.—Промышленная революция в Англии.—Великая французская революция и ее влияние на Германию 11

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ.—Революционное движение в Германии 30-х годов.—Рейнская провинция.—Юношеские годы Маркса и Энгельса.—Литературные работы Энгельса.—Маркс—редактор «Рейнской Газеты». 31

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ.—Связь научного социализма с философией. — Материализм. — Кант.—Фихте.—Гегель.—Фейербах.—Диалектический материализм Маркса.—Историческая миссия пролетариата. . 51

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ.—Критика обычных взглядов на историю Союза Коммунистов.—Маркс, как организатор.—Борьба с Вейтлингом.—Основание Союза Коммунистов.—«Коммунистический Манифест».—Полемика с Прудоном 75

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ.—Германская революция 1848 г.—Маркс и Энгельс в Рейнской провинции.—Основание «Новой Рейнской Газеты».—Готшальк и Виллих.—Кельнский рабочий союз.—Политика и тактика «Новой Рейнской Газеты».—Стефан Борн.—Поворот в тактике Маркса.—Поражение революции и разногласия в Союзе Коммунистов.—Раскол. 101

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ.—Реакция пятидесятых годов.—«Нью-Йоркская Трибуна».—Крымская война.—

Взгляды Маркса и Энгельса.—Итальянский вопрос.—Спор Маркса и Энгельса с Лассалем.—Полемика с Фогтом.—Отношение Маркса к Лассалю 123

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ.—Кризис 1857—8 г.г.—Рост рабочего движения в Англии, Франции и Германии.—Лондонская международная выставка в 1862 г.—Гражданская война в Америке.—Хлопковый голод.—Польское восстание.—Основание Первого Интернационала.—Роль Маркса.—Учредительный манифест. 153

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ.—Устав Первого Интернационала.—Лондонская конференция.—Женевский конгресс.—Докладная записка Маркса.—Международные конгрессы в Лозанне и Брюсселе.—Бакунин и Маркс.—Базельский конгресс.—Франко-прусская война.—Коммуна.—Борьба между Марксом и Бакуниным.—Гаагский конгресс. . . . 183

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ.—Переезд Энгельса в Лондон.—Его роль в генеральном совете.—Болезнь Маркса.—Энгельс, как его заместитель.—«Анти-Дюринг».—Последние годы Маркса и его интерес к России.—Энгельс, как издатель литературного наследства Маркса.—Роль Энгельса в эпоху Второго Интернационала.—Смерть Энгельса. . . . 229

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Д. Рязанов — ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ МАРКСИЗМА.

Содержание:

К. Маркс и Ф. Энгельс в их переписке до революции 1848 года.
Юношеские работы Ф. Энгельса.
Страничка из жизни Маркса.
К. Маркс и „Нью-Иоркская Трибуна" (1851—56).
К. Маркс и венская „Пресса".
Исповедь Маркса.

Маркс и Бакунин в 60-х годах.
Маркс и Энгельс как шовинисты.
Вальян и Маркс.

К. Маркс и русские люди 40-х годов.
Две правды (марксизм и народничество).
Маркс и Р. К. П.

Б 29
153
26

Англо-русские отношения в оценке К. Маркса.
Маркс и Энгельс о балканском вопросе.
Маркс и Энгельс о польском вопросе.

Книга свыше 30 печатных листов большого формата и выйдет в мае 1923 г.